

СРЕДИ ОТОШЕДШИХЪ.

(Изъ моихъ воспоминаній).

И тихъ мой будетъ поздній часъ,
И смерти добрый геній
Шепнетъ, у двери постучась:
«Пора въ жилище тѣней».

Пушкинъ.

I.

Варшава 50-хъ годовъ прошлаго вѣка.—Паскевичъ, комета и Крымская кампанія.—Старики-заговорщики: Тутчекъ, Фундуклей, Павлицевъ, Мухановъ, графъ Нессельроде и др.—Ордонангауэ.—Саксонская площадь и памятникъ полякамъ.

ВЪ ВОСПОМИНАНІЯХЪ о выдающихся людяхъ, съ которыми я встрѣчался въ дѣтствѣ въ Варшавѣ, одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ «князь», какъ всѣ его тогда называли, или официально: намѣстникъ царства Польскаго, генераль-фельдмаршалъ Паскевичъ, свѣтлѣйшій князь Варшавскій, графъ Эриванскій. Я тогда и не подозрѣвалъ, что у него такое торжественное, длинное имя. Для меня это былъ просто добрый старикъ, дряблый и слабый, мимоходомъ трепавшій меня по щекѣ или совавшій мнѣ леденецъ въ ротъ. Онъ мнѣ даже казался смѣшнымъ. Но объ этомъ потомъ. Теперь же отмѣчу только, что въ моихъ воспоминаніяхъ этотъ слабый и добрый старикъ сливается съ представленіемъ о необычайномъ небесномъ явленіи и о метаморфозѣ, происшедшей съ другими окружавшими меня въ дѣтствѣ стариками.

Небесное явленіе, о которомъ я упомянулъ, была огромная комета, ядро которой виднѣлось на одной сторонѣ небосклона въ то время, какъ хвостъ, постепенно расширяясь, занималъ все видимое

пространство на противоположной сторонѣ. Это было величественное зрѣлище, наводившее страхъ на суевѣрныхъ людей и наполнявшее нашу дѣтскую душонку чувствомъ, близкимъ къ ужасу. Какъ только начинало смеркаться, огненное небесное явленіе выступало все ярче, и взрослымъ стоило большого труда успокоить насъ, малышей, особенно когда наступало время ложиться спать. Занавѣски спускались, въ домѣ водворялась тишина, но мы всѣми фибрами чувствовали, что тамъ за занавѣсками происходитъ нѣчто страшное. Обычный крикъ протяжно перекликавшихся часовыхъ: «слуша-а-ай!» дѣйствовалъ прежде на насъ успокоительно, но съ тѣхъ поръ, какъ стала появляться эта ужасная комета, онъ казался намъ зловѣщимъ и только усиливалъ нашу нервность. Страхъ нашъ доходилъ до того, что мы будили взрослыхъ, прося ихъ посидѣть у нашихъ кроватей, пока, обезсиленные отъ утомленія, не засыпали.

Въ безпокойствѣ, которое мы причиняли взрослымъ, мы были, однако, не одни виноваты. Насъ-то они успокаивали, а сами между собою вели далеко не успокоительныя бесѣды. Ихъ усиленно занималъ вопросъ, что собственно означаетъ грозное небесное явленіе. По ихъ понятіямъ, оно не означало что-нибудь пріятное, веселое, радостное. Наоборотъ, оно непременно предвѣщало непріятное, дурное, тревожное, даже катастрофическое, въ родѣ грандіозной войны, если не свѣтопреставленія. Преобладали, однако, толки о войнѣ. И дѣйствительно, она скоро разразилась.

Эта была война 1853—56 гг. Театръ военныхъ дѣйствій былъ далеко. Я не слышалъ грома орудій, не видѣлъ ужасовъ войны, не видѣлъ даже раненыхъ или плѣнныхъ. Тѣмъ не менѣе война глубоко врѣзалась въ мою память—и вотъ почему.

Въ головѣ ребенка міръ отражается иначе, чѣмъ въ головѣ взрослого. Это понятно, но менѣе понятно, что хотя мы всѣ и были дѣтьми, но рѣдко кто изъ насъ умѣетъ понять жизнь ребенка, вдуматься въ его мысли, побужденія, чувства. Въ данномъ случаѣ произошло слѣдующее: мы, дѣти, почувствовали, что помѣнялись ролями со взрослыми. Шушуканье, кажется, было нашею дѣтское привилегією: вѣдь у насъ было столько тайнъ, важныхъ для насъ и нисколько не интересныхъ для взрослыхъ. И вдругъ стали шушукаться именно они. Они тихонько, точно мы, маленькіе заговорщики, обсуждали что-то очень важное, иногда какъ будто горячились, не повышая, однако, голоса; наоборотъ, чѣмъ сильнѣе они волновались, тѣмъ тише говорили, точь-въ-точь какъ мы, дѣти. Это шушуканье меня очень заинтересовало, и я невольно прислушивался, причемъ тотчасъ же сдѣлалъ открытіе, что разговоры стариковъ удивительно какъ походятъ на уроки географіи моей сестры, которой учитель показывалъ карту, поясняя: «Вотъ это — Англія, это — Франція, Германія, Австрія, Турція, Сардинія, Россія».. Старики тоже постоянно повторяли названія этихъ странъ, причемъ

чаще всего называли Россію. Не менѣе часто упоминали они и о старомъ князѣ, и я никакъ не могъ уяснить себѣ, какое отношеніе имѣть князь къ этому подобію урока географіи.

Только впослѣдствіи, когда я уже былъ ученикомъ старшихъ классовъ гимназіи и студентомъ, я уяснилъ себѣ, что это были за старики. Тутъ были: старый боевой генералъ, мой опекунъ Тутчекъ, въ теченіе 26 лѣтъ занимавшій постъ варшавскаго коменданта, чловѣкъ очень образованный и начитанный; извѣстный геодезистъ, генералъ Теннеръ, начальникъ триангуляціи въ царствѣ Польскомъ; сенаторъ Фундуклей, создатель первой женской гимназіи не только въ Россіи, но и въ мірѣ вообще, замѣчательный экономистъ, труды котораго послужили основаніемъ для работъ Милютинъ по крестьянской реформѣ 1864 г., историкъ Павлищевъ, одинъ изъ первыхъ, если не первый русскій ученый изслѣдователь историческихъ судебъ Червонной Руси, основатель «Варшавскаго Дневника» (какъ извѣстно, онъ былъ женатъ на родной сестрѣ Пушкина, бывшей также однимъ изъ видныхъ членовъ русскаго варшавскаго общества въ 50-хъ годахъ); историкъ же Мухановъ, попечитель варшавскаго учебнаго округа, усердный собиратель историческихъ документовъ, графъ Нессельроде, племянникъ канцлера, большой меломанъ, дочь котораго великосвѣтская красавица и піанистка, знаменитая Калерджи, сдѣлала не мало для искусства въ Польшѣ (такъ, она извлекла изъ провинціальной глуши Монюшка, доставила ему популярность въ Варшавѣ, содѣйствовала постановкѣ его «Гальки», мирно покоившейся въ его портфель двѣнадцать лѣтъ, и назначенію его директоромъ варшавской оперы), маркизъ Паулуччи, генералъ Дьяковъ и мн. др. Я тутъ перечислилъ только дѣятелей, образы которыхъ глубоко врѣзались въ мою память, вѣроятно, потому, что я чаще съ ними встрѣчался, или потому, что они особенно ласково относились ко мнѣ. Но, повторяю, я въ то время не могъ имѣть никакого представленія объ ихъ заслугахъ, объ ихъ государственномъ или общественномъ значеніи. Все это выяснилось для меня только впослѣдствіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ я понялъ, какъ невѣрно судятъ тѣ, кто представляетъ себѣ николаевскихъ дѣятелей сухими формалистами, лишенными собственной инициативы и только исполняющими приказанія своего повелителя. Вспоминая окружавшихъ меня въ дѣтствѣ стариковъ, я преклоняюсь передъ ихъ заслугами и преисполненъ къ нимъ чувства благодарности и за себя, за то, что они своими ласками и совѣтами внесли тамъ много тепла въ мою зарождавшуюся жизнь.

Но я остановился на томъ, какъ эти старики разыгрывали въ моемъ представленіи роль заговорщиковъ. Ихъ собранія происходили въ хорошую погоду въ Саксонскомъ саду, въ ненастную же часто въ ордонансгаузѣ.

. Это еще что?—спросить съ недоумѣніемъ современный читатель.

Ордоансгаузы давно переименованы въ комендантскія управления. Но комендантское управление это—чистѣйшая проза, а ордоансгаузъ окруженъ для меня цѣлымъ цвѣтникомъ яркихъ, милыхъ, благоухающихъ воспоминаній.

Собственно, ничего поэтического въ варшавскихъ ордоансгаузѣ не было. Большое двухъэтажное квадратное зданіе съ громаднымъ дворомъ, на которомъ можно было хотя бы объѣзжать лошадей, съ канцеляріями, архивомъ, квартирами для многочисленныхъ служащихъ: плацмайора, бау-адъютанта и прочихъ чиновъ, онъ находился на углу лучшей варшавской улицы, Краковскаго предмѣстья, и Королевской, выходя заднимъ фасадомъ на Саксонскую площадь, тогда еще не застроенную и примыкавшую, въ свою очередь, къ знаменитому Саксонскому саду. Теперь онъ значительно окорначенъ: въ немъ возникли даже новыя улицы. Но въ мое время это былъ цѣлый паркъ, расположенный въ самомъ центрѣ города и привлекавшій въ хорошую погоду всю Варшаву, желавшую на другихъ помотрѣть и себя показать, потолковать съ знакомыми или нужными людьми безъ обязательства считаться визитами. Садъ этотъ находился въ двухъ шагахъ отъ ордоансгауза, который ничѣмъ не отличался отъ другихъ казенныхъ заведеній подобнаго рода, но для насъ, малышей, это былъ цѣлый міръ,—міръ огромный, таинственный и чрезвычайно занимательный. Чего стоила ужъ одна наша квартира, занимавшая два этажа въ 12 большихъ комнатъ съ двумя людскими, съ антресолями, четырьмя прихожими, банею, конюшнею, сараемъ, садомъ,—тутъ было гдѣ развернуться, поиграть, пошалить, тѣмъ болѣе, что доступъ во все зданіе намъ былъ постоянно открытъ. Да и народу въ нашей квартирѣ было не мало: опекунъ, я съ сестрой, внучка опекуна, взрослая дѣвушка, только что окончившая Смольный, учитель, двѣ гувернантки, экономка съ сыномъ-кадетомъ и дочерью, поваръ, судомойка, вѣстовой, часовой у входа въ квартиру, лакей, двѣ горничныя, кучеръ, конюхъ, а по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ народу было еще больше, потому что у насъ постоянно гостило не мало дѣвочекъ и мальчиковъ, дѣти знакомыхъ семействъ, товарки и товарищи по играмъ и шалостямъ, въ которыхъ, помню, особенно отличался Ваня Прянишниковъ, позднѣйшій художникъ, превосходный рисовальщикъ, умершій въ 1909 г. и работавшій преимущественно въ американскихъ журналахъ: онъ былъ всѣхъ насъ старше, и выдумкамъ его не было конца... Всѣ эти люди вносили богатое содержаніе въ нашу дѣтскую жизнь, за исключеніемъ развѣ только часового у подъѣзда, который слишкомъ однообразно отдавалъ ружьемъ честь проходившимъ военнымъ и всегда стоялъ истуканомъ, не отвѣчая ни словомъ, ни улыбкой на всѣ наши заигрыванія. Если къ этому прибавить свободу, которою мы пользовались, любовное отношеніе къ намъ взрослыхъ, общую непринужденность, обусловленную добродушіемъ опекуна, увеселительныя

поѣздки въ окрестности, домашніе спектакли съ устройствомъ сцены въ громадной нашей залѣ, то не трудно будетъ понять, почему чуждое и тяжеловѣсное названіе «ордонансгаузъ» окружено для меня пріятными, веселыми, милыми воспоминаніями и кажется мнѣ гораздо болѣе поэтическимъ, чѣмъ сухое и ничего не говорящее моему сердцу названіе: комендантское управленіе.

Зданіе ордонансгауза было, какъ сказано, отдѣлено отъ Саксонскаго сада Саксонскою площадью, тогда пустою. Теперь эта площадь застроена православнымъ соборомъ, но въ мое время на всей площади, ближе въ Саксонскому саду, виднѣлся только не особенно высокій темный обелискъ съ надписью: «Полякамъ, павшимъ за вѣрность своему Государю», и съ перечисленіемъ ихъ фамилій. Когда я на пятомъ году жизни научился читать, я замѣтилъ, что среди этихъ фамилій красуется и фамилія моего тезки, генерала Сементковскаго. Съ тѣхъ поръ меня занималъ вопросъ, что это за генералъ Сементковскій, имѣетъ ли онъ что-нибудь общее со мною, и почему поляки «пали за вѣрность своему государю»? Каждый разъ, когда я проходилъ мимо этого обелиска и не былъ занятъ чѣмъ-нибудь другимъ, я самъ задавался этимъ вопросомъ и задавалъ его другимъ. Отвѣты получались по большей части для меня невразумительные, и поэтому приходилось обращаться все къ новымъ лицамъ. Ясно было только то, что этотъ генералъ не имѣетъ со мною ничего общаго, и что онъ только назывался такъ, какъ и я назывался, подобно тому, какъ нашъ лакей панъ Крупскій не имѣлъ ничего общаго съ тѣмъ паномъ Крупскимъ, который состоялъ капельдинеромъ въ театрѣ и раздѣвалъ и одѣвалъ насъ, когда мы приходили въ свою ложу. Но, кромѣ этого, я ничего не понималъ. Поляковъ убили за то, что они остались вѣрны своему государю. Государя я зналъ, зналъ и поляковъ. О государѣ (Николаѣ Павловичѣ) часто говорили въ домѣ, и я не разъ разсматривалъ его портреты. Зналъ и поляковъ, съ которыми встрѣчался на каждомъ шагѣ. Они всегда были такъ милы со мною, а стрѣляли другъ въ друга, потому что одни любили государя (такъ я объяснялъ себѣ слово «вѣрность»), а другіе его не любили. «Кто же далъ имъ пушки и ружья?»—спрашивалъ я взрослыхъ. «Да самъ государь далъ,—отвѣчали мнѣ:—т. е. не самъ государь, а его братъ, который раньше былъ государемъ». Помню, недоумѣніемъ моимъ не было конца, и я все спрашивалъ, какъ государь могъ дать пушки и ружья тѣмъ, кто стрѣлялъ въ поляковъ, любившихъ его, и это продолжалось до тѣхъ поръ, пока наконецъ меня не образумилъ мой опекунъ. На мой вопросъ онъ мнѣ отвѣтилъ вопросомъ же. «А почему сегодня хорошая погода?»—«Потому что дождика нѣтъ».—«А почему дождика нѣтъ?» — «Не знаю», сказалъ я, подумавъ. — «И не будешь знать, пока не поучишься, да и то далеко не все узнаешь. Ну, и почему одни поляки стрѣляли въ другихъ, ты узнаешь, когда поучишься. Знать можно только то, чему

человѣкъ учился, и разсуждать слѣдуетъ только объ этомъ»... «А ты географіи учился?»—прервалъ я вдругъ опекуна.—«Почему ты спрашиваешь?»—«Потому что ты съ другими дѣдушками все говоришь объ Англіи, Франціи, Турціи, Сардиніи»...

Опекунъ мой отъ души расхохотался и отвѣтилъ, что онъ географію уже въ корпусѣ училъ, когда былъ маленькимъ мальчикомъ.

Когда я впослѣдствіи вспоминалъ этотъ разговоръ, мнѣ ясно представлялось, почему старики, окружавшіе меня въ дѣтствѣ, такъ таинственно шептались о Крымской кампаніи. Они не хотѣли огласки, не хотѣли вступать въ бесѣду о политикѣ съ другими людьми, не посвященными въ нее. Помню, опекунъ, даже когда я уже былъ студентомъ, постоянно уговаривалъ меня отложить разсужденія о политикѣ до окончанія курса: надо сперва учиться, а потомъ рѣшать вопросы этого рода. А я уже на школьной скамьѣ питалъ особенное пристрастіе къ политическимъ и историческимъ наукамъ. Но тѣмъ не менѣе мой опекунъ настаивалъ на своемъ, и только когда я уже кончилъ курсъ въ университетѣ, гдѣ я посвятилъ себя изученію государственныхъ наукъ, вступалъ со мною въ бесѣды о текущей политикѣ.

Очевидно, въ то время придерживались платоновскаго правила, что управлять и законодательствовать должны только философы, т. е. люди, специально посвятившіе себя этому дѣлу. Какъ извѣстно, приблизительно въ томъ же смыслѣ высказался немного позже и такой прогрессивный мыслитель, какъ Дж. Ст. Милль въ своихъ знаменитыхъ «Разсужденіяхъ о представительномъ правленіи». Вотъ эта точка зрѣнія и господствовала среди стариковъ, окружавшихъ меня въ дѣтствѣ. Они очень много сами занимались политикой, но очень не любили, когда непосвященные, по ихъ мнѣнію, ею занимались. Мой опекунъ всякую свободную минуту читалъ газеты, начиная съ «Московскихъ Вѣдомостей» и кончая «Колоколомъ», книги и брошюры политическаго или историческаго содержанія, злободневныя брошюры на политическія темы, но все это держалось подъ замкомъ изъ опасенія, что онѣ попадутъ въ постороннія руки, въ руки людей, неспособныхъ ихъ оцѣнить съ надлежащей точки зрѣнія. Вотъ почему, бесѣдуя между собою объ этихъ вопросахъ, старики производили впечатлѣніе заговорщиковъ.

II.

Отношеніе правительства и общества къ турецкимъ войнамъ. — Варшавскій генералитетъ въ парикахъ и варшавскій балетъ. — Страсть къ сплетнямъ. — Новое царствованіе и мой отъѣздъ въ школу.

Какая перемѣна произошла въ этомъ отношеніи на моемъ вѣку! Лѣтъ двадцать спустя, когда подготовлялась освободительная война 1877—78 гг., разговоры о ней велись совершенно открыто.

Всѣ чувствовали себя призванными рѣшать вопросы внѣшней политики: правящіе и неправящіе были убѣждены, что ихъ взгляды могутъ непосредственно вліять на жизнь, что стоитъ правительству сказать: да или нѣтъ, рѣшить вопросъ такъ или иначе,—и войны не будетъ, или же она будетъ. Никто не задавался вопросомъ, что это была уже одиннадцатая война съ Турціей, что, начиная съ половины XVI в., съ тѣхъ поръ, какъ дьякъ Ржевскій разбилъ турокъ у Очакова, во главѣ правительства у насъ стояли люди различнаго направленія или настроенія, что Іоаннъ Грозный, и «гораздо тихій» Алексѣй Михайловичъ, и великій Петръ, и нерѣшительная Анна Іоанновна, и блестящая Екатерина, и благословенный Александръ, и царь-рыцарь Николай, и Царь-Освободитель—всѣ вели войны съ Турціей и что въ различные эти царствованія и русское общество было различно настроено, и что тѣмъ не менѣе войны чередовались неизмѣнно, такъ что на столѣтіе приходится отъ одной до четырехъ русско-турецкихъ войнъ. Всѣ были убѣждены, что ходъ событій зависитъ исключительно отъ современниковъ. А чѣмъ руководствовались они въ своихъ соображеніяхъ или рѣшеніяхъ? Императоръ Николай Павловичъ чувствовалъ себя призваннымъ защищать въ Россіи и въ Европѣ консервативные принципы противъ революціонныхъ и представить себѣ не могъ, что онъ вступить въ борьбу съ такою легитимною властью, какъ власть австрійскаго императора; князь Паскевичъ, какъ бы предчувствуя, что Россіи и Австріи все равно не ужиться и что рано или поздно имъ придется вступить въ вооруженную борьбу, утверждалъ что путь въ Царьградъ ведетъ черезъ Вѣну, а русское общество тогда обсуждало вопросъ келейно, производя впечатлѣніе заговорщиковъ, какъ старики, окружавшіе меня въ дѣтствѣ. Но и впослѣдствіи, когда оно, какъ въ освободительную войну конца 70-хъ годовъ, могло уже разсуждать всенародно, при посредствѣ печати, въ гостиныхъ и разныхъ собраніяхъ, вопросъ рѣшался съ точки зрѣнія какого-нибудь общаго принципа, въ родѣ предпочтенія, которое надо оказывать внутреннему обновленію отечества передъ задачами внѣшними, пасифизма, династическаго характера войнъ и т. д. Но менѣе всего обсуждались тѣ историческія причины, которыя привели къ одиннадцати войнамъ съ Турціей и могли привести къ двѣнадцатой, дѣйствительно теперь разразившейся. Императоръ Николай I считалъ себя столпомъ консервативныхъ интересовъ, примѣрно какъ нѣкоторая часть русскаго общества считала себя призванной защищать либеральные принципы, но и та, и другая сторона охотно приносили въ жертву реальные внѣшніе интересы страны внутреннимъ, признаваемымъ болѣе существеннымъ.

Но въ счастливую пору дѣтства я, конечно, и понятія не имѣлъ обо всѣхъ этихъ «проклятыхъ» вопросахъ. Для меня существовали

только люди, которые меня окружали, люди живые, баловавшіе меня, услаждавшіе мою жизнь, что, однако, мнѣ не мѣшало подмѣчать ихъ слабости. Какая неблагодарность! Впрочемъ, эта неблагодарность простиралась не особенно далеко. Я даже любилъ эти слабости: онѣ сближали меня съ этими добрыми людьми, хотя между ними и мною было громадное разстояніе—полувѣковая, а то и болѣе продолжительная жизнь съ ея испытаніями, разочарованіями, размышленіями, умственнымъ трудомъ, словомъ, со всѣмъ, что удаляетъ стариковъ отъ дѣтей. Старые, милые заговорщики! Они не подозрѣвали, какъ ихъ глубокомысленныя соображенія о тайнахъ политики сближали съ ними насъ, дѣтей. Старики, а, смотришь, тоже что-то скрываютъ, кого-то боятся, шепчутся, оглядываются, не подслушивается-ли кто-нибудь, не выдастъ ли ихъ? А старый князь? Онѣмъ говорятъ вполголоса, какъ мы говоримъ о нашихъ родителяхъ, опекунахъ, его какъ будто боятся, но мы чувствуемъ, что онъ такой же старичокъ, какъ всѣ остальные, что его что-то роднитъ съ нами, дѣтьми. Какой онъ бывалъ смѣшной, когда въ Крещеніе идетъ со всѣми генералитетомъ въ дворцовомъ саду на водосвятіе, па Вислу, слегка сторбленный, съ парикомъ на головѣ, какъ другіе генералы, прикрывающіе свою лысину париками, да какими уморительными, кто чернымъ, какъ смоль, кто рыжимъ, кто свѣтлорусымъ или бѣлымъ, какъ ленъ, должно быть, въ память о прежнемъ цвѣтѣ своихъ волосъ. Это былъ странный маскарадъ, обращавшій на себя общее вниманіе. Иногда князь представлялся намъ даже жалкимъ. Это вызывалось не только старческою его дряхlostью, но и многообразными сплетнями и толками объ его домашней жизни. Мы, дѣти, ничего не знали о томъ, что государь называлъ его «своимъ другомъ», своимъ «отцомъ-командиромъ», «славою» и «исторією своего царствованія», основателемъ новаго единаго царства — «царства славянскаго». Мы всего этого не знали, да и врядъ ли все это много сказало бы нашему уму. Но сплетни и толки, распространенные о старомъ князѣ, доходили до насъ, дѣтей, и вполнѣ соответствовали тому, что намъ говорили глаза,—что не герой въ нашемъ смыслѣ этого слова находится передъ нами, а слабый человѣкъ, ничѣмъ не отличающійся отъ остальныхъ людей. Говорили, что князь побаивается своей супруги, очень энергичной дамы, что когда князь одаривалъ щедро кого-нибудь изъ уходившихъ слугъ, княгиня поджидала награжденнаго и изъ пяти червонцевъ оставляла одинъ, говоря, что и оставленнаго болѣе, чѣмъ нужно; говорили, что князь, какъ и окружавшій его генералитетъ, очень любить хорошенькихъ и поэтому въ балетѣ ихъ такъ много, что княгиня и вообще супруги генераловъ этимъ почему-то недовольны, и т. д. и т. д. Всѣ эти сплетни не умолкали среди разныхъ лицъ, окружавшихъ меня въ дѣтствѣ, среди разныхъ чиновниковъ, особенно изъ поляковъ, ихъ женъ, дочерей. И все это моему дѣтскому

уму было болѣе доступно, чѣмъ разсужденія о политикѣ, о государственныхъ вопросахъ, волновавшихъ стариковъ и составлявшихъ обычную тему ихъ разговоровъ.

Сколько времени прошло съ тѣхъ поръ! Я постепенно подрасталъ, и постепенно государственные вопросы стали для меня такой же родной стихіей, какъ для старичковъ, окружавшихъ меня въ дѣтствѣ. Но, прислушиваясь къ тому, чѣмъ заняты другіе, я часто приходилъ къ заключенію, что они не далеко отъ сплетенъ и толковъ, во время моего дѣтства занимавшихъ прислугу и мелкихъ чиновниковъ, что ихъ гораздо болѣе интересуетъ, говоря примѣрно, какіе фавориты были у Екатерины II и въ какихъ отношеніяхъ она съ ними находилась, чѣмъ великія ея государственныя дѣла и реформы. Какъ часто я вспоминалъ въ послѣдствіи дни моего дѣтства въ этомъ отношеніи, особѣнно же время, когда умеръ старый князь, ему на смѣну явился князь Д. М. Горчаковъ, произошла перемѣна царствованія и подготовлялось польское повстаніе. Но тутъ и въ моей жизни произошелъ крутой переломъ. Изъ родного дома мнѣ пришлось уѣхать въ далекую, какъ мнѣ казалось, страну, гдѣ находилась школа, въ которую меня опредѣлили. Объ это школѣ стоитъ поговорить именно въ настоящее время, когда происходитъ пересмотръ основъ нашего гимназическаго образованія.

III.

Гимназія подъ Венденомъ: Биркенру.—Гимназіи полвѣка тому назадъ и теперь.— Мои законоучителя: оо. Мутовозовъ, Поспѣловъ, Добролюбовъ, Полисадовъ и Заркевичъ.

Гимназія, въ которую меня опредѣлили, была извѣстна въ 40-хъ и 50-хъ гг. во всей Россіи, называлась Биркенру и находилась въ окрестностяхъ Вендена. Обслуживала она преимущественно прибалтійскія губерніи, но въ ней были ученики изъ Архангельска и Астрахани, изъ Перми и Варшавы, словомъ, изъ всей Россіи. Преобладали протестанты, но было не мало католиковъ и православныхъ, въ томъ числѣ много учениковъ, которые пріобрѣли въ послѣдствіи широкую извѣстность: до меня въ ней воспитывались В. Ө. Тиммъ, создатель «Русскаго Художественнаго Листка», увѣковѣчившій карандашомъ главные эпизоды величественной эпопеи, достойной защиты грознаго Севастополя, генераль-адъютантъ А. И. Пантелѣевъ, грудью защищавшій честь русскаго оружія въ кампанію 1877—78 гг. и заслужившій при взятіи Филиппополя георгіевскій крестъ. Вообще изъ стѣнъ заведенія вышло не мало георгіевскихъ кавалеровъ. Назову только тѣхъ, которые мнѣ въ данную минуту памяты: князь И. Н. Шаховской, баронъ Г. Г. Тизенгаузенъ, баронъ Э. И. Цеймернъ. Затѣмъ назову изъ бывшихъ учениковъ извѣстнаго врача и профессора А. Я. Гюббенета, не менѣ

извѣстнаго физика Р. Г. Ленца. Кто изъ болѣе пожилыхъ петроградцевъ не помнитъ окулиста, графа И. Х. Магавли, или кто изъ русскихъ не любовался картинами моего непосредственнаго товарища извѣстнаго художника К. А. Савицкаго? Всѣ они воспитанники этой школы, а изъ однородной школы въ Феллинѣ вышелъ мастеръ русской поэтической рѣчи, нашъ поэтъ Фетъ. Нельзя при этомъ не отмѣтить, что очень мало изъ воспитанниковъ венденской гимназiи записалось въ число людей 20-го числа. Есть между ними художники, писатели, врачи, адвокаты, ученые, техники, очень много сельскихъ хозяевъ, промышленныхъ дѣятелей, но чиновниковъ очень мало. Такъ и чувствуешь, что большинство воспитанниковъ—люди съ собственной инициативой, что проторенная дорога спокойной бюрократической карьеры ихъ не особенно соблазняетъ, что они принадлежать къ типу людей, которые «просятъ бури, какъ будто въ буряхъ есть покой». Это какой-то особый отпечатокъ, лежащій на моихъ товарищахъ, ихъ предшественникахъ и преемникахъ.

Но прежде, чѣмъ я коснусь болѣе или менѣе извѣстныхъ лицъ, съ которыми меня столкнула эта школа, прежде, чѣмъ я выясню, какъ гимназiя, въ которой я воспитывался, воспитывала людей энергичныхъ, съ собственной инициативой, въ которыхъ Россiя такъ сильно нуждается, и какъ она рѣшила вопросы, такъ сильно насъ теперь занимающiе въ виду предстоящаго преобразованiя нашихъ гимназiй, скажу нѣсколько словъ о моихъ законоучителяхъ-священникахъ; имъ я отведу первое мѣсто.

Когда я слышу разсужденiя о томъ, что къ православию и къ православной церкви равнодушны иногда даже люди, которыхъ никакъ нельзя причислить къ невѣрующимъ, я невольно ихъ вспоминаю, вспоминаю оо. Мутовозова, Пospѣлова, Боголюбова, Полисидова, Заркевича. Всѣ они умерли, но всѣ живы въ моей памяти.

Изъ этихъ пяти священниковъ только одинъ рисуется мнѣ истиннымъ пастыремъ душъ, для котораго слово Божiе было чѣмъ-то болѣе значительнымъ, чѣмъ средствомъ занять опредѣленное положенiе въ обществѣ и пользоваться выгодами; съ нимъ связанными, Это былъ отецъ Пospѣловъ.

Онъ принялъ венденскiй православный приходъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ и моимъ законоучителемъ послѣ о. Мутовозова, о которомъ всѣ воспитанники презрительно отзывались: «попъ». Мы съ К. А. Савицкимъ, поражавшимъ насъ уже тогда своими способностями къ рисованiю, часто порывались брать о. Мутовозова подъ свою защиту, такъ какъ были воспитаны въ духѣ православiя и любви къ православной церкви, но руки у насъ опускались. Дѣло въ томъ, что нашъ законоучитель говорилъ иногда на урокахъ явныя даже для насъ, дѣтей, несообразности. Но это еще бы ничего: на его урокахъ присутствовали только православные, и мы бы не выдали батюшку. Бѣда была въ томъ, что батюшка страдалъ общерос-

сійскою слабостью и не умѣлъ этого скрывать. Бывало онъ идетъ къ намъ изъ Вендена, пошатываясь, а кто-нибудь изъ воспитанниковъ идетъ за нимъ, подражая его колеблющейся походкѣ при еле сдерживаемомъ смѣхѣ остальныхъ школьниковъ. Какое уже тутъ могло быть уваженіе къ православной церкви и къ православію! И дѣло было не столько въ томъ, что о. Мутовозовъ пилъ, пили и учителя, пили и мы, воспитанники, при случаѣ пиво. Но чтобы кто-нибудь изъ насъ при исполненіи своихъ обязанностей могъ быть пьянъ,—это казалось просто дикимъ и невозможнымъ.

Кажется, о. Мутовозовъ былъ человѣкъ доброй души, но это не принималось во вниманіе. Отдѣльная личность набрасывала тѣнь на всѣхъ служителей православной церкви и на самое православіе—тѣнь, тѣмъ болѣе густую, что дѣтямъ, мало знавшимъ и мало видѣвшимъ, фигура о. Мутовозова заслоняла приблизительно все, что они знали о православіи.

Вѣроятно, и духовное начальство обратило вниманіе на слабость о. Мутовозова, потому что онъ скоро исчезъ, и на его мѣстѣ появился довольно молодой еще священникъ, воспитанникъ московской духовной академіи, о. Поспѣловъ.

Какая тутъ произошла переменѣна! Православный храмъ въ Венденѣ, до того пустовавшій, сталъ по воскресеньямъ и праздникамъ наполняться крестьянскимъ людомъ, набожно внимавшимъ истовой молитвѣ и убѣжденной проповѣди о. Поспѣлова на родномъ латышскомъ языкѣ. Не только самая церковь была переполнена, народъ наполнялъ и паперть, и ограду, и какъ жалѣли тѣ, кто опаздывалъ, что не услышатъ словъ любимаго пастыря. А у насъ въ школѣ? Презрительная кличка «попъ» исчезла; всѣ уже говорили: священникъ. Метаморфоза у насъ въ школѣ произошла потому, что никто уже не сомнѣвался, что о. Поспѣловъ ни въ чемъ не уступаетъ другимъ преподавателямъ, а можетъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ ихъ превосходить. Такъ, напримѣръ, лютеранскій священникъ, преподававшій въ выпускномъ классѣ древне-еврейскій языкъ для учениковъ, готовившихся къ поступленію на богословскій факультетъ (мы болѣе или менѣе всѣ уже въ школѣ избирали себѣ профессію, знали, кто чѣмъ въ жизни будетъ заниматься), какъ-то заболѣлъ: нашъ батюшка вызвался помочь воспитанникамъ въ ихъ занятіяхъ; и оказалось, что онъ знаетъ древне-еврейскій языкъ ничуть не хуже, даже, пожалуй, лучше, своего лютеранскаго собрата. Помню, какой гордостью мы, православные, преисполнились, когда по училищу разнеслась вѣсть, что нашъ батюшка не менѣе ученъ, чѣмъ лютеранскій. Впрочемъ, вся школа уже раньше убѣдилась въ его достоинствахъ, всѣ мы уже питали къ нему чувство уваженія, и это невольно отражалось на отношеніяхъ моихъ товарищей-лютеранъ къ православію и православной церкви. Надо было видѣть, съ какою готовностью они принимали предложеніе батюшки прочесть на Страстной

въ православной церкви евангеліе на разныхъ языкахъ. Эта готовность нисколько не уступала моей готовности принимать участіе въ пѣснопѣніяхъ лютеранской церкви (меня просили объ этомъ ввиду моей музыкальности и хорошаго голоса). Словомъ, благодаря новому батюшкѣ, всякое разобщеніе между нами, школьниками, на религіозной почвѣ исчезло, и религія уже не мѣшала намъ чувствовать себя одной дружной семьей. Впрочемъ, объ о. Поспѣловѣ я уже писалъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» («Въ Лифляндской Швейцаріи», 1895 г.) Отмѣчу здѣсь только еще одну деталь, имѣющую ближайшее отношеніе къ тому, что я хочу сказать о гимназическомъ образованіи въ 50-хъ и 60-хъ годахъ.

Филаретовскій катехизисъ служилъ и тогда руководствомъ при изученіи православной вѣры. Мы, школьники, заучивали его наизусть, потому что многое было для насъ въ немъ совершенно непонятно. Такъ было при отцѣ Мутовозовѣ, и какъ онъ ни старался намъ его объяснять, «вода во облацѣхъ» становилась отъ этого только еще «темнѣе». При о. Поспѣловѣ дѣло круто измѣнилось. Выходило вотъ что: не онъ намъ объяснялъ катехизисъ, а, напротивъ, мы его ему объясняли. Это, конечно, надо понять *sine grano salis*. Въ классѣ происходила дружная работа, направленная къ тому, чтобы всѣмъ выяснилось истинное значеніе всякой мысли, всякаго слова. Умъ нашъ работалъ во-всю, и центръ тяжести этой работы лежалъ не въ запоминаніи, а въ соображеніи, логическомъ мышленіи, находчивости, преодолѣніи трудностей именно въ этомъ направленіи. Въ началѣ работа шла медленно, но постепенно она ускорялась, и весь классъ преодолевалъ подъ конецъ трудности какъ бы шутя, И мы никогда не отвѣчали на вопросы катехизиса словами самого катехизиса, а собственными, и притомъ вполне сознательно: сбить насъ было если не невозможно, то трудно.

Когда я поступилъ въ петербургскую гимназію, гдѣ я окончилъ гимназическій курсъ, картина опять измѣнилась. Нашъ законоучитель, духовникъ министерства иностранныхъ дѣлъ, о. Боголюбовъ, обязательно требовалъ, чтобы мы отвѣчали словами самого катехизиса при скудныхъ и не особенно вразумительныхъ объясненіяхъ съ его стороны, и результатъ получался при помощи единицъ, или, какъ онъ ихъ изображалъ, при помощи «могилочъ съ крестами», блестящій, но только въ другомъ отношеніи: лучшихъ учениковъ можно было разбудить ночью, предложить въ разбивку какой угодно вопросъ, и они отвѣчали, нисколько не задумываясь, съ быстротою молніи, слово въ слово по катехизису. Правда, при этомъ иногда оказывалось, что вмѣсто надлежащаго отвѣта они давали отвѣтъ на другой вопросъ, не сообразивъ всей нелѣпости этой замѣны, но да здравствуетъ работа памяти! Ученикъ изъ разумнаго существа съ собственной инициативой, дающаго себѣ ясный отчетъ въ томъ, что онъ дѣлаетъ, превращался въ машину, автоматъ.

Эта деталь бросает яркій свѣтъ на коренное различіе въ способѣ преподаванія въ двухъ гимназіяхъ. Къ несчастію для Россіи, наше гимназическое образованіе развилось въ духѣ изощренія памяти. Отцы Боголюбовы одержали верхъ надъ отцами Пospѣловыми.

Остановлюсь кстати здѣсь еще на одномъ изъ моихъ законоучителей, на о. Полисадовѣ, читавшемъ лекціи богословія въ петербургскомъ университетѣ, гдѣ я завершилъ свое образованіе.

Прекрасный ораторъ, духовный писатель, бывшій настоятель нашей посольской церкви въ Берлинѣ, красивый мужчина, извѣстный богословъ, о. Полисадовъ производилъ бы прекрасное впечатлѣніе, если бы... Впрочемъ, онъ дѣйствительно многихъ очаровалъ и шагнулъ высоко, такъ что былъ даже настоятелемъ собора Петропавловской крѣпости; зато и паденіе его было глубокое.

Въ то время (это было во второй половинѣ 60-хъ годовъ) властителемъ думъ среди молодежи былъ Дарвинъ. Съ общехристіанской и православной точки зрѣнія можно было возразить многое противъ того широкаго толкованія, которое тогда придавалось ученію Дарвина въ русскихъ радикальныхъ кружкахъ. Я допускаю даже, что опровергать это широкое толкованіе долженъ былъ всякій христіанинъ, призванный пещись о душѣ нашего брата, безбородого юнца. Но долгъ свой въ этомъ отношеніи могли сознать только люди, для которыхъ христіанство и православіе не было простымъ орудіемъ достиженія цѣлей, не имѣющихъ ничего общаго съ религіею; опровергать же ученіе Дарвина было крайне неудобно, потому что оно пользовалось широкою популярностью среди студентовъ и профессоровъ. Вполнѣ это понималъ, повидимому, и о. Полисадовъ, и вотъ онъ выпутался изъ неудобнаго своего положенія.

Посвящаетъ о. Полисадовъ цѣлую лекцію опроверженію ученія знаменитаго естествоиспытателя, предваря аудиторію, что онъ постарается изложить полностью доводы, выработанные богословскою наукою противъ ученія Дарвина. И вотъ онъ начинаетъ ее опровергать, причемъ все время на его устахъ играетъ ироническая улыбка: дескать, если не проникнетесь основательностью этихъ доводовъ, то меня этимъ не обидите. Лекція приближалась къ концу, и мы все время чувствовали, что у ученаго богослова есть что-то на умѣ, что онъ намъ раскроетъ только на прощанье, послѣ того, какъ всѣ богословскіе доводы будутъ исчерпаны. Ожиданіе наше усиливается и къ звонку пріобрѣтаетъ уже степень ясно выраженнаго нетерпѣнія. Лицо профессора окончательно процвѣтаетъ, озаряясь широкою улыбкою.

— Можетъ быть, — говоритъ онъ: — всѣ эти доводы и основательны, но мнѣ они не нужны, ибо я ученіе Дарвина признаю глупымъ и даже для себя оскорбительнымъ. Взгляните на меня, господа (о. Полисадовъ былъ очень красивый мужчина), — взгляните на меня и

скажите по чистой совѣсти: можно ли повѣрить, что я происхожу отъ обезьяны?

Аудиторія оглашается взрывомъ хохота, раздаются даже апплодисменты, и о. Полисадовъ съ улыбкой побѣдителя выходитъ въ коридоръ, а по его уходѣ студенты говорятъ другъ другу: «Нечего сказать, хотя и попъ, а умница».

Это конецъ лекціи, а вотъ и начало другой.

О. Полисадовъ пріѣхалъ изъ-за границы. Онъ очень элегантенъ и не менѣе самоувѣренъ. Каждый нервъ въ немъ такъ и говоритъ: пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ. И дѣйствительно, онъ всходитъ на кафедру, окидываетъ аудиторію твердымъ взглядомъ и сразу побѣждаетъ даже тѣхъ юнцовъ, которые скептицизмъ всѣхъ относятся къ религіи вообще и къ православію въ особенности.

— Вотъ,—говоритъ онъ:—жилъ я за границей, ходилъ я тамъ человѣкомъ между людьми, а вернулся къ роднымъ пенатамъ и опять козломъ сталъ.

Выдвигаетъ о. Полисадовъ граціознымъ движеніемъ руки свою бороду, а аудиторія хохочетъ.

Возьмемъ, для завершенія картины, о. Полисадова на экзаменѣ. Экзаменуюсь я и беру билетъ о Гегелѣ. Признаюсь, богословіе, какъ его преподавалъ нашъ профессоръ, приходилось мнѣ по не душѣ, и я курсъ перелисталъ кое-какъ, тѣмъ болѣе, что батюшка, какъ намъ хорошо было извѣстно, пользовался и экзаменами, чтобы подогрѣвать свою популярность, т. е. экзаменовалъ болѣе чѣмъ снисходительно. Отвѣчая, я даже забылъ, что я отвѣчаю изъ богословія, и старался просто очертить философскую систему Гегеля, не касаясь того, что можно противъ нея возразить съ богословской точки зрѣнія. О. Полисадовъ слушалъ меня внимательно и походилъ на кота, котораго щекочутъ за ухомъ. Когда я кончилъ, онъ отнесся съ полнымъ одобреніемъ къ моему отвѣту и прибавилъ:

— Представьте себѣ, у насъ въ богословіи Гегель выходитъ дуракъ-дуракомъ, а изъ вашего отвѣта я вижу, что онъ былъ умница. Получайте 5+. Вамъ плюсъ не пригодится, но не могу иначе: прекрасно отвѣчали.

Я поклонился и ушелъ, но, кажется, мнѣ рѣдко въ жизни человѣкъ былъ менѣе симпатиченъ, чѣмъ о. Полисадовъ въ эту минуту.

О. Заркевичъ, мой духовникъ, также выдающійся богословъ, былъ прямою противоположностью о. Полисадова. Если послѣдній былъ воплощенная самоувѣренность, то первый былъ воплощенная скромность. Наменяя на свою жену Вѣру, даму очень высокаго роста, въ то время, какъ онъ самъ былъ ниже средняго, онъ рекомендовалъ себя такъ: «Я—попъ маленькій, но Вѣра моя велика». Что-то заискивающее было въ этомъ каламбурѣ, точно онъ боялся, что его заподозрятъ въ чрезмѣрной преданности православію, и старался увѣрить, что онъ—человѣкъ свободомыслящій. Иногда онъ, какъ

человѣкъ умный и наблюдательный, не могъ удержаться отъ скрытой ироніи по адресу передовой Россіи. Помню, напримѣръ, какъ онъ рассказывалъ, что, проходя мимо университета во время экзаменовъ (онъ былъ настоятелемъ церкви въ Павловскомъ училищѣ), онъ, встрѣчаясь со студентами, часто замѣчалъ, что они, миновавъ его, отплевывались, чтобы не провалиться. Это было въ 60-хъ годахъ.

— Намъ, попамъ,—добавлялъ онъ:—еще долго будетъ житься на Руси хорошо, если даже цвѣтъ интеллигенціи такъ еще зараженъ предрассудками.

Конечно, это была иронія надъ передовой Россіей, но и иронія надъ православіемъ, такъ какъ выходило, что вліяніе его основано на невѣжествѣ и предрассудкахъ. Въ общемъ, однако, о. Заркевичъ, какъ человѣкъ, стоялъ неизмѣримо выше о. Полисадова. Но и онъ не могъ содѣйствовать престижу православія, потому что слишкомъ опасался повредить себѣ въ глазахъ общества, выступая человѣкомъ преданнымъ религіи. Долженъ признаться, что дальнѣйшая жизнь и встрѣчи съ другими священниками (а встрѣчалъ я ихъ не мало) только подтвердили убѣжденіе, которое я себѣ составилъ еще въ молодости, именно что почетъ, которымъ пользуется религія въ обществѣ, гораздо меньше зависитъ отъ ея догматовъ или обрядовъ, чѣмъ отъ нравственныхъ качествъ ея представителей.

Р. И. Сементковскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

СРЕДИ ОТОШЕДШИХЪ.

(Изъ моихъ воспоминаній).

IV.

«Легкая атлетика» и идеализмъ въ школѣ 50-хъ годовъ.—Міросозерцаніе директора А. И. Холандера.—Богъ, любовь и долгъ.—Объ умѣнныя работать.—Какъ я, ничего не дѣлая, кончилъ гимназическій курсъ первымъ ученикомъ.—Учебный планъ и экзамены.—Учебное начальство въ лицѣ князя А. А. Суворова.

КОЛА должна готовить къ жизни. Что можетъ быть проще этой истины? Да... но что такое жизнь?

Россійскій обыватель средней руки убѣжденъ, что назначеніе школы готовить ея питомцевъ къ занятію болѣе или менѣе теплаго мѣстечка, казеннаго или частнаго, непосредственно (но это уже исключеніе) или черезъ посредство другой, высшей школы. Выходить, что гимназія готовить къ поступленію въ высшую школу, а послѣдняя, въ свою очередь,—къ полученію мѣста, оплачиваемаго каждое 20-е число кругленькой суммой.

Такъ вотъ къ какой жизни должна готовить школа.

Но дѣйствительно ли въ этомъ жизнь? По мнѣнію обывателя,—да, и такъ какъ школа этому условію удовлетворяетъ, то чего же еще желать?

И тѣмъ не менѣе нѣтъ, кажется, страны, гдѣ недовольство школою болѣе распространено, чѣмъ въ Россіи.

Какъ же рѣшался вопросъ въ 50-хъ годахъ?

Венденская школа, о которой я говорилъ, прежде всего обращала вниманіе на здоровье своихъ питомцевъ. Могло казаться, что и учителя, и воспитанники только и думаютъ о томъ, чтобы вырабатывать изъ себя спортсменовъ, гимнастовъ, атлетовъ. И лѣтомъ, и зимой мы жили *en plein air*. Насъ окружали луга, лѣса. Рожица передъ четырьмя деревянными домиками, въ которыхъ помѣщалась школа, была наполнена гимнастическими приборами. Они не отсутствовали и въ актовомъ залѣ, и въ классныхъ. Со стороны можно было подумать, что гимнастика составляетъ единственное наше занятіе. Мы поддерживали это впечатлѣніе, потому что не могли пройти равнодушно мимо кобылы, чтобы не перескочить черезъ нее, мимо горизонтальной перекладины, чтобы не перевернуться, мимо брусевъ, чтобы не постоять на рукахъ, мимо барьера, чтобы не лечь на него. А кольца, а лѣстница, а стѣнка,—все давало случай, такъ сказать, мимоходомъ размять члены, впрочемъ, не нуждавшіеся въ этомъ, потому что мы достаточно двигались. Но потребность въ движеніи была необычайная, и начальство не только насъ не удерживало отъ этого своеобразнаго *perpetuum mobile*, а, напротивъ, поощряло къ нему. Не было у насъ тогда еще ни футбола, ни лаунъ-тенниса, ни хоккея, ни крокета, но городки—хо-хо!—процвѣтали, а борьба во всѣхъ видахъ, а игры («охотники» или «разбойники»), въ которыхъ участвовала вся школа и которыя происходили на площади въ нѣсколько квадратныхъ верстъ, покрытыхъ лѣсами, лугами, болотцами, а катанье съ горъ на салазкахъ или на конькахъ на огромному озеру, верховая скачка на неосѣдланныхъ крестьянскихъ лошадакахъ, причемъ и лошадка, и сѣдокъ иногда летѣли кубаремъ, а состязаніе въ бѣгѣ на особой, приспособленной для того аренѣ, а импровизированные танцы, а походы-прогулки всей школой за 15—30 верстъ для младшаго возраста и за 100 верстъ для старшаго! Все это наполняло наше свободное время, котораго у насъ было не мало, потому что умственное переутомленіе ни въ какомъ случаѣ не допускалось. Это была другая сторона заботы о нашемъ здоровьѣ.

Для младшаго возраста было установлено 3 часа въ день классныхъ занятій, причемъ подготовленія къ урокамъ вовсе не допускалось. Для остальныхъ воспитанниковъ число уроковъ было пять (три и два, раздѣленныхъ трехчасовымъ перерывомъ), и, кромѣ того, полагалось два часа подготовительныхъ занятій, итого семь часовъ. Два старшихъ класса могли подготовляться къ урокамъ, когда и сколько угодно: ихъ никто не контролировалъ. Вообще они пользовались полною свободою, особенно высшій классъ, т. е. юноши въ возрастѣ отъ семнадцати до двадцати лѣтъ. Но и они не переутомлялись, во-первыхъ, потому, что къ этому возрасту Человѣческій организмъ вообще уже устойчивѣе и крѣпче, а, во-вторыхъ, и потому, что даже наиболѣе добросовѣстные воспитанники

не имѣли надобности чрезмѣрно заниматься, и я сейчасъ выясню почему.

Но забота о сохраненіи здоровья воспитанниковъ этимъ не ограничивалась. Поговорка: «здоровый духъ въ здоровомъ тѣлѣ», допускаетъ и обратное толкованіе, т. е. больной духъ можетъ разстроить и здоровое тѣло. И потому въ венденской школѣ дѣлалось все, чтобы поддержать въ воспитанникахъ бодрый, здоровый духъ, въ свою очередь, обусловливаемый основнымъ настроеніемъ или, если хотите, міросозерцаніемъ человѣка. Къ этому выводу приходитъ только теперь теорія, а практика венденской школы знала это уже почти вѣкъ тому назадъ (она основана въ 1825 г.).

Мое міросозерцаніе, какъ и міросозерцаніе моихъ товарищей, отличалось идеалистическимъ характеромъ. Мы его черпали не изъ книгъ, а изъ живого примѣра старшихъ, главнымъ образомъ нашего «старика», какъ мы его называли, т. е. директора, основателя и души школы, которому она обязана всѣмъ, ученика Шлейермахера и Песталоцци,—А. И. Холандера. Онъ и его супруга представляли супружескую чету, какихъ я уже въ жизни не встрѣчалъ. Они никогда не думали о собственномъ благополучіи, жертвуя всѣмъ для своего любимаго дѣтища, и если позволяли себѣ какое-нибудь развлеченіе, то оно состояло развѣ только въ томъ, что они, чѣмъ и какъ могли, приходили на помощь окрестному населенію, крестьянамъ и горожанамъ. Такъ жилъ, такъ и умеръ Холандеръ, приводя, 72-лѣтнимъ старцемъ, въ чувство полузамерзшую крестьянку подъ открытымъ небомъ, въ зимнюю стужу. Для него былъ только одинъ Законодатель—Богъ, одно преобладающее чувство—любовь къ ближнему, одна руководящая звѣзда—долгъ. Идя этимъ путемъ, онъ не зналъ сдѣлокъ съ совѣстью, всегда смотрѣлъ людямъ смѣло и прямо въ глаза, потому что никто и ничто его не страшили, когда онъ былъ въ мирѣ съ своею совѣстью, и никто и ничто не могли сломить его воли, когда онъ исполнялъ то, что предписывали ему Богъ, любовь и долгъ.

Вотъ этотъ удивительный человѣкъ всей своей личностью, каждымъ своимъ поступкомъ и словомъ внушалъ намъ основное наше настроеніе. Есть Сила, управляющая нами и всѣмъ насъ окружающимъ. Она стоитъ неизмѣримо выше насъ; она намъ часто непонятна. Но мы приближаемся къ ней, постигаемъ ее, когда дѣлаемъ добро; удаляемся отъ нея, когда не исполняемъ своего долга. Тутъ сомнѣнія были для насъ, дѣтей, немислимы. Не служилъ ли самъ «старикъ»—этотъ авторитетѣйшій для насъ человѣкъ—доказательствомъ вѣрности этого простого и яснаго міросозерцанія, не стремились ли всѣ учителя походить на него, не вѣяло ли отъ книгъ тѣмъ же настроеніемъ, не слышали ли мы и дома того же? И мы росли въ атмосферѣ этого міросозерцанія, предаваясь бодро и труду, и развлеченіямъ, набираясь силъ, здоровья, тепла, кото-

рыхъ намъ потомъ хватало на всю жизнь, несмотря на ея холодъ и невзгоды.

Кромѣ гимнастики, всевозможныхъ игръ, мы много занимались музыкой, картонажемъ, домашними спектаклями. Всевозможные музыкальные инструменты, начиная съ фортепьянъ и органа и кончая валторной, были у насъ въ ходу, такъ что составлялся даже маленькій оркестръ. Картонажемъ мы занимались подъ руководствомъ опытнаго учителя. Театральныя представленія происходили разъ въ году, но сколько требовалось труда и времени для изготавленія бутафорій, заучиванія ролей, для репетицій. Не знаю, насколько эти спектакли были удачны, тѣмъ болѣе, что знаки одобренія отнюдь не допускались (какое золотое правило!); знаю только, что мы влагали въ нихъ много труда, энергіи, любви, и что удовлетвореніе мы находили въ томъ, насколько каждому, по собственному его мнѣнію, удавалось исполнить отведенную ему часть общаго труда, а строги мы были къ себѣ безконечно.

Но неужели венденская школа заботилась только объ укрѣпленіи тѣлеснаго и духовнаго здоровья? Неужели воспитанники за этимъ приѣзжали со всѣхъ концовъ Россіи? Нѣтъ, они въ школѣ приобрѣтали еще кое-что. За венденской школой установилась репутація, что она даетъ дѣтямъ два блага: здоровье и умѣнье работать.

Умѣнье работать! Это еще что такое? Не искусство ли въ самое короткое время вызубрить курсъ средней исторіи или планиметріи? Нѣтъ, этому насъ не учили и соотвѣтственнаго учебника у насъ не было. Но чтобы пояснить, въ чемъ дѣло, я укажу на слѣдующіе факты.

Въ тѣ два часа, которые ежедневно намъ отводились для приготовленія уроковъ, мы не имѣли права обращаться съ какимъ-нибудь вопросомъ ни къ учителю, наблюдавшему за нашими занятіями, ни къ товарищамъ. Ученикъ долженъ былъ работать совершенно самостоятельно.

Какъ это не похоже на общераспространенную теперь систему натаскиванія учениковъ при помощи репетиторовъ. Теперь эта система дѣйствительно нужна: вѣдь дѣло идетъ о приобрѣтеніи знаній, необходимыхъ для полученія теплаго мѣстечка, а въ венденской гимназій дѣло шло о воспитаніи самостоятельныхъ людей, любящихъ и умѣющихъ работать, а для этого система натаскиванія, т. е. дрессировки, конечно,—худшій методъ.

Да, но какъ же съ тепленькимъ мѣстечкомъ? Я уже указывалъ, что воспитанники венденской школы въ тепленькомъ мѣстечкѣ не особенно нуждались, потому что и безъ такого мѣстечка прекрасно прокладывали себѣ дорогу въ жизни, и привелъ уже соотвѣтственные примѣры. Но здѣсь я долженъ для ясности прибавить еще слѣдующее.

По причинѣ, которую я выясню въ слѣдующей главкѣ, я не окончилъ гимназическаго курса въ венденской школѣ и перешелъ въ одну изъ петербургскихъ гимназій. И вотъ фактъ, заслуживающій вниманія. Въ венденской школѣ я былъ самымъ зауряднымъ ученикомъ, не выдавался ни въ хорошую, ни въ дурную сторону. Въ Петропавловской же школѣ, куда я поступилъ, я почти сразу занялъ первое мѣсто въ классѣ и сохранилъ его за собою до окончанія курса, такъ что былъ выпущенъ первымъ ученикомъ съ двумя высшими наградами. Всѣ учителя, директоръ, инспекторъ ставили меня въ примѣръ моимъ товарищамъ. Помню, это меня даже злило и навлекло на меня недружелюбіе моихъ товарищей. Я даже ставилъ имъ на видъ, что я не особенно стараюсь. И это была правда. Въ сущности я мало готовился къ урокамъ, много помогалъ товарищамъ, много читалъ, занимался фехтованіемъ, увлекался музыкой, писалъ стихи, ходилъ въ гости, въ театръ, но въ учебники и тетрадки рѣдко заглядывалъ и тѣмъ не менѣе оставлялъ всѣхъ товарищей за флагомъ. Приписывать это моимъ способностямъ нѣтъ никакого основанія: правда, онѣ отличались разнообразіемъ, но не интенсивностью. Я преуспѣвалъ и въ гимнастикѣ, и въ музыкѣ, и въ разныхъ гимназическихъ наукахъ, но никого не поражалъ, какъ другіе, ни памятью, ни находчивостью, ни блестящею сообразительностью. Дѣло было, значить, въ чемъ-то другомъ, именно въ умѣнii сосредоточивать свои способности на данномъ предметѣ и не давать ослабѣвать волѣ до тѣхъ поръ, пока трудность преодоленна. Если же это мнѣ давалось сравнительно легко, то потому, что всѣ мои способности, память, сообразительность, логика и—last but not least—любовь къ труду были изощрены венденской школой до высокой степени. Она дала мнѣ въ этомъ отношеніи капиталъ, проценты съ котораго кормили меня всю жизнь. Какъ, благодаря ей, я шутя окончилъ первымъ ученикомъ курсъ гимназіи, такъ я потомъ въ жизни справлялся съ трудностями, которыя менѣе подготовленнымъ людямъ далеко не были по плечу. Значить ли это готовить къ жизни? Или, можетъ быть, подготовка къ жизни заключается въ томъ, чтобы школа наполняла головы учениковъ обрывками всевозможныхъ плохо или совсѣмъ не переваренныхъ знаній?

Ну, а какъ же было въ венденской школѣ съ учебными планами, экзаменами и другими важными вопросами, такъ сильно занимающими нынѣ нашихъ педагоговъ? На этотъ вопросъ мнѣ трудно отвѣтить, потому что все это играло въ венденской школѣ болѣе чѣмъ второстепенную роль. Впрочемъ, расскажу, что помню.

Учебный планъ не могъ имѣть первостепеннаго значенія по той простой причинѣ, что вопросъ заключался не въ томъ, что преподають, а какъ преподають. Вѣдь главная цѣль школы была научить воспитанниковъ работать, и въ выборѣ предметовъ, слѣдовательно, руководствовались не тѣмъ, что нужно въ жизни, а тѣмъ, что нужно

для достиженія именно этой главной цѣли. Никто не спрашивалъ себя, насколько тотъ или другой предметъ пригодится въ жизни (это ставилось на второй планъ), а спрашивали себя, насколько тотъ или другой предметъ годится, какъ матерьялъ для изощренія и развитія трудоспособности. При такой постановкѣ вопроса взглядъ на учебный предметъ принималъ совершенно другой характеръ и не имѣлъ ничего общаго съ тѣмъ взглядомъ, который такъ сильно распространился у насъ, когда чадолюбивые папаша и мамаша спрашивали себя: ну, скажите, пожалуйста, что мой сынъ будетъ дѣлать въ жизни съ опостылѣвшей всѣмъ латынью, но почему-то избѣгали того же вопроса по отношенію къ алгебрѣ или стереометріи. Насъ родители не деморализовали, осуждая то, что дѣлалось въ школѣ, а вмѣстѣ съ учителями стремились къ тому, чтобы выработать изъ насъ здоровыхъ, бодрыхъ и трудоспособныхъ людей.

Относительно экзаменовъ я уже рѣшительно ничего не могу сказать, потому что у насъ ихъ не было. Каждый учитель составлялъ себѣ въ теченіе учебнаго года ясное понятіе объ ученикѣ, и затѣмъ конференція учителей подъ предсѣдательствомъ директора рѣшала вопросъ, можно ли перевести ученика въ высшій классъ. Вотъ и все, и мнѣ кажется, что и теперь этого было бы вполне достаточно.

Наконецъ, что сказать о начальствѣ, съ котораго мы теперь не спускаемъ глазъ? И о начальствѣ мы въ венденской школѣ почти не имѣли представленія, потому что оно къ намъ никогда не заглядывало. Впрочемъ, посѣщеніе одного изъ начальниковъ я твердо помню, и оно заслуживаетъ быть отмѣченнымъ.

Я какъ разъ продѣлывалъ какое-то изумительное *salto mortale* на кобылѣ въ актовомъ залѣ, какъ въ окно увидѣлъ, что къ подъѣзду подкатила коляска и что въ ней сидѣлъ какой-то генералъ. Это было событіе столь экстраординарное въ нашей жизни, что не только я, но и всѣ мои товарищи бросились къ окнамъ, а многіе выбѣжали даже на дворъ.

Директору, вѣроятно, уже доложили о приѣздѣ генерала, или онъ былъ предувѣдомленъ о немъ, потому что вышелъ навстрѣчу начальству. Затѣмъ они удалились въ пріемную комнату, но уже вскорѣ намъ всѣмъ приказано было собраться въ актовомъ залѣ. Къ намъ вышелъ генералъ въ сопровожденіи директора и учителей. Директоръ сказалъ генералу нѣсколько привѣтственныхъ словъ, онъ поблагодарилъ, выразилъ почему-то удовольствіе и вслѣдъ за тѣмъ, указывая на гимнастическія принадлежности, уже обратился къ намъ весело: «Ну-ка, покажите ваше искусство!» Мы какъ будто только этого и ждали, и пошла потѣха. Суворовъ (это былъ онъ, внукъ нашего знаменитаго полководца, состоявшій тогда генералъ-губернаторомъ Прибалтійскаго края) хвалилъ однихъ, другимъ дѣлалъ замѣчанія, избличавшія въ немъ знатока дѣла, такъ что онъ вмгъ пріобрѣлъ полное наше уваженіе. Когда я повторилъ

не оконченное свое до его приѣзда *salto mortale*, ему шепнулъ что-то директоръ на ухо, и Александръ Аркадьевичъ поманилъ меня къ себѣ пальцемъ. Я подошелъ, и онъ сказалъ, что прекрасно знаетъ моего опекуна, что участвовалъ съ нимъ въ одномъ дѣлѣ во время турецкой кампаніи (1828—29 гг.), при чемъ подробно разсказалъ намъ одинъ эпизодъ. Мы всѣ слушали, столпившись вокругъ него и затаивъ дыханіе. Потомъ онъ взялъ меня за голову и, звучно поцѣловавъ въ лобъ, сказалъ: «Я бы васъ всѣхъ, милые, перецѣловалъ, но васъ ужъ что-то больно много». Онъ послалъ намъ общій воздушный поцѣлуй и удалился съ директоромъ. Когда онъ уѣзжалъ, онъ простился со мною еще разъ наединѣ, и мы всѣ безъ всякаго зова столпились у экипажа и долго провожали его прощальными кликами: онъ покорилъ наши сердца. Вотъ и все начальство, которое я видѣлъ во время моего 4-лѣтняго пребыванія въ венденской школѣ.

Нѣсколько лѣтъ спустя, т. е. въ началѣ 60-хъ годовъ, когда Суворовъ былъ петербургскимъ военнымъ генераль-губернаторомъ и произошли университетскіе беспорядки, арестованные студенты были раздѣлены на двѣ партіи, изъ которыхъ одна была посажена въ Петропавловскую, а другая въ Кронштадтскую крѣпости. Съ партіей, посаженной въ Петропавловскую крѣпость, пожелалъ поговорить самъ генераль-губернаторъ, и студентамъ было объ этомъ сообщено съ назначеніемъ дня и часа. Легко себѣ представить, съ какими чувствами студенты-шестидесятники ожидали появленія грознаго начальства. Они уже готовились дать ему надлежащій отпоръ. Но произошло нѣчто неожиданное. Въ приѣмную, куда они были приглашены, начали входить солдаты съ какими-то большими, но очень опрятными корзинами и, разставивъ ихъ около столовъ, начали выгружать разные съѣстные припасы, лакомства и чуть ли не бутылки съ виномъ. Когда все это было аппетитно разставлено, явился генераль-губернаторъ безъ всякой свиты и, выразивъ предположеніе, что арестованныхъ не слишкомъ-то обильно кормятъ, пригласилъ ихъ отвѣдать его закуску: дескать, сухая ложка ротъ деретъ. Такъ началась бесѣда, которая кончилась дружелюбно и къ общему удовольствію. Участники этой бесѣды, арестованные студенты, заканчивали свой разсказъ словами: «Да, кажется, хорошій онъ господинъ».

И я при этомъ вспоминалъ мою съ нимъ встрѣчу въ венденской школѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ причислилъ его, какъ и Холандера, къ тѣмъ старикамъ николаевской эпохи, которые согрѣли мою молодость и имена которыхъ твердо хранить моя благодарная память.

V.

Бѣгство мое изъ венденской школы.—Пріѣздъ къ намъ въ домъ смолянки.—О «вѣчно-женственномъ» и приподнятіи покрывала богини Нейтъ.— А. К. Жуковскій (Бернетъ) И. И. Лъховскій и И. А. Гончаровъ.— Н. И. Путиловъ.—Какъ учили А. Г. Рубинштейна въжливости.

Я расхвалилъ венденскую школу, но—о, ужасъ!—бѣжалъ изъ нея, бѣжалъ, какъ бѣгутъ изъ мѣста, которое въ данную минуту кажется тюрьмой.

Исторія этого бѣгства представляетъ съ педагогической точки зрѣнія несомнѣнный интересъ, убѣждая лишній разъ, какъ сложна и трудна задача воспитателя. Но расскажу все по порядку.

Когда мнѣ было 10 лѣтъ, т. е. въ 1856 году, къ намъ въ Варшаву пріѣхала племянница моего опекуна (котораго мы всѣ любовно звали дѣдушкой!), Е. Е. Еремина, съ двумя дочерьми, только что окончившими курсъ въ Смольномъ, Ольгой и Анной. Младшая дочь съ матерью прогостили не долго, но старшая, Ольга, такъ и осталась у насъ въ качествѣ хозяйки (дѣдушка былъ холостъ) и руководительницы нашего съ сестрой воспитанія, но, вѣроятно, дѣло шло о томъ, чтобы выдать ее замужъ, такъ какъ мы вели открытый домъ.

И вотъ она поселилась у насъ. Съ этого дня жизнь моя какъ бы раздвоилась. Одной стороной моего существа я продолжалъ жить прежнюю жизнью, другой—попалъ въ новую, совершенно мнѣ невѣдомую, и мнѣ казалось, что эта новая жизнь и есть настоящая, а прежняя—только подобіе жизни, хотя никто, кажется, и не догадывался, что я какъ бы переродился.

Что же собственно произошло? Чтобы уяснить себѣ это, надо было бы дать ясное представленіе о замѣчательной дѣвушкѣ, поселившейся у насъ въ домъ и обворожившей насъ всѣхъ, дѣтей и взрослыхъ, молодыхъ и старыхъ, мужчинъ и женщинъ. Хотя изреченіе Гете о «вѣчно-женственномъ» у всѣхъ на устахъ, но реальное воплощеніе, т. е. болѣе или менѣе полное соединеніе всѣхъ разсѣянныхъ основныхъ чертъ этого «вѣчно женственного, возносящаго насъ къ небу» въ одномъ человѣкѣ встрѣчается очень рѣдко и поэтому представляетъ несомнѣнный интересъ. Я тогда мальчуганомъ, понятно, не задавался этимъ вопросомъ, но впослѣдствіи я часто задумывался надъ нимъ, старался приподнять покрывало, все еще скрывающее отъ насъ обликъ саиской богини Нейтъ,—старался, несмотря на то, что сѣдая египетская легенда воспрещаетъ это подъ угрозою смерти. Пусть меня казнятъ, подумалъ я, и продолжалъ размышлять надъ «вѣчно-женственнымъ».

Чѣмъ же подѣйствовала на меня такъ сильно пріѣхавшая къ намъ дѣвушка? Въ ней не было ничего необыкновеннаго. Держала она себя скромно и просто, одѣвалась изящно, но тоже очень просто,

была молчалива, со мной почти не говорила, не только не была красавицей, но даже миловидной ее нельзя было признать.—для этого она была слишком серьезна. Впрочемъ, красотой на меня трудно было подѣйствовать, потому что меня окружали въ дѣтствѣ красавицы (чего въ этомъ отношеніи стоили три дочери извѣстнаго геодезиста К. И. Теннера—А. К. Квашнина-Самарина и позднѣйшія: графиня Л. К. Анрепъ и Л. К. Фурманъ, или знаменитая М. Ф. Муханова-Калерджи). Любовь въ фізіологическомъ смыслѣ была, понятно, для меня, 10-лѣтняго мальчугана, совершенно недоступна, но и впоследствии она не играла тутъ никакой роли. Значить, не во всемъ этомъ была сила, а въ чемъ-то другомъ.

Чѣмъ же эта дѣвушка меня, мальчика, очаровала? Маленькія руки и ноги, мягкость движеній, низкій ростъ роднили меня съ ней внѣшнимъ образомъ, полное отсутствіе сознанія превосходства, выражавшееся въ обращеніи со мной, какъ съ равнымъ или даже со взрослымъ, уничтожали преграду, существующую обыкновенно между старшими и дѣтьми. Она никогда ни въ чемъ не упрекала меня: слегка удивленный взглядъ по поводу моего поступка служилъ мнѣ уже яснымъ указаніемъ, что я сдѣлалъ не то, что слѣдуетъ, а заслужить ея одобреніе было для меня высшей наградой. Одобреніе и порицаніе она выражала только взглядомъ своихъ большихъ голубыхъ, глубокихъ глазъ, которые какъ бы всегда вели нѣмой разговоръ. Въ этихъ глазахъ была сила, и притомъ сила огромная—потому что она быстро успокаивала людей разгнѣванныхъ, всплывшихъ до готовности причинить другимъ вредъ (я самъ былъ очень вспыльчивъ) и утѣшала тѣхъ, кого постигло воображаемое или дѣйствительное, но большое горе. Заключалась ли эта сила въ большомъ умѣ или большомъ сердцѣ,—я до сихъ поръ уяснить себѣ не могу. Мы, дѣти, и взрослые часто обращались къ ней за совѣтомъ и охотно подчинялись ему. Она, столь молчаливая, была душою общества (даже сухой К. И. Теннеръ при ней расцвѣталъ и И. И. Фундуклей или любимая сестра Пушкина, О. С. Павлищева, бесѣдовали съ ней часами). Безъ нея всегда бывало скучно; она умѣла сводить людей, затрогивать вопросы, которые всѣхъ интересовали, устраивать спектакли или импровизированные концерты, участвуя въ нихъ своей прекрасной игрой, пѣніемъ или танцами, никогда ни съ кѣмъ не вступала въ пререканія и такъ дорожила своею независимостью, что, когда этого потребовали обстоятельства, не уклонилась даже отъ самыхъ дешевыхъ уроковъ, что для дѣвушки ея круга было тогда подвигомъ.

Я много сказалъ о ней, но въ сущности ничего не сказалъ, потому что мнѣ, конечно, не удалось выяснить, въ чемъ именно заключалось ея обаяніе. Знаю только, что я всегда заглушалъ шаги, когда подходилъ къ ней, садился смирнехонько у ея стола, слѣдилъ исподтишка за всякимъ ея движеніемъ, за тѣмъ, какъ она перемарачиваетъ

страницы книги, которую постоянно читала, когда была свободна, и мнѣ доставляло невыразимое удовольствіе, когда она, оторвавшись отъ книги и взглянувъ на меня, спроситъ, хочу ли я, чтобъ она рассказала мнѣ прочитанное, и я слушаю, слушаю, какъ никого потомъ уже въ жизни, ловилъ игру ея глазъ, движенія ея губъ, жестъ ея руки: все это мнѣ казалось чрезвычайно интереснымъ; знаю, что въ ея присутствіи я совершенно забываю о самомъ себѣ, а всякій часъ, проведенный не въ ея обществѣ, казался мнѣ тоскливымъ; знаю, что, когда при моемъ отъѣздѣ одиннадцатилѣтнимъ мальчикомъ въ венденскую школу, она, замѣтивъ, что во мнѣ происходитъ, тихо, но твердо сказала: «Это необходимо»,—я сразу подавилъ горе и слезы: эти слова были для меня первымъ ея приказаніемъ, а я все могъ въ жизни сдѣлать, только не ослушаться ея.

Я уѣхалъ, и съ тѣхъ поръ моя жизнь окончательно распалась на жизнь свѣта и жизнь тѣней, на жизнь лучезарнаго идеала и жизнь смутной реальности.

Такъ прошло два года, и я два раза побывалъ въ Варшавѣ. Годъ тянулся долго, настанетъ лѣто, и оно промелькнетъ, какъ одинъ радостный день. Во второй разъ (это было въ 1859 году) она мнѣ въ прощальной бесѣдѣ мимоходомъ сказала: «Врядъ ли въ жизни меня кто-нибудь такъ полюбитъ, какъ вы, мой маленькій другъ». Эти слова произвели на меня такое глубокое впечатлѣніе, что, сидя въ дилижансѣ, я думалъ только о нихъ, хотя вокругъ меня происходило много интереснаго. Польша уже тогда готовилась къ возстанію, и это чувствовалось на каждомъ шагѣ, но я это самъ понималъ только впоследствии.

Насталъ 1860 годъ. Меня въ Варшаву не взяли. Дѣдушка только сообщилъ, что онъ уѣзжаетъ на воды, что внучка Ольга къ нему перемѣнилась, что она уѣдетъ къ матери въ Петербургъ. Я все свои надежды теперь возлагалъ на 1861 г., когда дѣдушка хотѣлъ выйти въ отставку, съѣздить въ Петербургъ и выписать меня туда. Но потомъ выяснилось, что онъ меня въ Петербургъ не беретъ, что внучки съ матерью перебрались въ Саратовъ, что онъ къ нимъ туда собирается, а мнѣ опять предлагаетъ оставаться на лѣто въ школѣ. Тутъ я понялъ, что отъ желанной «настоящей» жизни, къ которой я стремился, меня вдругъ отдѣлила пропасть, и я твердо рѣшилъ *coûte que coûte* перекинуть черезъ эту пропасть мостъ, потому что я безъ той жизни обойтись не могъ.

На первый разъ я совсѣмъ не зналъ, какъ за это приняться. Но меня выручилъ товарищъ, внукъ извѣстнаго нашего путешественника, адмирала И. Ф. Крузенштерна. По наслѣдству ли, или начитавшись Купера и Герштекера, онъ былъ обуреваемъ страстью къ путешествіямъ и непременно хотѣлъ бѣжать въ Америку. Мнѣ это казалось дѣтскою затѣей, хотя мнѣ самому стукнуло тогда всего 15 лѣтъ. Но яркая мысль блеснула у меня въ головѣ, и я согласился

бѣжать въ Америку. Я бѣжалъ не одинъ разъ (этого оказалось недостаточно для достиженія моей цѣли), а два раза, но очутился не въ Америкѣ, а въ Петербургѣ, въ гостиницѣ Демута, въ объятіяхъ дѣдушки, который спросонья (я пріѣхалъ раннимъ утромъ), вмѣсто того, чтобы прочесть мнѣ строгую нотацію, расцѣловалъ своего любимчика. Для совершенія двухъ побѣговъ, однако, потребовалось столько времени, что, когда я пріѣхалъ въ Петербургъ, дѣдушка успѣлъ уже съѣздить въ Саратовъ и возвращался въ Варшаву.

Побѣги мои, понятно, были простою симуляціею, средствомъ заставить взять меня изъ школы и перевести въ Петербургъ. Это мнѣ и удалось. Но впослѣдствіи, когда я вспоминалъ о тогдашнемъ моемъ поступкѣ, мнѣ до боли становилось жаль стараго Холандера. Онъ могъ подумать, что дожилъ до того, что воспитанники бѣгутъ изъ взлелѣянной имъ съ такою любовью и съ такимъ умѣньемъ школы. Это былъ тяжелый и болѣе чѣмъ незаслуженный ударъ. Но могъ ли я поступить иначе? Для меня это былъ, какъ оказалось впослѣдствіи, почти вопросъ жизни и смерти, а этого я старику Холандеру разъяснить не могъ, потому что я свято хранилъ свою тайну, и потому: вѣдь сила чувства не поддается простому измѣренію, и то, что можетъ казаться другимъ пустякомъ, блажью, прихотью, иногда потрясаетъ все существо человѣка. Да, по-истинѣ трудна бываетъ иногда задача воспитателя.

Въ Петербургѣ я попалъ въ среду, не только чрезвычайно благопріятствовавшую дальнѣйшему моему духовному развитію, но и очень интересную. Новый мой воспитатель, Е. Ф. Варонъ, былъ незаурядный педагогъ, составитель извѣстнаго учебника французскаго языка, наставникъ историко-филологическаго института и руководитель, вмѣстѣ съ И. Ф. Рашевскимъ, В. А. Евтушевскимъ и др. созданныхъ Г. Г. Даниловичемъ педагогическихъ курсовъ при второй военной гимназіи. По праздникамъ я постоянно посѣщалъ поэта А. К. Жуковскаго, извѣстнаго въ литературѣ подъ псевдонимомъ Бернета. Съ нимъ я занимался чтеніемъ нашихъ и иностранныхъ классиковъ, которыхъ онъ любилъ комментировать, уяснять себѣ и мнѣ. Иногда я ему игралъ на роялѣ классическихъ композиторовъ, страстнымъ любителемъ которыхъ онъ оставался до конца жизни. Или я заходилъ къ Е. Т. Лъховской, матери И. И. Лъховскаго, товарища Гончарова по путешествію на фрегатѣ «Паллада», которое онъ съ своей стороны описалъ (въ «Морскомъ Сборникѣ»). У Е. Т. Лъховской въ адмиралтействѣ я проводилъ хорошіе часы то въ душевной бесѣдѣ съ ней, то прислушиваясь къ бесѣдѣ, которую вели Лъховскій съ Гончаровымъ, перебирая свои воспоминанія изъ сравнительно недавняго путешествія и все еще покурявая вывезенныя оттуда великолѣпныя манильскія сигары. Къ сожалѣнію, робость передъ авторомъ «Обломова» (котораго я зналъ почти наизусть и который составлялъ, вмѣстѣ съ «Босоножкой»

Ауэрбаха любимое мое чтеніе, напоминая мнѣ ту, которую я жаждалъ и не могъ видѣть) мѣшала мнѣ вступать съ нимъ въ бесѣду. Зато я ловилъ каждое его слово, каждый его жестъ, на которые онъ, впрочемъ, былъ очень скупъ, предпочитая сидѣть молча и неподвижно. Или я ѣздилъ за Нарвскую заставу (это было цѣлое путешествіе, которое совершалось обязательно въ коляскѣ или въ каретѣ) къ Н. И. Путилову, вѣчно увлекавшемуся своими грандіозными планами, какъ создать и расширить при помощи правительственныхъ субсидій заводъ, обезсмертившій его имя, и охотно сообщавшему своимъ друзьямъ и знакомымъ о своихъ заботахъ, разочарованіяхъ и успѣхахъ. Или я посѣщалъ семью Теннеръ на Малой Итальянской (нынѣ ул. Жуковского), гдѣ старуха принимала меня всегда радушно, давая и въ моемъ обществѣ волю своему веселому и живому итальянскому нраву, и гдѣ я слушалъ съ ея красавицей дочерью, графиней Анрепъ, бравшей уроки у А. Г. Рубинштейна, его незабвенную игру. Уроки эти, впрочемъ, скоро прекратились. При повтореніи на одномъ урокѣ ошибки, указанной Рубинштейномъ, онъ, подчиняясь своему пылкому нраву, ударилъ бывшимъ у него въ рукѣ карандашомъ по клавишамъ или по пальцамъ графини (разглядѣть это изъ сосѣдней комнаты, гдѣ я находился, было трудно). Она медленно встала и, сверкая своею величественною красотою, указала ему далеко протянутою рукою на дверь въ прихожую. Рубинштейнъ какъ-то съежился и сталъ пятиться къ этой двери, но на полдорогѣ повернулся, широко махнулъ рукою и вышелъ изъ комнаты, въ которой, къ моему величайшему сожалѣнію, ужъ больше не появлялся. Второй случай подобнаго рода произошелъ съ нимъ на моихъ глазахъ нѣсколько позже въ Большомъ театрѣ (гдѣ нынѣ консерваторія и гдѣ тогда была итальянская опера и собирался петербургскій бомондъ). Это было на концертѣ знаменитаго тенора Роже.

Онъ только что спѣлъ «Erlkönig» подъ аккомпанементъ Рубинштейна. Оба артисты превзошли себя, и трагизмъ знаменитаго романа наполнилъ всю залу жутью. Вслѣдъ за тѣмъ на сцену опять вышелъ Рубинштейнъ и—о, дивный контрастъ!—сыгралъ съ несравненнымъ мастерствомъ двѣ изъ самыхъ нѣжныхъ, воздушныхъ «Пѣсенъ безъ словъ» Мендельсона. Не успѣлъ онъ окончить первую, какъ зала, обычно столь сдержанная, разразилась рукоплесканіями. Рубинштейнъ, не вставъ, вполоборота кивнулъ головой: дескать, ладно. Рукоплесканія внезапно оборвались, смѣнились заглушеннымъ шиканіемъ. Рубинштейнъ поблѣднѣлъ, какъ полотно, и вышелъ за кулисы. Прошло нѣсколько минутъ, пока онъ справился съ своимъ волненіемъ и снова появился на сценѣ. Онъ спѣлъ, сыгралъ вторую пѣсню. Когда онъ кончилъ, зала снова огласилась рукоплесканіями. Рубинштейнъ всталъ и отвѣтилъ на нихъ низкимъ, пренизкимъ поклономъ. Урокъ вѣжливости былъ данъ, и Рубинштейнъ его понялъ.

VI.

Покушеніе на жизнь графа Лидерса, великаго князя Константина Николаевича и маркиза Вѣлепольскаго.—О Петропавловскомъ училищѣ и состязаніи въ силѣ памяти.— Волга прежде и теперь.—«Донъ Жуанъ» и «IX-я симфонія» въ саратовской глуши.— Бахметевъ, Климовскій, Ларионовъ.—Два міра.—Поразительный случай психотерапіи.

Однако я уклонился въ сторону. Но можно ли не увлечься, когда вспоминаешь игру Рубинштейна? Я хотѣлъ только указать, какое разнообразіе впечатлѣній меня ожидало въ Петербургѣ, когда я переселился въ столицу изъ венденской школы. И варшавскія впечатлѣнія (я ѣздилъ въ Варшаву два раза въ годъ) не уступали по яркости петербургскимъ. Тамъ назрѣвало повстаніе, которое наконецъ вспыхнуло въ началѣ 1863 года. Особенно памятно мнѣ лѣто 1862 года, когда въ Варшавѣ одно покушеніе смѣнялось другимъ, не говоря уже о безконечныхъ манифестаціяхъ, часто не обходившихся безъ кровопролитія, о подвигахъ польскихъ жандармовъ, вѣшавшихъ и рѣзавшихъ людей въ подворотняхъ и другихъ мѣстахъ, какъ вѣшаютъ собакъ или рѣжутъ телятъ. Покушенія были совершены на намѣстниковъ: гр. А. Н. Лидерса, великаго князя Константина Николаевича и на маркиза Вѣлепольскаго. Всѣ эти покушенія мнѣ очень памяты: свидѣтелемъ одного изъ нихъ я былъ самъ, а одругихъ мнѣ рассказывали очевидцы тотчасъ по ихъ совершеніи.

Покушеніе на графа А. Н. Лидерса отличалось необыкновенной простотой. Онъ гулялъ раннимъ утромъ съ остальной публикой въ Саксонскомъ саду около минеральныхъ водъ. Тутъ же сидѣлъ и я за тарелкой простокваши. Вижу, изъ-за стога сѣна (сѣнокосъ былъ въ этомъ году ранній) вышелъ какой-то молодой человекъ, направился къ Лидерсу, подошелъ къ нему сзади, поднесъ пистолетъ къ его затылку, выстрѣлилъ. Публика столпилась безъ всякаго замѣшательства или спѣха, пропустила преступника, тотчасъ же опять сомкнулась, и онъ исчезъ. Я кинулся за нимъ, но меня оттѣснили, и пока я выпутался изъ толпы, преступника, конечно, и слѣдъ простылъ. Графъ Лидерсъ былъ серьезно, но не опасно раненъ, благодаря тому, что онъ какъ разъ въ моментъ выстрѣла, повернувъ голову, нагнулся къ дамѣ, съ которой разговаривалъ, такъ что пуля (вѣроятно, револьвера Колѣта, только что вошедшаго тогда въ Россіи въ употребленіе) не задѣла ни позвоночника, ни сонной артеріи, ни даже обильнаго кровью сосуда, образовала огибающую рану, нашла себѣ выходъ въ подбородкѣ и слегка контузила въ плечо сопровождавшую Лидерса даму. Самъ же онъ, приложивъ платокъ къ подбородку, прошелъ черезъ весь Саксонскій садъ къ главному входу, гдѣ его ожидалъ экипажъ, по временамъ

отнимая платокъ отъ подбородка, какъ бы желая показать публикѣ: вотъ что со мной сдѣлалъ!

Покушеніе на жизнь великаго князя Константина Николаевича обошлось еще благополучнѣе. Преступникъ подкараулилъ великаго князя при выходѣ его изъ Большого театра, въ воротахъ, гдѣ онъ садился въ коляску, и протянулъ ему прошеніе, когда великій князь уже сѣлъ. Что-то блеснуло въ рукахъ преступника, и великій князь, не принявъ прошенія, откинулся на спинку коляски. Раздался выстрѣлъ, но пуля попала въ потолокъ подворотни, не задѣвъ великаго князя. По другой версіи великаго князя спасла кольчуга подъ мундиромъ Гродненскаго гусарскаго полка, который онъ постоянно носилъ. Только когда по распоряженію «ржонда пародового» (народнаго правительства) всѣ поляки облеклись въ трауръ (не подчинявшихся этому распоряженію обливали сѣрной кислотой) въ память какого-то революціоннаго событія, великій князь облекся въ морской мундиръ—такъ велика была его готовность ничѣмъ не нарушать добраго къ нему расположенія поляковъ. Тѣмъ не менѣе въ него стрѣляли, какъ стрѣляли и въ маркиза Вѣлепольскаго, оба покушенія на которыхъ прошли совершенно благополучно, а второе имѣло даже юмористическій характеръ. Маркизь былъ чловѣкъ очень тучный и ходилъ не иначе, какъ опираясь на трость. Преступникъ поджидалъ маркиза на второй площадкѣ широкой лѣстницы правительственнаго зданія. Когда онъ увидѣлъ направленное на его объемистую фигуру дуло, онъ сталъ отмахиваться тростью и наступать на преступника, который, въ свою очередь, пытался, пока не разстрѣлялъ всѣхъ своихъ патроновъ и не оказался въ объятіяхъ жандарма. Ни одна пуля въ маркиза не попала, что служить доказательствомъ, что у преступника рука ходила ходункомъ или почти невѣроятнаго умѣнья маркиза владѣть тростью, какъ рапирой.

Ну, а впечатлѣнія Петропавловской школы?—спросить, можетъ быть, читатель. Откровенно признаюсь, что она меня мало занимала, такъ что воспоминанія о ней отличаются тусклостью, и я объясняю это тѣмъ, что она ничѣмъ не отличалась отъ другихъ гимназій того времени, т. е. исключительно подготавливала своихъ воспитанниковъ къ великому состязанію въ силѣ памяти. Я побилъ на этомъ состязаніи, кажется, рекордъ не только въ Петропавловской школѣ, но, кажется вообще въ школахъ моего времени. Сужу объ этомъ по почтенію, съ какимъ относились ко мнѣ учителя, преподававшіе и въ другихъ гимназіяхъ. Чтобы охарактеризовать учебное дѣло въ столицѣ въ первой половинѣ 60-хъ годовъ (да въ однихъ ли 60-хъ годахъ), не мѣшаетъ привести здѣсь для примѣра нѣкоторые вопросы, которые мнѣ заданы были на выпускномъ экзаменѣ и на которые я отвѣчалъ съ блескомъ и трескомъ. Батюшка полюбопытствовалъ узнать, какъ исчисляють ветхозавѣтныя книги св. Кириллъ и св.

Аѳанасій, и сколько главъ въ каждой изъ нихъ, и я въ полной мѣрѣ удовлетворилъ его любопытство, перечисливъ 22 книги и число главъ каждой изъ нихъ, причемъ ошибся, сказавъ, что въ книгѣ пророка Исаи 65 главъ, между тѣмъ какъ въ ней одной главой больше. Но самъ, батюшка, вѣроятно, въ точности не зналъ, сколько въ ней главъ, потому что меня не поправилъ. Учитель физики пожелалъ узнать, сколько колебаній въ секунду даетъ каждая изъ струнъ средняго регистра рояля въ объемѣ двухъ октавъ. Я и на этотъ вопросъ отвѣтилъ, не задумываясь, къ общему удовольствію экзаменаторовъ, которые продержали меня у доски ровно часъ по одной акустикѣ, видимо, любуясь моими отвѣтами: вотъ, молъ, какіе ученики у насъ бываютъ! Учитель русской исторіи пожелалъ узнать, откуда взялась фамилія И. И. Бецкаго (Бецкого), гдѣ онъ родился, кто была его мать, и я удовлетворилъ его любопытство, хотя директоръ и шепнулъ учителю на ушко, что такіе вопросы даже на выпускномъ экзаменѣ не совсѣмъ удобны. Учитель всеобщей исторіи довелъ свое любопытство до того, что, попросивъ меня перечислить по порядку всѣ сраженія Наполеона I, пожелалъ узнать, сколько пушекъ потребовалось для отлитія Вандомской колонны. Послѣ этого нечего удивляться, что тотъ же учитель непременно хотѣлъ отъ меня узнать, сколько оконъ въ Ватиканѣ. Я не сочиняю, я не преувеличиваю, и вмѣстѣ съ тѣмъ читатель пойметъ, почему я до сихъ поръ, вспоминая объ этихъ учителяхъ (люди они были въ дружныхъ отношеніяхъ вполне почтенные), молю Господа, чтобы Онъ отпустилъ имъ ихъ прегрѣшенія.

Но я забѣжалъ впередъ. Я окончилъ Петропавловскую школу въ 1865 году, а въ 1863 году случилось событіе, навсегда упрочившее во мнѣ идеалистическое настроеніе, превратившее мое земное существованіе въ нѣчто призрачное, сравнительно съ тѣмъ другимъ міромъ, который пріобрѣлъ для меня значеніе несомнѣнной реальности. Но буду передавать факты.

Въ 1863 году дѣдушка рѣшилъ свезти мою сестру въ Саратовъ. Онъ хотѣлъ еще до смерти обезпечить ее мужемъ и прочнымъ домашнимъ уютомъ. Къ этому времени я успѣлъ усыпить всѣ его опасенія, и онъ охотно взялъ меня въ Саратовъ.

О, Волга! Никогда она моею «колыбелью» не была, но я ее страстно полюбилъ. Я почувствовалъ это вполне, когда тридцать лѣтъ спустя вновь посѣтилъ ее и увидѣлъ, что съ нею сдѣлали люди. Она вся была покрыта огромными грязными пятнами, отливавшими всѣми цвѣтами радуги. Это на ней плавала нефть. Плавала она и на поверхности чая, который намъ подавали. «Немножко сливки: это ничего»,—острилъ капитанъ парохода. Жигулевскія горы! Гдѣ ваша краса, гдѣ ваши лѣсныя богатства? Все это вырублено, уничтожено. О, потомки Стеньки Разина, Емельки Пугачева Разбойники, хищники—вотъ ваше имя. Я чуть было не заплакалъ,—

такъ меня поразилъ видъ новой Волги послѣ Волги старой, той, которую я впервые увидѣлъ въ Нижнемъ въ 1863 году.

Какіе дивные дни, какія поэтическія ночи. Какіе сочные или мягкіе тона при солнечномъ свѣтѣ, какая таинственность при мерцаніи звѣздъ, при сверкнувшемъ вдругъ на берегу огонькѣ или при теплящемся свѣтѣ отдаленнаго окошечка-лампады. И говорить не хочется въ такую ночь, а если и заговоришь, то рѣчь льется тихо, мѣрно, какъ бы отзвукъ гармоніи, царящей въ мірѣ, спускающейся оттуда, гдѣ никто не былъ и гдѣ таится загадка бытія. Тихо льется и рѣчь двухъ барышень, раздѣляющихъ со мною чары этой дивной ночи: одна только что окончила курсъ въ институтѣ и съ робостью идетъ навстрѣчу жизни-загадкѣ, другая, ея старшая сестра, уже знаетъ жизнь, уже тронута ею, уже страдала и не предчувствуетъ, что ей предстоятъ новыя страданія, что вскорѣ ея сердце будетъ разбито принцемъ-негромъ Айра-Ольдриджемъ, покорившимъ сердца саратовцевъ и скоро умершимъ въ чуждой ему Лодзи...

Пароходъ останавливается. Насъ окружаетъ безмолвная тишина, и душа проситъ звуковъ. Мы у Вольска. Здѣсь Державинъ если не скандировалъ стиховъ, то усмирять пугачевцевъ, и здѣсь по близости знаменитое бахметевское имѣніе, гдѣ уже въ 40-хъ и 50-хъ годахъ, «въ деревнѣ... въ глуши, въ Саратовѣ» раздавались голоса Лепорелло, Церлины, Донъ-Жуана и величественные звуки гимна къ радости «IX симфоніи» Бетховена. Съ трудомъ вѣрится, что это могло быть. И не успѣлъ я это подумать, какъ съ рѣки до меня донесся сочный баритонъ, распѣвавшій бахметевскія, огласившія всю Русь пѣсни: «Пѣснь ямщика» и «Борода ль моя бородушка». Николая Ивановича уже не было въ его имѣніи, онъ разстался съ своимъ неподобнымъ хоромъ и оркестромъ и управлялъ въ столицѣ, замѣнивъ автора нашего національнаго гимна, придворной пѣвческой капеллой. Я это зналъ, и тѣмъ не менѣе мнѣ казалось, что все вокругъ меня наполнено не только красотой этой дивной волжской ночи, но и другой красотой, насадителями которой въ русской глуши были такіе помѣщики, какъ Н. И. Бахметевъ.

На другой день я былъ уже въ Саратовѣ. Мѣсячное пребываніе тамъ прошло какъ одинъ весенній мигъ, но въ чемъ было его очарованіе? Не въ удушливой ли, чисто-тропической жарѣ, не въ облакахъ ли пыли, въ которой тонулъ Саратовъ и тогда? Или, быть можетъ, въ часто навѣщавшемъ насъ А. А. Шахматовѣ, дѣдѣ академика, бывшемъ минскомъ вице-губернаторѣ, нашемъ сосѣдѣ, маленькомъ, сѣденькомъ, отмѣнно любезномъ, даже галантномъ старичкѣ, напоминавшемъ маркиза XVIII вѣка, котораго удивительно какъ мѣтко передразнивалъ нашъ родственникъ, мальчикъ съ большимъ сценическимъ талантомъ, погибшимъ безслѣдно, какъ не знаю сколько талантовъ на Руси? Въ его супругѣ, врывавшейся въ домъ съ крикливымъ возгласомъ: «Olga-s-ici,

Annette-s-ici)? О эти liaisons dangereuses, какъ онѣ меня смѣшили; но не въ нихъ, конечно, было дѣло. Такъ не въ тѣхъ ли часахъ, которые я проводилъ за роялемъ съ младшей дочерью Н. И. Бахметева, наслѣдовавшей вмѣстѣ съ именемъ отца и его любовь къ музыкѣ? Или въ спектакляхъ въ загородномъ театрѣ Шехтеля, которые выносилъ на своихъ не совсѣмъ крѣпкихъ плечахъ Климовскій, прославившій свое имя не столько какъ актеръ, сколько какъ авторъ романа «Хуторокъ», соблазнившего даже Никольскаго, даже Тамберлика и наполнившего своими звуками всю Россію и теперь еще не забытаго людьми пожилыми? Или же меня прельщала И. П. Ларіоновъ, для котораго «Annette» была всегда «s-ici», потому что они другъ друга горячо любили, составивъ потомъ очаровательную чету, — мягкій, добрый, немного задумчивый, немного грустный И. П. Ларіоновъ, не игравшій на роялѣ, а тыкавшій въ него пальцами, но истинный музыкантъ, заставлявшій насъ чуть ли не пускаться въ плясъ, когда онъ своимъ почти отсутствовавшимъ голосомъ пѣлъ плясовую такъ, что удалство «по жилочкамъ такъ живчикомъ и переливалось», или затягивалъ хватавшую за душу русскую пѣсню съ ея затаенными слезами, съ ея безысходнымъ горемъ, отъ которыхъ у всѣхъ навертывались слезы на глазахъ? Гдѣ теперь его опера «Барышня-крестьянка», въ семидесятыхъ годахъ поставленная на одной изъ петербургскихъ сценъ, гдѣ теперь его сборникъ приволжскихъ пѣсенъ, которыя онъ въ теченіе всей жизни усердно собиралъ?

Да, все это скрашивало дни, проведенные мною въ Саратовѣ, но было еще кое-что. Когда вы путешествуете, вы такъ часто встрѣчаете людей милыхъ, привѣтливыхъ и прекрасно проводите съ ними время. Отчего? Ни они, ни вы не несете съ собой вороха мелкихъ житейскихъ интересовъ, которые вы тщательно оберегаете, изъ-за которыхъ вы иногда кривите душой, наносите незаслуженныя обиды, вѣчно трусите, вѣчно на-чеку, не спите иногда ночей, портите себѣ жизнь. Вы сбрасываете все это съ плечъ и вступаете въ естественное, свободное общеніе съ людьми и долго потомъ вспоминаете эти встрѣчи, какъ хорошія, можетъ быть, лучшія минуты въ жизни.

Но это случается не только въ пути. Всѣ, кто посѣщалъ въ 60-хъ годахъ маленькій саратовскій домъ на Аничковской улицѣ, отряхали при входѣ въ него не только прахъ съ своихъ ногъ, но и кое-что съ души, именно то, что мы отбрасываемъ при путевыхъ встрѣчахъ. И душа чувствовала себя свободной: она уходила въ другой міръ — міръ благоволенія, снисходительности къ другимъ, строгости къ самому себѣ, готовности быть полезнымъ и пріятнымъ чѣмъ только можно, никого не обидѣть ни словомъ, ни взглядомъ, забыть, что мы подчасъ злы, своекорыстны, мелочны. И невольно всѣ уходили въ этотъ другой міръ, становились безобидными, кроткими, предвкушали обѣщанное наслѣдство не только среди существъ земныхъ,

по и среди существъ «вѣчно живыхъ», уносились въ тотъ другой міръ, гдѣ безраздѣльно царить высшая, доступная человѣку красота—красота нравственная.

Въ такомъ настроеніи я провелъ время въ Саратовѣ. Насталъ часъ прощанія. Я разставался съ молодой хозяйкой, виновницей этого перерожденія нашихъ душъ. Я наклонился къ ней, чтобы высказать ей то, что чувствовалъ. Она подумала, что я хочу ее поцѣловать, уклонилась отъ поцѣлуя и затѣмъ какъ-то виновато, съ невыразимою мукою долго смотрѣла мнѣ въ глаза, словно передавая мнѣ всю свою душу.

Я уѣхалъ и все спрашивалъ себя, что значитъ этотъ страдальческій взоръ. Это раскрылось мнѣ только черезъ годъ, когда я получилъ извѣстіе, что она умерла въ чахоткѣ, прося близкихъ ничего мнѣ не сообщать ни объ ея болѣзни, ни объ ея смерти, пока я не кончу курса: она твердо рѣшила за нѣсколько лѣтъ до опытовъ Вильемена, что чахотка заразительна... она думала только о другихъ, не о себѣ,—вотъ въ чемъ заключалась сила, которою она распространяла вокругъ себя доброту, благоволеніе, сердечность, уносила людей въ другой міръ.

Я продолжалъ быть примѣрнымъ ученикомъ, кончилъ курсъ, поступилъ въ университетъ, но все чаще уходилъ въ тотъ, другой міръ. Чахоткой я не заразился, но другая отравка занесена была въ мою кровь. Я могъ но цѣлымъ днямъ ни съ кѣмъ не говорить; исполнивъ свои обязанности, уходить въ себя и никого не замѣчать; работать, спать, ѣсть, какъ автоматъ. Кончилось все это серьезною болѣзнію, постигшей меня въ 1867 году (парезисъ всей правой стороны) и потребовавшей леченія за границей. Приютилъ меня А. А. Долматовъ въ своемъ гостепріимномъ пансіонѣ въ Кларанѣ на берегу Женевского озера, пристанищѣ многихъ русскихъ, о которомъ стоитъ сказать два слова. Но я его коснусь впослѣдствіи, когда буду говорить о моей встрѣчѣ съ Е. Д. Безобразовой, второй женщиной, отравившей меня предвкушеніемъ того, другого міра...

Въ заключеніе этой главки я еще приведу фактъ, имѣющій близкое отношеніе къ психотерапіи, отрасли медицины, обратившей на себя вниманіе только за самое послѣднее время.

Выздоровленіе мое въ Швейцаріи, несмотря на обѣщанія петербургскихъ врачей, нисколько не налаживалось. Чувствительность и подвижность правой стороны не увеличивалась. Но вдругъ въ одинъ прекрасный день состояніе мое стало улучшаться не по днямъ, а по часамъ. И что же послужило этому причиной? Извѣстіе, до сихъ поръ отъ меня скрывавшееся и случайно мнѣ сообщенное, что горячо любимый дѣдушка тяжело заболѣлъ. Это почти невѣроятно, но это такъ. Я помню, какъ сильно подѣйствовало на меня это извѣстіе и какъ страстно я рвался въ Варшаву. Энергія охватила меня всего: я долженъ выздоровѣть, я долженъ быть при немъ.

Состояніе разслабленности вдругъ смѣнилось состояніемъ бодрости. Первоначально я подумалъ, что это та же сила, которая во время пожара заставляетъ людей поднимать непосильныя тяжести, и что я опять ослабѣю, что болѣзнь вернется. Но я доѣхалъ до Варшавы, ухаживалъ за больнымъ, видѣлъ, какъ онъ поправляется, вмѣстѣ съ тѣмъ самъ окончательно поправился и поправился не только физически, но и духовно. Тотъ міръ не умеръ,—о, нѣтъ! Но возвратилась и «воля къ жизни»,—къ жизни, гдѣ есть такіе люди, какъ дѣдушка и его внучка. Это ли не убѣдительный случай психотерапіи? Онъ смѣло можетъ быть прибавленъ къ многочисленнымъ исцѣленіямъ швейцарскаго чудотворца, профессора Дюбуа.

VII.

Училище правовѣдѣнія въ 70-хъ годахъ.—Директоръ А. П. Языковъ и его оцѣнка профессоровъ.—Инспекторъ классовъ Л. Б. Дорнъ.—Принцъ П. Г. Ольденбургскій.—Какъ иногда трудно бываетъ окончить лекцію.—Экзамены и конституціонный вопросъ.

Тотчасъ по окончаніи курса въ петербургскомъ университетѣ¹⁾ въ 1870 г. я былъ приглашенъ читать лекціи государственнаго права въ училище правовѣдѣнія взамѣнъ профессора А. Д. Градовскаго, не поладившаго съ тогдашнимъ директоромъ этого училища, генералъ-лейтенантомъ А. П. Языковымъ.

Такъ какъ я нигдѣ еще не преподавалъ, то мнѣ пришлось *pro venia legendi* прочесть двѣ лекціи: одну, пробную, въ совѣтѣ, другую, вступительную, въ актовомъ залѣ въ присутствіи попечителя, принца П. Г. Ольденбургскаго, профессоровъ и воспитанниковъ.

Лекція въ совѣтѣ прошла вполне благополучно, по крайней мѣрѣ по окончаніи ея профессора меня горячо поздравляли. Къ этимъ поздравленіямъ присоединился и директоръ, хотя онъ въ началѣ лекціи совершилъ вотъ что.

Меня усадили въ концѣ комнаты за маленькій столъ, который, очевидно, долженъ былъ изображать кафедру, въ то время, какъ совѣтъ, изображавшій слушателей, засѣдалъ въ другомъ концѣ комнаты за огромнымъ столомъ, покрытымъ, по обыкновенію, зеленымъ сукномъ. Тотъ конецъ комнаты, гдѣ засѣдалъ совѣтъ, былъ довольно хорошо освѣщенъ, мой же конецъ скудно освѣщался одной стѣнной лампой. Я, садясь, какъ водится, вынулъ листъ бумаги съ конспектомъ моей лекціи. Только что я началъ говорить, какъ Языковъ всталъ и, сдѣлавъ видъ, будто лампа надо мной коптитъ, приблизился на цыпочкахъ къ ней и еще убавилъ огня. Хотя я былъ поглощенъ лекціей, но не могъ этого не замѣтить, потому что вокругъ меня стало вдругъ замѣтно темнѣе, и я невольно приостановилъ чте-

¹⁾ Съ моими университетскими воспоминаніями я познакомилъ уже читателей «Историческаго Вѣстника» (1911 г., мартъ, очеркъ: «Уставъ и наука»).

ніе. Языковъ этого, вѣроятно, не ожидалъ и, возвращаясь къ своему мѣсту, успокоительно замахалъ мнѣ руками. Я собственно долженъ былъ протестовать: директоръ устроилъ мнѣ такой мракъ, что я въ конспектѣ ничего разобрать не могъ, но я не протестовалъ, вспомнивъ, что Языкову другая оцѣнка способностей лектора была недоступна. Это былъ человѣкъ безъ всякаго юридическаго образованія—бывшій полицеймейстеръ города Риги, котораго императоръ Николай Павловичъ съ свойственною ему рѣшительностью назначилъ директоромъ училища правовѣдѣнія для успокоенія воспитанниковъ, когда среди нихъ вспыхнули беспорядки. Смущаться его выходкой не приходилось; я, методически сложивъ конспектъ, сунулъ его обратно въ карманъ и, отвѣтивъ улыбкой на сочувственную ироническую улыбку профессоровъ, продолжалъ свою лекцію.

Но вступительная лекція обошлась менѣе благополучно, и въ этомъ виноватъ былъ добрейшій принцъ П. Г. Ольденбургскій, конечно, помимо своей воли.

Я ему еще не былъ представленъ, и представленіе должно было состояться передъ самою лекціею у входа въ актовую залу, гдѣ уже собрались воспитанники и профессора. Я расхаживалъ по коридору въ ожиданіи принца, какъ вдругъ ко мнѣ подлетаетъ инспекторъ классовъ (онъ былъ очень подвижного нрава), одинъ изъ лучшихъ тогда знатоковъ римскаго права, Л. В. Дорнъ.

Вѣднѣй Лудолфъ Борисовичъ! Его жизнь кончилась трагически. Говорятъ, что лекціи его были суховаты. Но я сохранилъ о немъ память, какъ о жизнерадостномъ человѣкѣ. Сколько мы съ нимъ смѣялись! Правда, мы оба были молоды: мнѣ шелъ тогда 25-й годъ, ему—29-й. Онъ какъ разъ въ это время женился на графинѣ Хорнъ. «Хорнъ (рогъ) и Дорнъ (шипъ, заноза)—не правда ли—богатая рима?»—спрашивалъ онъ. Или: «А вѣдь и рогъ можетъ занозиться!» и т. п. Вотъ уже четверть вѣка, какъ его нѣтъ, а онъ все еще, какъ живой, стоитъ передо мной.

Такъ вотъ онъ подбѣгаетъ ко мнѣ и скороговоркой докладываетъ мнѣ: во-первыхъ, что принцъ очень любитъ, когда съ нимъ говорятъ по-нѣмецки и что мнѣ это нетрудно сдѣлать, какъ воспитаннику нѣмецкихъ школъ, а, во-вторыхъ, что принцъ обыкновенно вечеромъ очень утомленъ (лекція моя была назначена въ вечерній часъ) и что онъ, вѣроятно, немедленно заснетъ, какъ только сядетъ. Не успѣлъ Дорнъ мнѣ все это сообщить, какъ я увидѣлъ вдали худошавую фигуру принца. Дорнъ моментально скрылся въ актовой залѣ, и я остался наединѣ съ принцемъ.

Онъ отнесся ко мнѣ очень милостиво, пріятно удивился чистотѣ моего нѣмецкаго произношенія, сдѣлалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ о томъ, гдѣ я воспитывался, спросилъ, бывалъ ли я за границею, и затѣмъ пригласилъ меня послѣдовать за нимъ въ залу.

Лекція началась. Дорнъ былъ правъ. Не успѣлъ я произнести: «Ваше императорское высочество и милостивые государи», какъ принцъ уже задремалъ. Ему было тогда 58 лѣтъ, и, несмотря на это, онъ проявлялъ изумительную дѣятельность, особенно въ качествѣ главноуправляющаго IV отдѣленіемъ собственной Его Величества канцеляріи. При немъ число воспитательныхъ и другихъ учреждений, ему подвѣдомственныхъ, возросло почти въ пять разъ, т. е. со 100 до 500. Онъ состоялъ и сенаторомъ, и предсѣдателемъ одного изъ департаментовъ Государственнаго Совѣта, и членомъ совѣта военно-учебныхъ заведеній, и предсѣдателемъ петербургскаго опекунскаго совѣта, и президентомъ вольно-экономическаго общества, и предсѣдателемъ главнаго совѣта женскихъ учебныхъ заведеній. Благодаря его попеченіямъ и щедрымъ пожертвованіямъ основана была первая въ Россіи община сестеръ милосердія (Свято-Троицкая), училище правовѣдѣнія достигло цвѣтущаго положенія тоже только благодаря его попеченіямъ и его щедрости (онъ пожертвовалъ на него болѣе милліона). Кромѣ того, онъ принималъ самое дѣятельное участіе и въ благополучіи Александровскаго лицея. При такихъ условіяхъ, кажется, онъ имѣлъ полное право къ вечеру уставать.

Все это я прекрасно понималъ, и тѣмъ не менѣе положеніе мое было не изъ пріятныхъ. Хорошо, принцъ спалъ, а я читалъ лекцію, но чѣмъ же это кончится? Нельзя же было предположить, что онъ проснется именно тогда, когда я кончу. Если онъ проснется раньше, все обойдется благополучно. Но если мнѣ придется читать часъ, другой, третій прежде, чѣмъ онъ проснется? Моя лекція была рассчитана на три четверти часа. Я не могъ предположить, что кто-нибудь рѣшится разбудить принца, когда это потребуется. Словомъ, я не зналъ, что дѣлать. Придумать что-нибудь мнѣ мѣшало необходимость сосредоточиться на томъ, что я излагалъ, а сосредоточиться на предметѣ изложенія мнѣ мѣшало опасеніе, что я кончу раньше, чѣмъ принцъ проснется. Какъ быть, какъ быть?.. Рѣшительно не помню, какъ я читалъ, помню только, что я пережилъ очень непріятныя минуты. Но когда я подошелъ къ концу лекціи, я вдругъ принялъ рѣшеніе и произнесъ послѣднія свои слова такъ громко, что принцъ открылъ глаза и удивленно взглянулъ на меня. Я сошелъ съ кафедры, принцъ всталъ, поблагодарилъ меня,—тѣмъ дѣло и кончилось.

Но у меня была еще другая, менѣе миролюбивая, встрѣча съ принцемъ.

Послѣ этой вступительной лекціи я началъ читать свой курсъ государственнаго права двумъ старшимъ классамъ, и все шло нѣкоторое время гладко. Но когда я дошелъ до формъ правленія, картина измѣнилась. Все тотъ же инспекторъ классовъ, Л. Б. Дорнъ, какъ-то мимоходомъ мнѣ сообщилъ, что принцъ очень консервативно

настроенъ, и что этого, конечно, нельзя не принять во вниманіе, преподавая такой отвѣтственный предметъ, какъ государственное право. Я спросилъ, не значить ли это, что на лекціяхъ нельзя касаться конституціоннаго строя? Онъ мнѣ отвѣтилъ уклончиво: отчего-де не касаться, но все-таки лучше не останавливаться на этомъ вопросѣ. Я на это замѣтилъ, что не могу себѣ даже представить, какъ можно читать общую часть государственнаго права, не касаясь конституціоннаго строя, но общалъ излагать вопросъ совершенно объективно. Мои объясненія его, однако, повидимому, не удовлетворили. Въ одинъ прекрасный день Дорнъ воспользовался своимъ официальнымъ правомъ и явился на одну изъ моихъ лекцій. Послѣ лекціи я его спросилъ, чему я обязанъ этою честью. Онъ мнѣ отвѣтилъ, что воспитанники внимательнѣе слушаютъ и не читаютъ постороннихъ книгъ, когда знаютъ, что инспекторъ можетъ во всякую минуту войти въ классъ, и что онъ заходитъ и къ другимъ преподавателямъ. Одновременно, однако, и директоръ сталъ на меня коситься. Но я за собой никакой вины не зналъ и поэтому на все это не обращалъ вниманія, продолжая читать свой курсъ, и довелъ его благополучно до конца.

И вотъ наступилъ экзаменъ, на которомъ опять присутствовалъ принцъ П. Г. Ольденбургскій. Онъ слушалъ на этотъ разъ очень внимательно. Но когда я задалъ воспитаннику вопросъ, касавшійся конституціоннаго строя Англіи, онъ, наклонившись, шепнулъ мнѣ на ухо: «Это не имѣетъ никакого практическаго отношенія къ Россіи и никогда имѣть не будетъ». Затѣмъ, когда экзаменъ кончился, онъ, поблагодаривъ меня, сказалъ, уходя: «Воспитанники отвѣчаютъ прекрасно, но есть черныя точки». Послѣ этого я, видя, что лишень свободы преподаванія въ очень существенномъ вопросѣ, рѣшилъ отказаться отъ кафедры.

Принцъ П. Г. Ольденбургскій оказался плохимъ пророкомъ. Черезъ десять лѣтъ послѣ его пророчества Александръ II подписалъ конституцію, а черезъ 35 лѣтъ Россія стала конституціонною страной, и, конечно, было бы лучше, если бы русская молодежь заблаговременно составила себѣ объективное сужденіе о конституціонномъ строѣ. Но взгляды принца на преподаваніе въ этой области, равно какъ и безчисленные анекдоты объ его разсѣянности и чисто-внѣшней несообразительности нисколько не умаляютъ заслугъ этого доброжелательнаго и просвѣщеннаго государственнаго дѣятеля, память котораго свято хранится какъ всѣми благотворительными и просвѣтительными учрежденіями, созданными имъ, такъ и лицами, имѣвшими счастье его знать или поддерживать съ нимъ служебныя отношенія.

Р. И. Сементковскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ.)

СРЕДИ ОТОШЕДШИХЪ ¹⁾.

(Изъ моихъ воспоминаній).

VIII.

Курортные пансіоны полвѣка тому назадъ.—«Эрмитажъ» и его хозяинъ А. А. Долматовъ.—Прусскій генералъ Бейеръ-фонъ-Каргеръ.—В. П. Безобразовъ.

Въ 1871 году я вслѣдствіе усиленныхъ занятій (магистерскіе экзамены, чтеніе лекцій, подготовка къ печати «Науки полиціи» Моля) снова серьезно заболѣлъ. С. П. Боткинъ, тогдашняя медицинская знаменитость, посѣтивъ меня и тщательно изслѣдовавъ, пришелъ къ выводу, что у меня болѣзнь мозжечка, что мнѣ навсегда надо бросить умственный трудъ, переселиться къ себѣ въ деревню и жить чисто растительною жизнью—въ такомъ случаѣ я-де, можетъ быть, протяну еще годика два-три. Къ счастью для меня, Боткинъ ошибся (я послѣ этого усиленно проработалъ еще сорокъ лѣтъ), примѣрно, какъ онъ ошибся, принявъ сифилитика Наума Прокофьева за чумнаго, и сообщилъ свой приговоръ не мнѣ, а другимъ, которые были настолько благоразумны, что предоставили мнѣ лечиться, какъ и гдѣ мнѣ заблагоразсудится, и меня снова потянуло на благодатное Женевское озеро, въ уютный пансіонъ А. А. Долматова «Эрмитажъ», гдѣ я въ 1867 году нашелъ исцѣленіе.

¹⁾ Продолженіе. «Истор. Вѣстн.», т. CXLVII, стр.

Но меня соблазняло не одно тогдашнее мое исцѣленіе, а еще кое-что, о чемъ не мѣшаетъ вспомнить именно теперь, когда такъ много говорятъ объ улучшеніи или, вѣрнѣе, о созданіи у насъ благоустроенной курортной жизни.

Устраню мягкій климатъ и красоты природы. Этого и у насъ достаточно въ Крыму или на Кавказѣ. Не буду распространяться и о внѣшнемъ благоустройствѣ, санитарномъ и всякомъ другомъ, о прекрасномъ столѣ, питательномъ и здоровомъ. Это существовало на Женевскомъ озерѣ въ изобиліи уже полвѣка назадъ, а у насъ отсутствуетъ и теперь, но говорятъ и объ этомъ у насъ много. Не буду говорить и о дешевизнѣ, почти невѣроятной, если принять во вниманіе заграничныя высокія цѣны на жизненные продукты и на рабочія руки. Я хочу коснуться другой стороны вопроса, которая игнорируется и тѣмъ не менѣе имѣетъ огромное значеніе; я хочу сказать два слова о домашнемъ уютѣ, о томъ, что въ пансіонской жизни можетъ разстраивать, раздражать больного и заставить его бѣжать изъ пансіона, какъ изъ мѣста пытки.

Многочисленные (а они насчитываются, конечно, тысячами) туристы и больные, жившіе въ знаменитомъ, воспѣтомъ Руссо Кларанѣ, въ пансіонѣ А. А. Долматова «Эрмитажѣ», просуществовавшемъ долгіе годы, не испытывали ничего подобнаго. Напротивъ, многіе изъ нихъ всегда съ благодарностью вспоминали о самомъ пансіонѣ и объ его хозяинѣ.

Судьба Долматова и любопытна, и назидательна. Сынъ боевого генерала, онъ былъ лекторомъ латинскаго языка въ Правовѣдѣніи, когда захворалъ. Ему, какъ и мнѣ, пришлось искать спасенія на Женевскомъ озерѣ; но болѣзнь у него была затяжная: она требовала долгого, если не пожизненнаго, пребыванія въ мягкомъ климатѣ. Между тѣмъ денежныя средства у него, семейнаго человѣка, совершенно изсякли, и помощи ему рѣшительно неоткуда было ждать. Словомъ, положеніе получилось отчаянное. Но чѣмъ сильнѣе опасность, тѣмъ ближе Богъ. Спасли Долматова маленькое наслѣдство и... мѣстный банкиръ, рѣшившій, что можетъ выручить человѣка изъ бѣды, т. е. удовлетворить влеченію сердца, и въ то же время выгодно помѣстить свои деньги. Оборудовалъ онъ Долматову пансіонъ, преподалъ ему хорошіе совѣты, и кончилось дѣло тѣмъ, что банкиръ не только выручилъ хорошій процентъ, но и вернулъ затраченный капиталъ, а Долматовъ, съ своей стороны, устроился такъ хорошо, что, когда къ нему подошла старость, провелъ ее безъ заботъ и лишеній и спокойно умеръ въ 1903 г. послѣ того, какъ вывелъ въ люди всѣхъ своихъ дѣтей.

Долматовъ былъ душою пансіонской жизни въ своемъ «Эрмитажѣ», всегда предсѣдательствовалъ на трапезахъ, поддерживалъ разговоръ, сводилъ людей, родственныхъ по настроенію, образованію, общественному положенію, но страдавшихъ общерусскою

болѣзнию, т. е. неумѣньемъ вступать въ простое, естественное общеніе съ другими людьми. Самъ онъ былъ чрезвычайно простъ и какъ-то умѣлъ заражать простотою и другихъ. Скромный, ровный въ обращеніи, всегда привѣтливый, онъ всѣмъ былъ пріятель. Су-толока пансіонской жизни съ ея мелкими интересами, расчетами и дрязгами не закрывала ни его ума, ни его сердца для высшихъ запросовъ человѣческаго духа, и помню, какъ я иногда просиживалъ съ нимъ вечера въ бесѣдѣ, раскрывавшей мнѣ, молодому чело-вѣку, далекіе, но заманчивые горизонты.

Но это не отрывало Долматова отъ усиленныхъ заботъ о своемъ пансіонѣ, это не мѣшало ему превратить его въ уголокъ, гдѣ боль-ному чело-вѣку пріятно было лечиться, а усталому отдохнуть. При-веду нѣсколько примѣровъ, чтобы охарактеризовать эту сторону дѣятельности піонеровъ пансіонскаго дѣла въ Европѣ.

За обѣдомъ и ужиномъ наискось отъ меня сидитъ англичанка въ лѣтахъ, но далеко еще не старуха. Она то и дѣло украдкой погла-дываетъ на меня, и иногда томная улыбка озаряетъ ея отцвѣтш.я уста. Это продолжается день, другой, третій. Я начинаю раздра-жаться этимъ демонстративнымъ ухаживаніемъ старухи за моло-дымъ чело-вѣкомъ. Наконецъ, выведенный изъ терпѣнія, я обра-щаюсь къ Долматову. И вотъ какъ объясняется дѣло: я очень по-хожъ лицомъ и манерами на единственного ея сына, убитаго въ Индіи. Раздраженіе противъ англичанки смѣняется добрымъ къ ней чувствомъ. Я самъ ищу случая быть въ ея обществѣ, и такъ какъ давно лелѣялъ мысль читать Шекспира въ оригиналѣ, а англій-скаго языка не зналъ, то рѣшаюсь обратиться къ англичанкѣ съ просьбою помочь мнѣ иногда, и надо было видѣть рвеніе, съ какимъ она принялась за дѣло. Мы оба были довольны, и я навсегда сохранилъ о ней пріятное воспоминаніе.

Другой примѣръ. Какъ разъ надо мною живетъ аристократиче-ская французская чета. Оба молоды, изящны, красивы, особенно она — настоящее олицетвореніе чудной южной лѣтней ночи въ духѣ знаменитой «Грусти» Каульбаха. И вдругъ я слышу, что этотъ эле-гантный молодой чело-вѣкъ бьетъ свою красавицу-жену, бьетъ смертнымъ боемъ. До меня доносится бѣготня надъ моею головою, паденіе мебели, проклятія, ругательства, крики ужаса, отчаянія. Все это заглушено крѣпкимъ поломъ, крѣпкими стѣнами, тѣмъ не менѣе ошибиться трудно. Я уже хочу броситься наверхъ, чтобы удержать, укротить изверга, но крики стихаютъ, да и какое право, въ самомъ дѣлѣ, имѣю я вмѣшиваться въ чужія дѣла! Но сцена эта повторяется, и силъ нѣтъ выдержать. Я прибѣгаю къ помощи Дол-матова. Дикія сцены прекращаются. Какъ оказывается, Долма-товъ спросилъ француза, доволенъ ли онъ своимъ пребываніемъ въ «Эрмитажѣ», не беспокоитъ ли его шумъ изъ смежныхъ комнатъ, такъ какъ домъ построенъ не вполне солидно въ акустическомъ отно-

шеніи. Крики прекратились, хотя вскорѣ французская чета уѣхала. «Скатертью дорога»,—улыбнулся мнѣ Долматовъ.

Еще примѣръ. Симпатичная, но слабогрудая англичанка помѣщена на чистотѣ воздуха. Уборная была на пути изъ моей и моего сосѣда комнатъ къ выходу и столовой. Со дня пріѣзда англичанки дверь въ уборную оставалась постоянно открытой, и однажды, къ моему ужасу, я замѣтилъ, что она оставалась открытою, даже когда въ ней находилась англичанка. Долматовъ вступилъ черезъ свою жену съ ней въ переговоры, устроилъ ее поближе къ своей семьѣ, и дѣло уладилось.

Я привелъ эти детали, чтобы показать, какая заботливость, какой тактъ, какое терпѣніе требуется отъ содержателя или содержательницы курортнаго пансіона для обезпеченія спокойствія пансіонеровъ, для того, чтобы они чувствовали себя, какъ дома. Лично по отношенію къ себѣ я еще добавлю, что самъ Долматовъ и его семья окружали меня ввиду серьезной моей болѣзни особенною заботливостью, что уходъ за мной былъ образцовый, и читатель пойметъ, что представлялъ собою одинъ изъ швейцарскихъ пансіоновъ полвѣка назадъ. Въ другихъ я тогда не бывалъ, но и ихъ очень хвалили. Мнѣ самому пришлось съ ними ближе познакомиться уже гораздо позже, и я убѣдился, что, несмотря на общее усиленіе промышленнаго духа, индивидуальное отношеніе къ пансіонерамъ, желаніе угодить каждому изъ нихъ въ связи съ индивидуальными его особенностями далеко не исчезло, и что туристъ или больной всегда могъ найти пансіонъ, гдѣ встрѣчалъ привѣтливую улыбку и бережное къ себѣ отношеніе.

Возвращаясь, однако, къ «Эрмитажу». Понятно, что при такомъ заботливомъ отношеніи хозяина къ пансіону онъ долженъ былъ вскорѣ пріобрѣсти широкую извѣстность, а вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнился составъ его населенія. Въ первый мой пріѣздъ я засталъ тамъ только одно сколько-нибудь замѣтное лицо, именно г-жу Трейеръ,—даму, если не первую, то одною изъ первыхъ начавшую лечить у насъ, въ Россіи, съ успѣхомъ заикъ, очень образованную и интересную, съ которою я состоялъ въ перепискѣ и по отъѣздѣ изъ Швейцаріи. Во второй же мой пріѣздъ я засталъ въ «Эрмитажѣ» уже не мало выдающихся или, по крайней мѣрѣ, замѣтныхъ дѣятелей. О нѣкоторыхъ изъ нихъ я здѣсь упомяну, чтобы къ нимъ болѣе не возвращаться.

Очень меня заинтересовалъ генералъ прусской службы, Бейеръ-фонъ-Каргеръ, одинъ изъ героевъ франко-прусской войны. Его рассказы объ этой войнѣ раскрыли мнѣ многое, о чемъ я и не подозревалъ. Вообще онъ былъ не словоохотливъ, но мы совершали съ нимъ прогулки въ горы, и онъ, приглядѣвшись ко мнѣ, сталъ болѣе разговорчивъ. Это былъ человѣкъ добродушный и деликатный и очень бодрый, несмотря на свои шестьдесятъ лѣтъ. Мы иногда до

того увлекались прогулкою, что ночевали въ горахъ. Такъ, попавъ въ Лезаванъ, гдѣ теперь возникъ даже первоклассный отель, мы нашли ночлегъ только въ шалѣ, гдѣ для двоихъ оказался одинъ диванъ. Мнѣ такъ и не удалось уговорить генерала воспользоваться имъ и предоставить мнѣ выспаться на полу.

— Я военный и къ этому привыкъ,—повторялъ онъ:—а вы, ученые, народъ избалованный и изнѣженный.

Такъ генераль и ночевалъ на полу и, какъ я убѣдился, спалъ сномъ убитого. На другой день, когда мы опять двинулись въ путь, я ему сказалъ, что диванъ мнѣ не помогъ, что я спалъ отвратительно и завидовалъ ему. Онъ мнѣ на это замѣтилъ:

— Я прежде также часто страдалъ безсонницей, но сплю великолѣпно съ тѣхъ поръ, какъ...

Онъ замаялся, но потомъ продолжалъ:

— Разъ начавъ, надо и кончить... ну... ну, съ тѣхъ поръ, какъ я вышелъ въ отставку, т. е. съ прошлаго года.

Я не рѣшался спрашивать, но меня крайне заинтересовало, почему герой войны 1870—71 гг. вышелъ въ отставку тотчасъ послѣ ея окончанія, тѣмъ болѣе, что, какъ мнѣ передавали, ему предложенъ былъ очень видный постъ (коменданта первоклассной крѣпости).

— Я тоже разстался съ профессорскою дѣятельностью, но на это были основательныя причины,—пошутилъ я:—во-первыхъ, для меня еще не выяснилось, насколько я могу тутъ быть полезенъ, а, во-вторыхъ, при отсутствіи свободы... Словомъ, были причины.

— Хотите, я вамъ скажу,—прервалъ меня генераль:—почему я вышелъ въ отставку?... Вы, русскіе, въ этомъ виноваты.

— Мы, русскіе?—спросилъ я въ недоумѣніи.

— Не обижайтесь, ради Бога,—успокаивалъ меня генераль.— Не вы, конечно, и не люди вашего настроенія, но такъ называемые панслависты.

— Вы серьезно вѣрите въ басню о томъ, что панслависты проглотятъ бѣдную Германію? Не можетъ быть?

— Какъ не вѣрить: они не сегодня-завтра непременно доведутъ дѣло до войны. Ну, а я—слуга покорный. Одинъ-два раза можно этотъ ужасъ пережить, но въ третій разъ... нѣтъ, не могу, не могу...

И онъ смотрѣлъ вдаль, какъ бы забывъ обо мнѣ. Когда разговоръ возобновился, мы заговорили уже о другомъ. Но теперь, когда я воспроизвожу записанный тогда разговоръ, я невольно вспоминаю слова фельдмаршала Гинденбурга, что разразившуюся мировую войну выиграетъ тотъ, у кого «нервы крѣпче». Бейеръ-фонъ-Каргеръ, очевидно, не принадлежалъ къ числу прусскихъ генераловъ съ особенно крѣпкими нервами: тѣмъ дороже мнѣ его память, ибо

не онъ во всякомъ случаѣ вызвалъ бы теперешнюю, жестокою до безконечности войну.

Вернувшись домой съ этой экскурси, я заснулъ сномъ если не убитого, то праведника, и не успѣлъ я еще очнуться, какъ услышалъ съ балкона (я спалъ при открытомъ окнѣ) слѣдующій разговоръ на французскомъ языкѣ:

— Нѣтъ, я не учитель,—кричалъ какой-то нервный, громкій голосъ.

Словъ собесѣдника я не разслышалъ.

— Нѣтъ, я не только профессоръ,—продолжалъ гремѣть прежній голосъ.

Я снова не разслышалъ словъ собесѣдника.

— Я, понимаете ли, а-ка-де-микъ, а-ка-де-микъ,—повторялъ раздѣльно громкій голосъ.

Я невольно вспомнилъ знаменитую пироновскую эпитафію:

Ci-gît Piron qui ne fut rien,
Pas même academicien ¹⁾.

Пирону не удалось попасть въ академію, но язвительность его эпитафіи свидѣтельствуетъ, что ему очень этого хотѣлось. А господинъ съ громкимъ голосомъ добился этой чести и чрезвычайно гордится ею. Но какая же это академія? Я такъ часто на своемъ вѣку слышалъ русско-французскую рѣчь, что не могъ ошибиться относительно національности господина съ громкимъ голосомъ. Это былъ, очевидно, русскій, но интонація его голоса и манера говорить совершенно не напоминали русскаго академика. Тѣ, по большей части нѣмецкаго происхожденія, были степеннѣе, солиднѣе, увѣсисѣе, сдержаннѣе. Кто же былъ этотъ академикъ? Узналъ я это только коротко до обѣда, когда встрѣтился съ Долматовымъ. Онъ мнѣ объяснилъ, что прибыли новыя пансіонеры: академикъ В. П. Безобразовъ съ семьей.

За обѣдомъ мы встрѣтились. Дѣти меня мало заинтересовали: я, конечно, не могъ предвидѣть, что изъ дѣвочки вырабатается со временемъ первая въ Россіи женщина-философъ, патентованная, т. е. съ дипломомъ доктора философін, хотя и иностраннымъ, и что мальчикъ превратится въ извѣстнаго византиниста. Но и мать меня мало заинтересовала: она держала себя совершенно въ тѣни, такъ сказать, стушевывалась не только передъ мужемъ, но и передъ дѣтьми, какъ будто собственное ея существованіе не имѣло ровно никакой цѣны и все заключалось только въ ея семьѣ. Такимъ образомъ, мое вниманіе было поглощено самимъ Безобразовымъ, кото-

¹⁾ Здѣсь поконится Пиронъ. Онъ ничѣмъ не былъ, не былъ даже академикомъ.

раго я какъ-то сразу призналъ человѣкомъ гораздо болѣе значительнымъ, чѣмъ могло показаться по утреннему его разговору.

Онъ вступилъ со мною въ бесѣду во время обѣда и послѣ обѣда. Былъ онъ старше меня лѣтъ на двадцать и тѣмъ не менѣе нѣкоторыми сторонами своего существа казался мнѣ значительно моложе. Въ немъ было больше увлеченія, больше жизнерадостности, чѣмъ во мнѣ. Онъ за все принимался очень горячо. Но эта горячность не вызывалась, какъ у большинства русскихъ людей, быстрымъ подъемомъ нервной дѣятельности, за которымъ слѣдовалъ такъ же быстро упадокъ ея. Нѣтъ, это была въ немъ ничѣмъ, казалось, несокрушимая жизненная сила, которая постоянно просилась наружу, что бы онъ ни дѣлалъ, о чемъ бы онъ ни говорилъ, и которая успокаивалась развѣ только во время сна. Благодаря этой внутренней силѣ, онъ, мелкій чиновникъ, безъ всякой ученой степени, даже безъ университетскаго образованія, превратился въ замѣтнаго ученаго, въ профессора, въ академика, объѣздивъ вдоль и поперекъ Россію и Европу, составилъ безчисленные доклады по разнообразнѣйшимъ отраслямъ нашего народнаго хозяйства, выпускалъ въ свѣтъ солидные ученые сборники, писалъ и ученые трактаты, и безчисленные журнальные и газетные статьи, преподавалъ, полемизировалъ, словомъ, проявлялъ почти невѣроятную дѣятельность. Его хватало на все; о чемъ бы съ нимъ ни заговорили, онъ всѣмъ интересовался, и не такъ, какъ интересуются свѣтскіе люди, которые изъ деликатности выслушиваютъ васъ съ видимымъ вниманіемъ, а сами совершенно отсутствуютъ. Нѣтъ, онъ вливался въ васъ своими близорукими глазами, въ увлеченіи споромъ бралъ васъ за пуговицу и, постепенно наступая на васъ, оттѣснялъ васъ до самой стѣны и тѣмъ не менѣе продолжалъ наступать, такъ что вамъ хотѣлось крикнуть: «Да пощадите же, Владимиръ Павловичъ, вѣдь мнѣ ужъ некуда дѣваться!» И не только споромъ, онъ увлекался многими другимъ. Помню, когда я впослѣдствіи бывалъ у него на Васильевскомъ островѣ, я заставлялъ его почти всегда за работой у маленькой конторки, и тутъ же стояла безсмѣнно кружка пива. Сколько онъ этого пива выпивалъ, замѣнивъ его потомъ краснымъ виномъ! И, повидимому, оно ему вреда не причиняло. Но необыкновенная жизненная сила проявлялась не только въ этомъ неумѣренномъ поглощеніи спиртныхъ напитковъ. Помню (это было лѣтомъ 1874 года, когда семьи наши жили на дачѣ), онъ приглашаетъ меня къ обѣду. Пообѣдали мы съ нимъ и выпили. Затѣмъ онъ предлагаетъ сѣздить in's Grüne на Петровскій: тамъ-де директоръ пивного завода «Баварія» (Флекингеръ, кажется) устроилъ «огрудекъ» (такъ Безобразовъ на польскій ладъ называлъ маленькій кафешантанъ), оркестръ недуренъ, хотя и военный, но имъ управляетъ самъ Василій Васильевичъ (Безобразовъ имѣлъ въ виду знамени таго въ то время артиста на корнетъ-а-пистонѣ, Вурма, управляв-

шаго хорами войскъ гвардіи), есть и недурныя пѣвички, но, главное, надо же поддержать великолѣпную мысль администраціи завода содѣйствовать сбыту пива посредствомъ маленькихъ концертовъ и представленій. И мы поѣхали поддерживать эту блестящую мысль. Безобразову было тогда уже сорокъ шесть лѣтъ, проработалъ онъ, какъ всегда, весь день очень усердно, но былъ свѣжъ, точно ничего не дѣлалъ. На Петровскомъ Владимира Павловича встрѣтили какъ стараго, пріятнаго и почетнаго гостя. Прослушали мы одинъ-два нумера программы и затѣмъ образовали маленькій «серклъ» подъ тѣнью густо разросшихся кустовъ. Кто только къ намъ не подходилъ? Но прочно за нашимъ столикомъ усѣлись директоръ пивного завода, затѣмъ Вурмъ, когда онъ освободился, одна изъ пѣвицъ, пропѣвшая свои куплеты, какой-то военный, какой-то статскій. Мы пили пиво, потомъ ужинали, перешли на шампанское, и Владимиръ Павловичъ все время поддерживалъ оживленный разговоръ, всѣхъ расспрашивалъ, всѣмъ интересовался, и все сколько-нибудь интересное запечатлѣвалось въ его острой памяти. Когда директоръ завода, отвѣчая на его вопросъ, сказалъ ему, что въ Россіи нельзя варить такого легкаго пива, какъ въ Германіи, потому что оно въ такомъ случаѣ сбыта имѣть не будетъ, и пояснилъ свою мысль тѣмъ, что у насъ въ пивныхъ потребители пива часто не довольствуются имъ, а послѣ одного-двухъ стакановъ выпиваютъ еще рюмку водки, Безобразовъ взглядомъ на меня подчеркнул эту мысль, напоминая мнѣ этимъ разговоръ, который мы съ нимъ коротко передъ тѣмъ вели относительно русскаго пьянства. А это происходило уже въ концѣ вечера, вѣнчать, ночи, т. е. когда можно было съ минуты на минуту ждать, что первые лучи солнца побѣдоносно брызнуть на насъ. Безобразовъ не проявлялъ ни малѣйшаго утомленія. О какомъ это я, впрочемъ, утомленіи говорю? Напротивъ, Владимиру Павловичу показалось мало всѣхъ нашихъ похожденій. Онъ нанялъ лодку, захватилъ съ собою еще шампанскаго, Вурма, какихъ-то пѣвцовъ, какую-то пѣвицу. И мы долго еще катались, оглашая спавшую Неву взрывами смѣха и оживленнымъ разговоромъ, который поддерживалъ нашъ вѣчно юный академикъ. Пардону, наконецъ, попросили музыкантъ и пѣвцы, и мы разошлись у Дворцоваго моста, а мнѣ, не желавшему беспокоить Безобразова, пришлось провести остатокъ ночи въ Михайловскомъ скверѣ и испытать прелести жизни бродягъ, которыми ночные сторожа не даютъ заснуть въ общественныхъ мѣстахъ, пока я наконецъ не заглянулъ въ редакцію, въ которой мы съ Безобразовымъ работали. Тутъ я заснулъ сномъ мертвеца, такъ что лишилъ издателя его кабинета на все утро, но Владимиръ Павловичъ, я въ этомъ увѣренъ, всталъ въ урочный часъ и тотчасъ же принялся за свой урочный трудъ. Да, несокрушимы были въ немъ жизненныя силы!

Но въ эту первую нашу встрѣчу въ швейцарскомъ пансіонѣ вскорѣ вниманіе мое привлекъ не столько онъ самъ, сколько его жена, Е. Д. Безобразова. Она имъ завладѣла совершенно неожиданно, да такъ, что ея образъ навсегда запечатлѣлся въ моей очарованной памяти.

IX.

Женскій вопросъ, Е. Д. Безобразова и причины тщательнаго охраненія ея литературнаго инкогнито.—П. М. Ковалевскій и его гатчинскій домъ.—Какія способности иногда таятся въ простой прислугѣ.—Проказы И. Я. Фойницкаго и его мести.

Какъ-то за обѣдомъ Безобразовъ меня спрашиваетъ, чѣмъ я теперь занимаюсь, и на мой отвѣтъ, что я занимаюсь составленіемъ диссертациі, предлагаетъ мнѣ дальнѣйшій вопросъ: какую я выбралъ тему? Когда я сказалъ, что тема моя—отношеніе государства къ женскому образованію, Е. Д. Безобразова мелькомъ, но очень внимательно взглянула на меня. Безобразовъ, съ своей стороны, замѣтилъ, что тема эта очень рискованная по спорности вызываемыхъ ею вопросовъ и благоразумнѣе было бы избрать другую. Я на это возразилъ, что женщины составляютъ половину рода человѣческаго, и что поэтому ихъ образованіе—вопросъ важный, а отношеніе къ нему государства заслуживаетъ самаго серьезнаго изученія, но мало обращаетъ на себя въ наукѣ вниманія. Безобразовъ мнѣ пояснилъ, что онъ этого не отрицаетъ, и сдѣлалъ свое замѣчаніе только въ моихъ личныхъ интересахъ, на что я возразилъ, что въ такихъ дѣлахъ надо уметь жертвовать собою, если только надѣешься принести крупицу пользы. При этихъ словахъ Елизавета Дмитріевна вторично взглянула на меня внимательно, какъ бы безмолвно одобряя меня.

На другой день я, приступая къ утренней прогулкѣ въ пансіонскомъ саду, засталъ Елизавету Дмитріевну съ дочерью углубленными въ книги. Я поклонился, Елизавета Дмитріевна взглянула на меня привѣтливо; я рѣшился заговорить съ нею. Послѣ двухъ-трехъ незначительныхъ фразъ она прямо спросила меня, насколько подвинулась моя диссертациа, и опять заинтересовалась вопросомъ, что въ точности побудило меня избрать такую тему.

Мнѣ не хотѣлось отдѣлаться неискреннимъ отвѣтомъ, а правдивый мнѣ казался неумѣстнымъ. Я пробормоталъ что-то въ родѣ «важность вопроса», потомъ «одна встрѣча»...

Она тотчасъ же подхватила:

— Значить, есть и объективный и субъективный мотивъ.

Въ этомъ книжномъ выраженіи было что-то не мирившееся съ моимъ представленіемъ о собесѣдницѣ, такой скромной, простой, не имѣвшей ничего общаго съ нашимъ братомъ-ученымъ. Тѣмъ временемъ она продолжала:

— А какой мотивъ преобладалъ?

— Они равноцѣнны,—отвѣтилъ я:—объективный продиктованъ умомъ, субъективный—сердцемъ.

— Вотъ это хорошо, вотъ это хорошо!—воскликнула она почти радостно, и я въ первый разъ услышалъ ея тихій, заглушенный, ласковый смѣшокъ, увидѣлъ блескъ ея глазъ, теперь безъ обычной робости устремленныхъ на меня. Я подумалъ: вотъ человѣкъ, который чувствуетъ себя въ своей тарелкѣ, когда ему открывается родственный строй мысли или чувства; и въ то же время меня несказанно удивляло, что она, меня совсѣмъ не знавшая, угадывала меня лучше, чѣмъ многіе люди, близко меня знавшіе.

— Вы не одобряете, когда дѣвушки вѣчно сидятъ за книгой, какъ моя Маша?—спросила она потомъ.

И она любовно взглянула на свою дочь, которая врядъ ли насъ слышала, такъ она была углублена въ книгу.

— Но почему же? Развѣ вы не хотите, чтобъ женщина была образована?—добавила она.

Напомню, что разговоръ этотъ происходилъ въ 1872 году, т. е. послѣ того, какъ по всей Европѣ съ большою силою воскресло женское эмансипаціонное движеніе.

— Какъ можно!—воскликнулъ я.—Я только думаю, что книга существуетъ для жизни, а не жизнь для книги.

— Вы хотите, чтобъ и женщина исходила отъ жизни, а не отъ книги. Вы эмансипаціонному движенію не особенно сочувствуете. Вы видите его крайности. Если взять вашъ субъективный мотивъ: вы не хотѣли бы, чтобъ женщина, имѣя мужа, дѣтей, словомъ, семью, жертвовала ими, относилась къ нимъ не вполнѣ добросовѣстно, не вкладывала душу въ это дѣло, а заботилась бы о себѣ, о своей самостоятельности, о своемъ заработкѣ, о своемъ личномъ счастьѣ. Вы ставите долгъ выше права. Вы не можете уважать человѣка, который, ради своего личнаго счастья, готовъ пренебречь непосредственными своими обязанностями. Вы говорите, что это нечестно, и что только честный человѣкъ можетъ быть счастливымъ. Но вы въ то же время утверждаете, что добросовѣстное исполненіе обязанностей требуетъ развитаго ума, требуетъ большого образованія, и что нельзя произвольно суживать сферу женскаго образованія, потому что женщина имѣетъ право свободно избрать себѣ профессію...

Она вдругъ остановилась, замѣтивъ, должно быть, что увлеклась, и вопросительно взглянула на меня. Но въ моихъ глазахъ она могла прочесть только глубокую благодарность: она такъ просто и вѣрно поддержала меня въ мысляхъ, которыя противорѣчили и вѣковому взгляду на женщину, и передовымъ теоріямъ, и разсѣяла сомнѣнія, которыя меня смущали и ослабляли мою работоспособность. Отгадавъ и тутъ, что во мнѣ происходитъ, она съ новымъ ласковымъ смѣшкомъ сказала:

— Вы не бойтесь. Идите своей дорогой: цѣнное создаетъ только тотъ, кто находится въ согласіи съ самимъ собою и кто знаетъ, что, кромѣ видимаго міра, насъ окружающаго, есть еще другой, невидимый, лучший...

Что это! Елизавета Дмитріевна точно читала въ моей душѣ?

На меня повѣяло и Варшавою, и Саратовымъ. Нѣтъ, тотъ міръ существуетъ, если онъ опять мнѣ напоминаетъ о себѣ реальнымъ образомъ женщины, сидящей тутъ рядомъ со мною.

— И только,—прибавила она:—если тотъ міръ согрѣетъ вашу книгу, она пріобрѣтетъ прочное значеніе и для этого міра.

«Какъ она угадала, какъ она могла угадать,—спрашивалъ я себя».—Институтка, смолянка, первая раскрыла мнѣ тотъ міръ во всей его красѣ; женщина, сидѣвшая возлѣ меня, такъ трогательно напомнила мнѣ о немъ. Кто же послѣ этого скажетъ, что женщина недостойна равнаго съ мужчиною образованія? Если она теперь уже достигаетъ такихъ высотъ, то что же будетъ потомъ?

Я только гораздо позже узналъ умственный цензъ Елизаветы Дмитріевны, узналъ, что она была одна изъ выдающихся русскихъ женщинъ, сотрудничала въ лучшихъ иностранныхъ журналахъ, знакомила иностранцевъ въ прекрасныхъ очеркахъ съ разными отраслями русской жизни, была искусной помощницей мужа въ его ученыхъ работахъ, писала прекрасные дѣтскіе рассказы и подвергала безпристрастной и умѣлой оцѣнкѣ произведенія отечественной литературы. Я обо всемъ этомъ узналъ лишь гораздо позже. Когда я съ нею бесѣдовалъ въ «Эрмитажѣ», она была для меня только просто женщиною, одною изъ тѣхъ, ради которыхъ я писалъ свою книгу, но слова ея меня глубоко взволновали: русская женщина благословляла меня на мой трудъ.

Когда я узналъ, кто собственно Елизавета Дмитріевна, я уяснилъ себѣ и вопросъ, многихъ занимающій,—почему она такъ тщательно скрывала свое литературное имя, почему даже самые близкіе къ ней люди не знали, что она—писательница. По большей части вопросъ этотъ рѣшается въ смыслѣ проявленія ею необычайной скромности. Женщины, прикосновенныя къ литературѣ, обыкновенно гордятся этимъ, выставляютъ свое авторство напоказъ, даже когда ихъ писанія ниже всякой критики; но Елизавета Дмитріевна тщательно скрывала свое авторство. Одно уже это показываетъ, что она возвышалась надъ общимъ уровнемъ,

Quand une femme a le don de se taire,
Elle a des qualités au-dessus du vulgaire,—

сказалъ еще Расинъ. И дѣйствительно, Елизавета Дмитріевна была выдающаяся женщина. Но не одна скромность побуждала ее мол-

чать. Тутъ было и нѣчто другое, именно жажда свободы. Безобразовъ занималъ видное положеніе, и смѣлыя сужденія о русскихъ дѣлахъ, исходящія изъ его дома, могли ему повредить по службѣ, а Елизавета Дмитріевна была помощницею своему мужу. Она не хотѣла жить исключительно для себя, ибо такая жизнь дѣлаетъ бракъ невозможнымъ. Ее гораздо болѣе соблазнялъ примѣръ жены Ст. Милля, бывшей для мужа всѣмъ и черезъ него повѣдавшей міру лучшія свои мысли, чѣмъ примѣръ Жоржъ-Зандъ. Впрочемъ, она была натура слишкомъ самостоятельная, чтобы кому-нибудь подражать. Она жила столько же для семьи, какъ и для себя, сливая жизнь и интересы мужа и свои въ одну высшую жизнь и обладая рѣдкимъ умѣньемъ достигать этой возвышенной цѣли всякаго супружества.

Затѣмъ надо еще имѣть въ виду, что если читателю предлагается та или другая мысль, то онъ въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ относится къ ней различно, смотря по тому, знаетъ ли онъ автора, или не знаетъ. Я имѣю въ виду, понятно, не просто автора, мало извѣстнаго читателю или критику, а именно автора, хорошо ему извѣстнаго. Онъ не одинаково отнесется къ словамъ графа Л. Н. Толстого или какого-нибудь Сидора, хотя Сидоръ и можетъ иногда высказать вполне вѣрную мысль, а графъ Толстой иногда можетъ жестоко ошибаться. Многочисленные русскіе читатели, напримѣръ, петербургскихъ корреспонденцій въ «*Journal des Débats*», подписанныхъ буквами «Т. С.» (Татьяна Свѣтова—псевдонимъ Елизаветы Дмитріевны), и недогадывались, что человѣкъ, такъ мѣтко характеризующій ихъ мысли и дѣйствія, живетъ тутъ около нихъ и, можетъ быть, перестали бы имъ интересоваться, если бы знали, что корреспонденціи составляются не «знатнымъ иностранцемъ», напримѣръ, г. А. Леруа-Болье, а просто русскою женщиною. Но я думаю, что была еще и третья причина нерасположенія Елизаветы Дмитріевны раскрывать свой псевдонимъ. Она дорожила гораздо больше своими мыслями, чѣмъ собою, она дорожила тѣмъ, чтобы ихъ противопоставлять мыслямъ, господствующимъ въ обществѣ, сдѣлать ихъ достояніемъ публики, но отнюдь не желала выносить себя на базарную площадь, сдѣлать свою личность достояніемъ рынка съ его грубостью, мелочностью, подчасъ пошлостью. Міръ идей—общее достояніе; личность, личная жизнь должна быть достояніемъ только даннаго человѣка, его семьи, его друзей; сливать ихъ не значитъ служить дѣлу, значитъ служить себѣ. А Елизавета Дмитріевна была идеально-настроенная натура.

Встрѣча съ нею еще усилила притягательную силу, которую имѣла для меня моя тема, и я ушелъ въ нее съ головою, ища только мѣста, гдѣ я могъ бы посвятить себя ей безъ вреда для моего все еще не окрѣпшаго здоровья. По совѣту А. Ф. Ковалевской, жены нашего извѣстнаго поэта П. М. Ковалевскаго, жившей съ двумя

своими прелестными дочурками въ томъ же «Эрмитажѣ» ¹⁾, я остановилъ свой выборъ на Гатчинѣ. Она мнѣ сообщила, что они съ мужемъ рѣшили поселиться въ этомъ городкѣ и строить себѣ домъ возлѣ дома С. П. Боткина, который, такъ сказать, открылъ Гатчину для петербуржцевъ. Дорожа здоровьемъ дѣтей, они селятся въ этомъ городкѣ, во-первыхъ, потому, что онъ очень благоустроенъ, какъ одна изъ царскихъ резиденцій, а, во-вторыхъ, потому, что вслѣдствіе своей близости въ Петербургу, онъ позволяетъ безъ особенныхъ затрудненій часто бывать по дѣламъ въ столицѣ. А. Ф. Ковалевская совѣтовала и мнѣ поселиться въ Гатчинѣ. Такъ оно и вышло, и я никогда не забуду тѣмъ пріятныхъ и во многихъ отношеніяхъ поучительныхъ часовъ, которые я провелъ въ обществѣ П. М. Ковалевскаго, прекраснаго семьянина, незауряднаго поэта, тонкаго художественнаго критика, объѣздившаго всю Европу, много видѣвшаго, много испытывающаго. Построенный имъ въ Гатчинѣ прекрасный домъ могъ служить образцомъ удобной и санитарной постройки. Къ сожалѣнію, судьба была сурова къ Павлу Михайловичу: онъ потерялъ много дѣтей и одну изъ двухъ оставшихся у него въ живыхъ дочерей; но деньги и труды, затраченные на созданіе гатчинскаго дома, по крайней мѣрѣ не потрачены даромъ: оставшаяся въ живыхъ дочь, чья память родителей и сестры, превратила этотъ домъ въ прекрасно обставленный и съ успѣхомъ дѣйствующій и понынѣ пріютъ для дѣтей, страдающихъ хроническими болѣзнями.

Еще одна встрѣча, связанная съ моими гатчинскими воспоминаніями и моею диссертациею, заслуживаетъ бѣлаго упоминанія. Ко мнѣ въ домъ поступила дѣвочка лѣтъ тринадцати въ качествѣ помощницы прислуги. Я узналъ, что эта дѣвочка неграмотна, между тѣмъ она мнѣ почему-то показалась очень способной. Я взялся самъ ее обучать въ свободное время. И тутъ произошло нѣчто прямо головокружительное: не ученица поспѣвала за учителемъ, а, наоборотъ, учитель еле поспѣвалъ за ученицей. Я рѣшилъ провѣрить на ней основную мысль моей диссертации, что женщина должна получать образованіе тождественное съ образованіемъ мужчины. Я сталъ проходить съ ней весь курсъ мужской классической гимназіи, и результатъ получился слѣдующій. По прошествіи года съ небольшимъ она въ числѣ другихъ предметовъ прошла (способности ея къ математикѣ были изумительны) весь гимназическій курсъ ариѳметики и курсъ алгебры до извлеченія квадратнаго корня

¹⁾ Укажу здѣсь кстати, что ей посвящено прелестное стихотвореніе П. М.

Еще обвѣянная югомъ,
Въ его загарѣ золотомъ,
Ты шла соединиться съ другомъ
Въ краю покинутомъ, родномъ. и т. д.

изъ сложныхъ выраженій и рѣшала задачи этого рода лучше своего учителя и его друга, новоиспеченнаго инженера. Могъ ли я послѣ этого сомнѣваться, что женщина обладает такими же умственными способностями, какъ и мужчина: вѣдь достигнуть такого результата и съ мальчикомъ можно только при особенной его одаренности. Это было новымъ поощреніемъ для усиленной работы надъ диссертацией.

Но въ конечномъ результатѣ она дала мнѣ крупное разочарованіе, смягченное только сознаніемъ исполненнаго долга, наслажденіемъ, которое человѣку доставляетъ исканіе правды, наконецъ, сочувствіемъ уважаемыхъ людей. На этомъ сочувствіи я и останавлиюсь, чтобы сказать нѣсколько словъ о дѣятеляхъ, забывать которыхъ намъ не слѣдуетъ.

Диссертация моя была построена на двухъ основныхъ началахъ: свободы женщины въ выборѣ себѣ профессіи и уравнинія женскаго и мужскаго образованія. Эти два начала вытекали у меня изъ подробнаго изученія судьбы женщины и женскаго образованія во всемірной исторіи съ указаніемъ, каковъ будетъ ходъ послѣдняго въ ближайшемъ будущемъ и какова роль правительства въ этомъ дѣлѣ. Теперь эти начала все болѣе проникаютъ въ жизнь и даже признаются многими безспорными, но въ началѣ семидесятыхъ годовъ они подавляющему большинству людей, даже среди образованныхъ классовъ, казались утопичными. Поэтому понятно, что моя диссертация встрѣтила сочувствіе только со стороны особенно просвѣщенныхъ или молодыхъ профессоровъ, а остальные отнеслись къ ней враждебно. На сторонѣ моей диссертации оказались: П. Г. Рѣдкинъ, тогдашній ректоръ университета, И. Е. Андреевскій, въ своемъ факультетскомъ отзывѣ и въ своихъ письмахъ ко мнѣ отзывавшійся о ней болѣе чѣмъ лестно, С. В. Пахманъ, деканъ юридическаго факультета, Э. Р. Вреденъ, И. Я. Фойницкій. Но даже и вліятельные мои сторонники должны были умолкнуть, когда противники выставили тотъ аргументъ, что моя диссертация не можетъ быть напечатана по цензурнымъ соображеніямъ и что публичная ея защита сдѣлаетъ меня человѣкомъ невозможнымъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, т. е. преградитъ мнѣ путь къ кафедрѣ, которой я и добивался. Въ этомъ отношеніи мои противники были вполне правы, и такимъ образомъ моя диссертация потерпѣла крушеніе.

Какъ мнѣ это ни было тяжело, я съ этимъ примирился и рѣшилъ замѣнить университетскую кафедру другою кафедрою—журнальною и газетною. Но съ этимъ не могли примириться мои доброжелатели среди профессоровъ, преимущественно И. Е. Андреевскій, Э. Р. Вреденъ и И. Я. Фойницкій. Первый во что бы то ни стало хотѣлъ меня пристроить въ варшавскомъ университетѣ, а третій въ Демидовскомъ лицѣѣ; Вреденъ же предлагалъ мнѣ разные

заработки, чтобъ я какъ-нибудь пробился до составленія новой, болѣе цензурной диссертациі. Больше всего мнѣ подходили предложенія Вредена, потому что отъ занятія кафедрой, въ виду выяснившейся для меня зависимости политической науки отъ благоусмотрѣнія правительства или общества, я въ душѣ навсегда отказался.

Рѣдкина и Андреевскаго я уже старался охарактеризовать въ моихъ университетскихъ воспоминаніяхъ, но о Фойницкомъ я не упоминалъ, потому что онъ тогда еще былъ живъ (онъ умеръ въ 1913 г. Онъ былъ моложе меня (на одинъ годъ), но уже магистрировалъ, когда я еще сидѣлъ на студенческой скамьѣ; онъ кончилъ университетскій курсъ очень рано, на двадцать первомъ году жизни. Это былъ человѣкъ симпатичный, отзывчивый, добрый, веселый, даже до склонности совершать проказы. Помню, какъ мы съ его землякомъ, И. Я. Сандригайло, втроемъ кутили въ ресторанчикѣ на Малой Милліонной (нынѣ просто Милліонной). Кутили мы съ Сандригайло по случаю окончанія полукурсовыхъ экзаменовъ, ну, а Иванъ Яковлевичъ къ намъ присосѣдился въ качествѣ бывшего товарища. Кончили мы довольно поздно или, если хотите, рано, потому что улицу уже обдавали лучи взошедшаго солнца. Намъ съ Сандригайло было близко (мы жили на той же улицѣ), но Фойницкому было далеко. Выходимъ мы: на улицѣ свѣтло, но и пустынно, только недалеко идетъ какой-то рослый и толстый пѣшеходъ, да тощій извозчикъ стоитъ на перекресткѣ и мирно спитъ на своей узкой пролеткѣ съ высокими рессорами.

Фойницкій вдругъ заторопился: онъ почувалъ недоброе. Дѣйствительно, рослый прохожій, бывшій также сильно навеселѣ, пошатываясь, уже подошелъ къ извозчику и, не говоря дурного слова, взвалился на него, съ трудомъ сохраняя равновѣсіе. Фойницкому грозитъ непріятность остаться безъ извозчика. Онъ наддаетъ ходу, вмигъ оказывается у извозчика, сжимается, какъ клещами, внушительный носъ сѣдока между согнутыми указательными и третьими пальцами и стаскиваетъ его такимъ образомъ съ пролетки. Нѣмецъ (это былъ нѣмецъ) ошалѣлъ и нисколько не сопротивлялся. Тѣмъ временемъ Фойницкій уже успѣлъ вскочить на извозчика и толчками въ спину поощряетъ его тронуться съ мѣста. Еще мигъ, и они уже быстро катятъ. Тутъ только нѣмецъ приходитъ въ себя и накидывается на насъ, но мы даже не отвѣчаемъ: дескать, теперь уже помочь не можемъ, а фамилію обидчика онъ не догадывается или не хочетъ спросить.

Мы съ Фойницкимъ потеряли другъ друга изъ виду въ началѣ семидесятыхъ годовъ и встрѣтились только въ девяностыхъ. Тогда Фойницкому шелъ уже пятый десятокъ. Но онъ былъ все еще такой же веселый и жизнерадостный, какъ въ молодости. За обѣдомъ онъ вспомнилъ какой-то пенитенціарный съѣздъ, на которомъ встрѣтился съ извѣстнымъ французскимъ дипломатомъ и юристомъ

Ж. Эрбетомъ, тоже теперь уже покойнымъ. Эрбетъ сдѣлалъ остроумное замѣчаніе:

— А я ему на это,—разсказываетъ Фойницкій:—а я ему на это: «mais, m-r Herbette, vous n'avez pas l'air bête». Вотъ и я «невзначай родилъ каламбуръ», да еще французскій. Каково!

И надо было видѣть, надо было слышать, какъ онъ смѣялся этому каламбуру, или, вѣрнѣе, хихикалъ, но хихикалъ такъ, что молоденькій, маленькій тщедушный Фойницкій, ссаживающій за носъ съ извозчика великана-нѣмца, воскресалъ во всемъ безподобномъ комизмѣ, и вы невольно заражались этимъ смѣхомъ, и вамъ самимъ хотѣлось быть такимъ же молодымъ, беззаботнымъ, непосредственнымъ. Такимъ же смѣхомъ меня заражалъ, помню, только еще одинъ человѣкъ, другой извѣстный юристъ, О. О. Мартенсъ, отличавшійся серьезнымъ нравомъ, рѣдко даже улыбавшійся. Но пришлось мнѣ какъ-то зайти въ единственный тогда въ Петербургѣ «Буффъ», въ которомъ петербуржцевъ смѣшили Ру и Бланшъ Гандонъ. Сидитъ передо мною въ креслахъ какой-то господинъ, котораго я въ началѣ не призналъ. Выкидываетъ Ру одно изъ своихъ гривуазныхъ колѣнцевъ въ «Petit Faust» въ сценѣ смерти Валентина, болѣе циничное, чѣмъ остроумное и сопровождаемое фальшивымъ звукомъ тромбона въ оркестрѣ. Мнѣ это даже показалось пошлымъ, но надо было видѣть, что дѣлалось съ господиномъ, сидѣвшимъ передо мною. Его просто корчило отъ смѣха, онъ одною рукою схватился за животъ, другою бессильно помахивалъ въ воздухъ, и когда я узналъ человѣка, сидѣвшаго передо мною, то также расхохотался до слезъ. Это былъ серьезный, степенный ученый, позднѣйшая міровая извѣстность, это былъ Оедоръ Оедоровичъ Мартенсъ. Онъ смѣялся тѣмъ же заразительнымъ смѣхомъ, какъ и Фойницкій, составлявшимъ прямую противоположность со смѣхомъ В. С. Соловьева, не заражавшаго собесѣдника своимъ весельемъ, а, напротивъ, раздражавшаго его, такъ что иногда просто до боли хотѣлось, чтобы онъ поскорѣе пересталъ смѣяться.

Несмотря на веселый нравъ Фойницкаго, несмотря на все его благодушіе, онъ почему-то многимъ казался раздражительнымъ, ѣдкимъ, чуть ли не злымъ. Объяснялось это отчасти его болѣзненностью. Уже тогда, когда онъ на университетской скамьѣ дурачился, какъ школьникъ, онъ производилъ впечатлѣніе чахоточнаго съ его впалою грудью и постояннымъ кашлемъ. Но была и другая причина. Кажется, онъ, извѣстный криминалистъ, труды котораго высоко цѣнились не только въ Россіи, но и въ другихъ странахъ, имѣлъ право на свободу мысли. Между тѣмъ его то и дѣло стѣсняли, а иногда и преслѣдовали. Такова ужъ участь русскихъ самостоятельныхъ умовъ; они, въ сущности, никому не угождаютъ: косятся на нихъ правительственныя сферы, косятся и общественныя элементы, и это недружелюбіе вызываетъ въ ихъ жизни иногда трагедію,—

вспомнимъ для примѣра хотя бы Тургенева, вспомнимъ Лѣскова и мн. друг. Такъ было и съ Фойницкимъ, когда онъ въ качествѣ председателя комиссіи юридическаго общества позволилъ себѣ выразить мысль, что «современная тюрьма разглядѣла въ грубыхъ очертаніяхъ арестанта Божій ликъ человѣка», точно въ самомъ дѣлѣ можно отрицать, что современная тюрьма гораздо гуманнѣе прежней, напримѣръ, временъ Гааза. Такъ было, когда онъ требовалъ лишенія одного изъ гласныхъ петербургской городской думы этого званія ввиду того, что тотъ подвергся тюремному заключенію, точно такое исключеніе не предусмтрѣно закономъ, и строгое исполненіе закона, пока онъ не отмѣненъ, не есть долгъ всякаго гражданина. Такъ, онъ, выдающійся ученый и юристъ, вынужденъ былъ оставить университетъ и сенатъ и проводить послѣдніе дни своей жизни вдали отъ учреждений, которымъ онъ посвятилъ столько просвѣщеннаго труда, столько горячей любви. Этого нельзя было простить ни правительству, ни обществу, и Фойницкій дѣйствительно имъ отомстилъ. Въ своемъ духовномъ завѣщаніи онъ отказалъ имъ 360.000 рублей, поступившихъ въ распоряженіе юридическаго факультета петроградскаго университета. Болѣе благородную месть, кажется, и представить себѣ трудно.

Х.

М. Н. Капустинъ.—Каѳедра и свобода.—Какъ съ «честью» погибають русскія газеты.—Лекція административнаго права въ частномъ домѣ.—Кондиціи у аристократа, В. А. Евтушевскій и «семейная» гимназія.

Но вернемся къ тому, какъ Фойницкій непремѣнно хотѣлъ удерживать меня въ сословіи цеховыхъ ученыхъ. Онъ дѣйствовалъ черезъ преподавателя гражданскаго и торговаго права въ Демидовскомъ лицѣѣ А. А. Борзенка, который долженъ былъ меня свести съ директоромъ этого лица, М. Н. Капустинымъ, впоследствии допечителемъ дерптскаго и петербургскаго учебныхъ округовъ и преподавателемъ наслѣдника цесаревича. Какъ я ни убѣждалъ Фойницкаго, что изъ этого ничего не выйдетъ, онъ меня и слушать не хотѣлъ и добился-таки, что я свидѣлся съ Капустинымъ въ Москвѣ, гдѣ онъ временно находился, а я учительствовалъ въ семьѣ одного изъ нашихъ аристократовъ, графа А. Какъ я и ожидалъ, изъ свиданія съ Капустинымъ дѣйствительно ничего не вышло. Капустинъ заинтересовался моею диссертацией, но когда я ему сообщилъ ея содержаніе, онъ, видимо, смутился и спросилъ меня только, вѣрю ли я самъ, что женщина можетъ получать такое же образованіе, какъ мужчина. Я отвѣтилъ, что если бы этому не вѣрилъ, то моя диссертация не была бы написана такъ, какъ она написана, и что дѣло, конечно, не во мнѣ, а въ томъ, что говорить исторіи и въ чемъ заклю-

чается ходъ развитія женскаго образованія. Тутъ онъ иронически улынулся и спросилъ, гдѣ и когда же собственно женщина получала такое же образованіе, какъ мужчина. Я удовлетворилъ его любопытство. Онъ нѣсколько сконфузился и замѣтилъ, что самъ никогда не занимался вопросомъ объ отношеніи государства къ женскому образованію, но что онъ представить себѣ не можетъ, чтобы дѣвушки изучали латинскій и греческій языки такъ, какъ ихъ теперь изучаютъ гимназисты. Да и не пора ли и въ мужскихъ гимназіяхъ покончить съ классической системой?—спросилъ онъ. Я на это возразилъ, что отмѣна классицизма представляется мнѣ по меньшей мѣрѣ столь же утопичной, какъ ему моя мысль объ одинаковомъ образованіи женщинъ и мужчинъ. На этомъ и кончилась наша бесѣда, которую я невольно вспомнилъ, когда Капустинъ, въ качествѣ близкаго помощника графа Делянова, и не думалъ проводить въ жизнь свою мысль объ упраздненіи классической системы. «Другіе дни, другіе сны».

Бесѣда эта въ то же время послужила въ моей біографіи заключительной точкой къ главѣ о моемъ вступленіи въ сословіе русскихъ цеховыхъ ученыхъ. Мнѣ и жутко стало думать объ этомъ послѣ моей неудачи въ училищѣ правовѣдѣнія, послѣ исторіи съ моей диссертацией, послѣ моихъ бесѣдъ съ профессорами въ родѣ М. Н. Капустина: вѣдь они составляли подавляющее большинство, и между ними М. Н., какъ ученый, занималъ далеко не послѣднее мѣсто. Я окончательно избралъ въ душѣ карьеру публициста. Собственно, уже послѣ осячки въ училищѣ правовѣдѣнія меня начали одолевать сомнѣнія. Я могъ себѣ представить ученаго только при одномъ условіи: свободѣ. Ни математикъ, ни естественникъ, ни филологъ не лишены свободы. Но историкъ, но юристъ! Я не могъ раздѣлять точки зрѣнія М. Н. Капустина, что юристъ можетъ и долженъ обходиться безъ политики, да и самъ М. Н. постоянно отъ нея отступалъ, когда она ему была неудобна. Юристъ, чтобы быть истиннымъ ученымъ, долженъ быть такъ же свободенъ, какъ математикъ, филологъ. Иначе онъ превратится въ ремесленника. Нѣтъ, онъ будетъ хуже ремесленника, потому что тотъ можетъ любить свое дѣло, даже помимо того, что оно его кормить, а профессоръ, отрекшійся отъ свободы, самой науки ни въ какомъ случаѣ любить не можетъ. Я вспомнилъ Варшаву, Саратовъ, Кларанъ, я вспомнилъ тѣхъ русскихъ женщинъ, которыя разожгли въ моей душѣ Божью искру до неугасимаго огня и приобщили меня къ тому, другому міру, міру «звучовъ», котораго не могутъ «замѣнить скучныя пѣсни земли»,—и я безъ сожалѣнія отказался отъ мысли о профессурѣ. Неужели истину, истину политическую въ данномъ случаѣ, можно искать, только занимая кафедру? Нѣтъ, я ее съ равнымъ успѣхомъ могу искать въ качествѣ публициста. Но зачѣмъ мнѣ вообще быть профессоромъ, публицистомъ, словомъ, чѣмъ-нибудь опредѣлен-

нымъ, чтобы искать истину?.. Надо зарабатывать хлѣбъ. Этого пункта не обойдешь. Но какъ устроиться, чтобы онъ на избранномъ мною новомъ пути не заглушилъ въ моей душѣ связи съ тѣмъ, другимъ міромъ? Вотъ вопросъ, который предсталъ предо мною.

Уже тогда, когда я писалъ магистерскую диссертацию, я чувствовалъ возможность его возникновенія для меня, матеріальныя средства котораго совершенно истощились. И я поступилъ, какъ всегда съ тѣхъ поръ поступалъ въ жизни, т. е. написалъ статью и послалъ ее въ редакцію газеты, которая мнѣ казалась наиболѣе подходящею. Я былъ совершеннымъ новичкомъ въ журналистикѣ и не имѣлъ понятія о «внутреннихъ» дѣлахъ разныхъ изданій. Статья была принята и появилась въ ближайшемъ номерѣ газеты. Написалъ я вторую, третью, четвертую,—всѣ онѣ были тотчасъ же помѣщены безъ всякихъ измѣненій или добавленій. Не помню ужъ въ точности, въ какой статьѣ, седьмой или восьмой, сдѣлана была въ концѣ приписка строкъ въ десять. Читаю и глазамъ своимъ не вѣрю. Статья моя была посвящена правительственному распоряженію о допущеніи вольноприходящихъ воспитанницъ въ керченскій (Кушниковскій) институтъ. Это было нововведеніе, которое я радостно привѣтствовалъ. А редакціонная приписка гласила, что реформа, конечно, заслуживаетъ сочувствія, если только съ ней не произойдетъ того же, что произошло со многими реформами у насъ, если только институты не будутъ довѣрены такой (слѣдовало нѣсколько до того рѣзкихъ и неприличныхъ эпитетовъ, что я не рѣшаюсь ихъ воспроизводить даже и теперь) нянькѣ, какъ наше дворянство. Эта приписка казалась тѣмъ болѣе недопустимой, что коротко передъ тѣмъ была произнесена рѣчь о привлеченіи дворянства къ надзору за народными школами. Я такъ и ахнулъ. На другой день газета была приостановлена. Тутъ я въ первый разъ зашелъ въ редакцію, гдѣ мнѣ редакторъ объяснилъ, что издавать газету при существующемъ режимѣ нѣтъ никакой возможности, что средства изданія истощились, и что я при такихъ обстоятельствахъ, конечно, пока воздержусь отъ требованія гонорара. Я дѣйствительно воздержался, но, откровенно говоря, ничего не понималъ,—не понималъ, какъ редакторъ могъ сдѣлать такую приписку и въ то же время жаловаться на режимъ: вѣдь было ясно, что нѣтъ въ Европѣ страны, въ которой подобная приписка могла бы быть допущена. Очевидно, собака была зарыта въ другомъ мѣстѣ. Редакторъ, требовавшій немыслимой снисходительности отъ властей, былъ О. К. Нотовичъ, тогдашній собственникъ «Новаго Времени», купленнаго имъ еще студентомъ у извѣстнаго драматурга и переводчика Ф. Н. Устрялова, сына историка. Онъ просто хотѣлъ погибнуть, что называется, съ честью. Съ тѣхъ поръ у меня и установилось знакомство съ О. К. Нотовичемъ.

Но мой газетный дебютъ оказался такимъ образомъ въ матеріальномъ отношеніи неудачнымъ, и мнѣ пришлось искать другихъ средствъ къ существованію. Изъ этого періода моей жизни сохранилось нѣсколько воспоминаній, заслуживающихъ быть отмѣченными.

Э. Р. Вреденъ передалъ мнѣ лекціи административнаго права въ одномъ частномъ домѣ. Онѣ въ денежномъ отношеніи были очень выгодны (по расчету приходилось около 17 рублей за лекцію), но ему почему-то не подходили. Читалъ я ихъ юношѣ-подростку, котораго отецъ (чиновникъ съ крупнымъ состояніемъ) хотѣлъ непременно опредѣлить на службу въ государственную канцелярію, хотя тотъ не побывалъ ни въ университетѣ, ни въ лицей, ни въ училищѣ правовѣдѣнія. Образование юноши было вообще недостаточно, а способности скромны, т. е. способности-то у него были, но предметъ преподаванія его, видимо, не интересовалъ. Да и понятно, ему не хватало элементарныхъ знаній для уразумѣнія такого сложнаго вопроса, какъ государственное устройство громадной имперіи. Мѣшало, однако, еще другое. Я совершенно случайно уяснилъ себѣ это. Говоря о музыкѣ въ платоновскомъ смыслѣ, именно что она содѣйствуетъ развитію ума и чувства справедливости, я замѣтилъ, что мой юноша вдругъ оживился, впился въ меня глазами и, когда я во время слѣдующей лекціи просилъ его повторить вкратцѣ содержаніе предыдущей, онъ, забывъ остальное, чрезвычайно обстоятельно и подробно рассказалъ все, что я говорилъ о музыкѣ. Тутъ ему не измѣнили ни память, ни вниманіе. Я его спросилъ, любитъ ли онъ музыку, и вотъ выяснилось, что онъ только ею и живетъ, что онъ страстный музыкантъ. Какъ мнѣ хотѣлось въ бесѣдахъ съ нимъ перейти отъ административнаго права къ музыкѣ или, по крайней мѣрѣ, совершенно отказаться отъ дальнѣйшаго преподаванія, чтобы не быть тайнымъ соучастникомъ отца, заставлявшаго сына заниматься тѣмъ, къ чему вовсе не лежала его душа. Но мнѣ помѣшало слѣдующее обстоятельство.

Комната, въ которой я читалъ лекціи, имѣла двѣ двери: одну, въ которую я входилъ, другую постоянно занавѣшенную толстой портьерой. Разъ какъ-то взглянулъ на эту портьеру и замѣтилъ, что кто-то за нею есть и дотрагивается до нее рукой или локтемъ. Это меня заинтересовало: я невольно взглядывалъ иногда на портьеру и убѣдился, что присутствіе посторонняго человѣка—явленіе не случайное, а постоянное. Я обратился по этому поводу съ вопросомъ къ моему ученику; онъ сперва смутился, но въ концѣ концовъ объяснилъ мнѣ, что это его двоюродная сестра, которая записываетъ мои лекціи. Я, конечно, тотчасъ же попросилъ познать меня съ дѣвушкой и пригласилъ ее присутствовать на моихъ лекціяхъ, и съ слѣдующей лекціи она безмѣнно сидѣла за маленькимъ столикомъ и записывала за мной. Случалось какъ-то, что я

объяснял что-то сложное и спросил сперва моего ученика, а потом и его сестрицу,—поняли ли они меня, при чемъ выяснилось, что ученикъ ровно ничего не понялъ, а сестрица великолѣпно уяснила себѣ все, что я сказалъ, и даже добавила кое-что очень мѣтко отъ себя. Потомъ она сама обращалась ко мнѣ съ разными вопросами, и я прямо изумлялся толковости этихъ вопросовъ и ея смѣливости, такъ что я отъ души пожалѣлъ, что не она моя ученица, и въ то же время лишній разъ убѣдился въ вѣрности основной мысли моей диссертациі. Дѣвушка эта впослѣдствіи вышла замужъ за Е. А. Краевского, одного изъ сотрудниковъ «Голоса» (сына его издателя), но вскорѣ овдовѣла и потомъ долго была начальницей оренбургскаго Николаевскаго женскаго института, гдѣ пользовалась общимъ уваженіемъ.

Это была пріятная встрѣча, но я не могу не упомянуть о другой, тягостной. Мнѣ пришлось, кромѣ того, учительствовать. Сперва попались мнѣ дѣти крупнаго фабриканта, платившаго гроши, да и то съ оттяжкой, а потомъ, какъ я уже упомянулъ, я учительствовалъ у графа А. подъ Москвою въ его имѣніи, въ которомъ неоднократно гостилъ императоръ Александръ III, будучи еще наследникомъ, и хозяинъ котораго любилъ все русское, что сказывалось преимущественно въ мелочахъ (щахъ, квасѣ и т. п.). Упоминаю объ этомъ, чтобы указать на train, который велъ этотъ аристократъ. Дѣйствительно, онъ мнѣ назначилъ помѣсячно вознагражденіе въ 200 рублей за трехчасовой урокъ; гимнастъ получалъ 50 рублей, были и дворецкій, и выѣздной, и чуть ли не три кухонныхъ мужика. Ученикъ мой имѣлъ гувернантку, сестру довольно извѣстнаго администратора и писателя. Когда моему патрону приглядывалась тройка красивыхъ лошадей (помню, тогда пѣгія были особенно въ модѣ), онъ немедленно ее покупалъ. Всѣмъ этимъ я хочу только сказать, что train велся дѣйствительно широкій. Но страннымъ мнѣ показалось, что по прошествіи мѣсяца я своего содержанія не получилъ и вообще его не получалъ. Какъ-то, прогуливаясь со мною въ паркѣ, бывшій московскій городской голова, князь Голицынъ, почему-то навелъ разговоръ на оскудѣніе нашей аристократіи, причемъ у него съ языка сорвалось замѣчаніе относительно того, что въ денежныхъ дѣлахъ съ аристократами надо быть осторожнымъ. Князь былъ довольно близкій родственникъ графа, и мнѣ въ голову не могло прійти, что онъ намекаетъ именно на него и даетъ совѣтъ, дѣлавшій честь его прямогъ и уваженію къ чужимъ интересамъ. Но проходитъ лѣто, графъ еще въ серединѣ лѣта уѣзжаетъ за границу, а графиня о деньгахъ ни гу-гу. Наконецъ она мнѣ заявляетъ, что черезъ день возвращается въ Петербургъ. Я жду. Наканунѣ отъѣзда она мнѣ ничего не говоритъ, а на другой день, когда я встаю, лакей мнѣ докладываетъ, что графиня съ графчикомъ и со всѣми домочадцами уѣхали въ Петербургъ. Послѣ бе-

сѣды съ княземъ Голицынымъ я чувствую, что я совершилъ большую неосторожность, не напомнивъ графинѣ о гонорарѣ. Надо поправить дѣло. Я собираю свои пожитки и со слѣдующимъ поѣздомъ тоже качу въ Петербургъ прямо на квартиру графа. Встрѣчаютъ меня очень любезно, хотя я съ графомъ условился преподавать только лѣтомъ, такъ какъ послѣ лѣта для сына имѣлась въ виду такъ называемая «семейная» гимназія, задуманная тогда нѣсколькими аристократическими семьями, чтобы избавить своихъ дѣтей отъ общенія съ нежелательными элементами. Преподавателями были приглашены лучшіе тогдашніе педагоги подъ руководствомъ инициатора этого дѣла, В. А. Евтушевскаго. Это былъ первый опытъ такихъ гимназій въ Россіи. Преподаваніе началось, но графа все еще не было, а графиня о деньгахъ не заговаривала. Я вооружился терпѣніемъ и ждалъ, рѣшивъ не выѣзжать изъ графскаго дома, пока все до послѣдней копейки не будетъ мнѣ уплачено. Пришлось ждать не особенно долго. Преподаваніе въ «семейной» гимназіи меня мало интересовало: оно ничѣмъ не отличалось отъ преподаванія въ обыкновенныхъ гимназіяхъ, а между тѣмъ стоило неимоверно дорого, и можно было предвидѣть, что эта затѣя никакихъ серьезныхъ результатовъ не дастъ. Такъ оно и случилось. Что же касается до моего гонорара, то я его получилъ вскорѣ послѣ пріѣзда графа.

Вся эта исторія выяснила мнѣ, какъ сильно надвигается на меня проза жизни. Только бы не утратить связь съ тѣмъ, другимъ міромъ! И я все серьезнѣе обдумывалъ вопросъ, какъ сдѣлаться публицистомъ, не утративъ независимости, самостоятельности, свободы. Я ни за что въ мірѣ не хотѣлъ «зависѣть отъ властей, зависѣть отъ народа», хотѣлъ говорить только то, что требовала отъ меня наука и моя совѣсть. Я чувствовалъ теперь болѣе, чѣмъ когда-нибудь, какъ это трудно, но достигнуть своей цѣли я хотѣлъ во что бы то ни стало—иначе незачѣмъ было отказываться отъ катедры, отъ положенія цехового ученаго.

Но какъ приняться за дѣло? Я рѣшилъ издавать самъ все болѣе крупныя свои работы, а журнальныя этюды и газетныя статьи помѣщать по принадлежности, отдавая ихъ другимъ «издателямъ», подъ которыми я разумѣлъ вообще лицъ, принимающихъ на себя печатаніе чужихъ произведеній. Рѣшилъ я вопросъ такъ потому, что ни въ какомъ случаѣ не хотѣлъ издавать собственнаго повременнаго изданія, требовавшаго денежной зависимости либо отъ какого-нибудь капиталиста, либо отъ читателей. И вотъ начались мои сношенія съ цѣлымъ рядомъ «издателей». Кто же были эти «издатели»? И петербургскій университетъ, и вольное экономическое общество, и дирекція императорскихъ театровъ, и разной марки газетныя или журнальныя матадоры, въ родѣ К. В. Трубникова, М. М. Стасюлевича, А. Ф. Маркса, П. А. Гайдебурова, А. Я. Пятковского, А. А. Пороховщикова, и евреи въ родѣ О. К. Нотовича, А. Е. Лав-

дау, М. А. Вольфа, и философы въ родѣ Н. Я. Грота, и профессора-востоковѣды или филологи въ родѣ И. Н. Березина и В. И. Модестова, и писатели такого калибра, какъ М. Е. Салтыковъ, и истинно-просвѣщенные предприниматели, въ родѣ Павленкова, и любители въ родѣ А. С. Герогилова. Словомъ, много было между ними лицъ, заслуживающихъ серьезнаго вниманія, такъ какъ, знакомясь съ ними, мы въ то же время знакомимся и съ постановкою у насъ газетнаго и журнальнаго дѣла.

XI.

Русскій Вильмесанъ.—Начало конца К. В. Трубникова.—«Немножко Герцеговины».—Баринъ-издатель.—Правительственныя и банковскія субсидіи.—Какъ дока К. В. Трубниковъ обошелъ доку В. А. Полетику.

Первый издатель, съ которымъ я вступилъ въ болѣе прочныя отношенія, былъ К. В. Трубниковъ. Какъ онъ забыть, какъ онъ основательно забыть этотъ русскій Вильмесанъ, сказалъ бы я, если бы и это имя не было уже пустымъ звукомъ для современнаго читателя!

О Вильмесанѣ, создателѣ «Figaro», рассказываютъ, что онъ, просматривая вечеромъ сверстанный нумеръ, вдругъ позвалъ хроникера.

— Слушайте, милѣйшій,—сказалъ онъ:—такъ нельзя: завтрашній нумеръ до одуренія скученъ. Да и вообще настало какое-то скучное время. Выбросьте пожалуйста шестидесятилѣтнюю старуху изъ окна пятого этажа, но... чтобы она осталась цѣла и невредима.

— Parfaitement ¹⁾),—отвѣтилъ хроникеръ.

И на другой день весь Парижъ галдѣлъ о совершившемся чудѣ.

Такія продѣлки проходили Вильмесану безнаказанно, но нашъ русскій Вильмесанъ, К. В. Трубниковъ, жестоко поплатился за одну изъ нихъ и притомъ невинно, такъ какъ сенсационное извѣстіе было не имъ сфабриковано: онъ имѣлъ только неосторожность помѣстить извѣстіе въ созданной имъ первой частной, по тому времени большой русской газетѣ на европейскій ладъ, въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ».

Я сошелся съ К. В. Трубниковымъ уже послѣ этой катастрофы, положившей конецъ блестящему періоду его издательской дѣятельности. Съ тѣхъ поръ онъ уже только похрамывалъ, хотя по временамъ еще казалось, что онъ шествуетъ бодро и даже бойко по пути газетнаго предпринимательства.

Катастрофа же заключалась въ слѣдующемъ. Было это во время франко-прусской войны. Симпатіи русскаго общества склонялись

¹⁾ По терминологіи нашихъ моряковъ—«естъ».

на сторону Франціи, гдѣ, «столько свѣтлыхъ умовъ п смѣлыхъ сердець боролись противъ наполеоновскаго ига». Къ сожалѣнію, извѣстія получались для Франціи неблагопріятныя. Кампанія началась для нея нехорошо, да и дальнѣйшій ходъ событій не предвѣщаль ничего хорошаго. И вдругъ въ редакціи «Биржевыхъ Вѣдомостей» получается (кружнымъ путемъ черезъ Данію, отъ агентства, инициаторомъ котораго былъ тотъ же Константинъ Васильевичъ, специалистъ и по этой части) сенсационное извѣстіе, будто бы произошло большое, кровопролитное сраженіе и будто бы пруссаки на голову разбиты, потерявъ огромное число людей и орудій. Можно себѣ представить, какъ нашъ Вильмесанъ обрадовался этой телеграммѣ. Онъ поспѣшилъ широко распространить ее по городу. Телеграмма дѣйствительно вызвала сенсацию. Но каково было общее разочарованіе, когда на другой день блестящая побѣда французовъ превратилась въ столь же блестящую побѣду пруссаковъ!

Этотъ инцидентъ сильно повредилъ и Трубникову, и «Биржевымъ Вѣдомостямъ», которыя съ тѣхъ поръ стали хирѣть, пока на выручку не явился В. А. Полетика. Но и онъ не спасъ газеты. Трубниковъ же нѣкоторое время оставался еще въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», а затѣмъ началъ издавать другую газету—«Новое Время».

Я вошелъ въ составъ ея редакціи вмѣстѣ съ В. П. Безобразовымъ, А. П. Чебышевымъ-Дмитріевымъ, О. К. Нотовичемъ и И. Ф. Василевскимъ. Произошло это случайно, благодаря все тому же Э. Р. Вредену. Безобразовъ и Чебышевъ-Дмитріевъ предложили ему вести въ газетѣ экономическій отдѣлъ. Онъ и взялся за дѣло, но вскорѣ почему-то охладѣлъ и попросилъ меня замѣнить его. Я согласился и сперва занялся только экономическимъ отдѣломъ, но вскорѣ мнѣ порученъ былъ и политическій, а когда Безобразовъ и профессоръ Скабалановичъ отказались отъ составленія передовыхъ статей по внѣшней политикѣ, я замѣнилъ и ихъ.

Я до сихъ поръ не совсѣмъ ясно понимаю, какъ при полной противоположности стремленій мы могли съ Трубниковымъ ужиться нѣсколько лѣтъ. Въ экономическихъ вопросахъ это было еще возможно, потому что я былъ, какъ и остался до сихъ поръ, фритредеромъ. Фритредерство было тогда преобладающимъ теченіемъ среди нашихъ экономистовъ, еще не увлекшихся катедеръ-соціализмомъ и не вступавшихъ въ «общеніе» съ промышленниками, а Трубниковъ дружилъ съ экономистами, нуждаясь въ нихъ, какъ издатель, да и весь либеральный лагерь, къ которому Трубниковъ старался примыкать, придерживался тогда фритредерскихъ тенденцій. Но въ иностранной политикѣ мы съ Трубниковымъ должны были рѣшительно разойтись, потому что я проповѣдывалъ вещи, которыя всѣмъ казались если не абсурдомъ, то непрослительною ересью. Какъ только обнаружили первые симптомы герцеговинскаго кри-

зиса (въ 1875 г.), да и раньше того, я доказывалъ, что дѣло клонится къ войнѣ съ Турціей, подпавшей подъ вліяніе Германіи, которая рѣшительно подготовляетъ свое участіе въ наслѣдствѣ «больного человѣка» и ищетъ вознагражденія для Австріи, чтобы заручиться ея содѣйствіемъ въ борьбѣ съ Россіей. Кромѣ того, я доказывалъ въ тѣ времена тѣснаго трехъ-императорскаго союза, что наши интересы прочно могутъ быть ограждены только союзомъ съ республиканскою Франціей. Не забудемъ, что это было сорокъ одинъ годъ назадъ, когда мысль о союзѣ съ Франціей казалась нелѣпой и, слѣдовательно, ея защита могла вызвать, какъ это и было, только насмѣшки. Однако Трубниковъ не воспротивился этой моей проповѣди, и я до сихъ поръ не понимаю, какъ это было возможно, если принять во вниманіе, что онъ дорожилъ исключительно популярностью, сенсацией, успѣхомъ, а я преслѣдовалъ цѣли, имѣвшія съ ними мало общаго. Во всякомъ случаѣ я очень благодаренъ Трубникову, что онъ меня не стѣснялъ и что я въ его изданіяхъ пользовался полною свободою.

Въ виду этого я дорожилъ сотрудничествомъ въ трубниковскихъ изданіяхъ (въ «Новомъ Времени», «Финансовомъ Обзорѣніи», «Биржевой Газетѣ», «Телеграфѣ»), но сотрудничество это было сопряжено съ терніями другого рода. Константинъ Васильевичъ имѣлъ удивительную способность тратить деньги. Какая бы сумма ни попадала въ его руки, она тотчасъ же таяла, какъ воскъ. Это было съ его стороны даже особенное искусство, потому что онъ не былъ ни игрокомъ, ни кутилой, ни лошадиникомъ, ни Донъ-Жуаномъ. Но что въ немъ было сильно развито, это—барство. Онъ былъ самъ изъ хорошей дворянской семьи, вращался въ молодости если не въ аристократическихъ, то въ чиновныхъ кружкахъ. У него выработался соотвѣтственный *standard of life*, соотвѣтственные взгляды и привычки. Онъ платилъ широко; скопидомство, прижимистость, не говоря уже о скряжничествѣ, были ему глубоко антипатичны.

Поэтому деньги у него не держались; онъ, какъ истый русскій, постоянно жилъ далеко выше своихъ средствъ, и это самымъ невыгоднымъ образомъ отражалось на его изданіяхъ. Этимъ въ значительной степени объясняется, что онъ вынужденъ былъ продать В. А. Полетикѣ «Биржевыя Вѣдомости» и что всѣ его изданія и впослѣдствіи неизбѣжно терпѣли крушеніе. Достаточно, напри-
мѣръ, указать на тотъ фактъ, что затѣянная имъ первая въ Россіи дешевая газета «Телеграфъ» имѣла по одному только объявленію 10.000 подписчиковъ (цифра огромная для того времени), но растеряла ихъ очень скоро вслѣдствіе того, что Трубниковъ, уплачивая почтѣ за пересылку помѣсячно, постоянно запаздывалъ и съ этою сравнительно ничтожной платой, такъ что подписчики по недѣлямъ и даже мѣсяцамъ оставались безъ газеты. Дѣло кончилось тѣмъ, что газету пришлось прекратить.

Злостнаго намѣренія, однако, въ задержкахъ платежей у Трубникова никогда не было. Поэтому ссоры у него происходили только съ тѣми сотрудниками которые, его мало знали или слишкомъ нуждались въ деньгахъ. Особенно часто у него происходили столкновения съ С. Н. Терпигоревымъ, принимавшимъ нѣкоторое время дѣятельное участіе въ его изданіяхъ въ качествѣ фельетониста.

Терпигоревъ тогда страшно бѣдствовалъ и, не получая гонорара, прямо неистовствовалъ. Бѣдствовалъ же онъ до того, что иногда не имѣлъ ночлега и, не желая никого беспокоить, устраивался на ночь въ типографіи, гдѣ печатался «Телеграфъ» и гдѣ ему оказывали гостепріимство двое Короленко (писатель и его братъ), состоявшіе тогда корректорами этой газеты. Помню, онъ разстался съ Трубниковымъ слѣдующимъ образомъ. Тотъ не додалъ ему что-то въ родѣ пятнадцати рублей, и вотъ милѣйшій Атава является въ швейцарскую къ Трубникову и кричитъ на всю лѣстницу, что если тотъ ему не заплатитъ денегъ завтра въ тотъ же часъ, то онъ сумѣетъ расправиться съ нимъ. На другой день деньги были уплачены, и отношенія между Трубниковымъ и Терпигоревымъ прекратились навсегда. Впрочемъ, Терпигоревъ врядъ ли объ этомъ сожалѣлъ, потому что звѣзда Трубникова клонилась тогда къ закату, а С. Н. началъ печатать свое «Оскудѣніе» въ «Отечественныхъ Запискахъ». Но самъ Трубниковъ жалѣлъ объ этой выходкѣ своего сотрудника: онъ, конечно, чувствовалъ себя виноватымъ, но до такой степени привыкъ платить щедро, когда у него были деньги, и задерживать платежи, когда ихъ не было, что ему казалось просто несообразнымъ, когда его заподозрѣвали въ умышленной утайкѣ денегъ.

У него была своеобразная этика дѣльца изъ дворянъ, смѣсь предосудительныхъ и благородныхъ побужденій, въ которыхъ разобратся было нелегко. Онъ охотно приходилъ на помощь кому могъ, сотрудникамъ, какъ я уже упомянулъ, платилъ очень щедро, женщинамъ, съ которыми его сталкивала судьба, не могъ рѣшительно ни въ чемъ отказать, и онѣ его немилосердно эксплуатировали и въ другихъ отношеніяхъ. Такъ, его первая жена (М. В. Трубникова) превратила его домъ, какъ онъ выражался, въ «клубъ якобинцевъ», хотя самъ Трубниковъ дѣятелемъ этого рода никогда не сочувствовалъ. Чтобы онъ когда-нибудь сознательно обсчиталъ или обманулъ служащаго, сотрудника или маленькаго человѣка—объ этомъ не могло быть и рѣчи. А между тѣмъ онъ, несомнѣнно, былъ способенъ на рискованные въ этическомъ смыслѣ поступки и даже находитъ въ нихъ своего рода поэзію. Но надо было, чтобы его противники въ такихъ дѣлахъ были люди крупные, вліятельные, сами искушенные во всевозможныхъ аферахъ. Обмануть такихъ лицъ онъ считалъ какъ бы дозволеннымъ и съ воодушевленіемъ рассказывалъ о своихъ подвигахъ этого рода. Передамъ здѣсь одинъ изъ нихъ,

наиболѣе характерный по пріемамъ, которые Трубниковъ пу-
скалъ въ ходъ, и по лицамъ, въ немъ участвовавшимъ.

Трубниковъ любилъ имѣть дѣло съ правительственными дѣя-
телями, промышленниками, торговцами, словомъ, съ людьми, рас-
поряжавшимися казенными деньгами или нажившими крупное со-
стояніе. Мелюзга его мало интересовала, и онъ черезъ нее никогда
не дѣйствовалъ. Онъ, какъ говорятъ французы, бралъ быка за
рога. Какими суммами ссудили его наши министры финансовъ,
одному Богу извѣстно. Банковыми дѣятелями онъ также умѣлъ
пользоваться, и изобрѣтательность его была тутъ прямо изумитель-
на. Онъ въ этомъ отношеніи проложилъ дорогу другимъ издателямъ,
которые воспользовались его пріемами. Поддерживая постоянныя
сношенія съ банками, онъ выхлопоталъ себѣ у нихъ доходную статью.
Какъ извѣстно, въ шестидесятыхъ годахъ у насъ стали возникать
разнаго рода частныя банки, для которыхъ за большія деньги пи-
салъ и проводилъ уставы управляющій государственнымъ банкомъ
Е. И. Ламанскій. Но не онъ одинъ занимался этимъ прибыльнымъ
дѣломъ. Къ нему присоединились и другіе предпримчивые люди,
въ томъ числѣ и Трубниковъ. Кромѣ того, Трубниковъ защищалъ
принципъ широкой гласности въ банковомъ дѣлѣ, или, точнѣе го-
воря, умѣлъ извлекать изъ этого принципа не мало выгодъ. Горь-
кому банку, который вздумалъ бы скрывать отъ общественнаго
мнѣнія свои дѣла... когда это Трубникову не нравилось! Онъ без-
пощадно преслѣдовалъ такой банкъ, раскрывая въ печати всѣ его
тайны. Правда, серьезнаго вреда банку Трубниковъ причинить
не могъ, если у послѣдняго хвостъ не былъ замаранъ, но все-таки
и солидныя предпріятія этого рода не любили, чтобы о нихъ гово-
рили дурно въ это первое время банковскаго учредительства: дѣло
было новое и очень нуждалось въ довѣріи публики.

Трубниковъ умѣлъ воспользоваться этимъ благопріятнымъ для
него положеніемъ. Банки щедро учитывали его векселя, стоившіе
немного, даже когда онъ былъ издателемъ «Биржевыхъ Вѣдомостей».
Кромѣ того, онъ, орудуя на той же почвѣ, сумѣлъ заручиться бан-
ковскими объявленіями (ежемѣсячными балансами), дававшими
ему крупный доходъ и увеличивавшимися по мѣрѣ того, какъ бан-
ковское дѣло у насъ развивалось. Какъ значителенъ былъ этотъ
доходъ, можно судить по тому факту, что, когда Трубниковъ со-
шелъ со сцены, нынѣшнія «Биржевыя Вѣдомости» возникли и долго
существовали только на средства, которыя имъ давали эти объ-
явленія.

Когда его газета пришла въ упадокъ и надо было позаботиться
о пріисканіи крупнаго капитала, чтобы покрыть долги и текущіе
расходы, Трубниковъ долгое время находился въ поискахъ за ка-
питалистомъ и наконецъ нашелъ его въ лицѣ директора знамени-
таго Семинниковскаго судостроительнаго завода В. А. Полетики,

яраго радикала и въ то же время не менѣе яраго протекціониста кромѣ того, человѣка, воображавшаго себя литераторомъ. Трубниковъ сумѣлъ ему внушить, что онъ какъ бы рожденъ стать издателемъ большой газеты, и Полетика охотно этому повѣрилъ, согласился сдѣлаться компаньономъ Трубникова и внести въ его газету крупную сумму, о какой въ то время и не слыхивали.

Съ этого момента начинается между двумя дѣльцами глухая борьба, въ которую они оба влагаютъ не мало воодушевленія или игрецкой страсти. Для обоихъ очень скоро стало ясно, что двумъ медвѣдямъ въ одной берлогѣ не ужиться. Вопросъ заключался въ томъ, кто кого выживетъ. Трубниковъ, можетъ быть, былъ бы радъ уйти, но изъ полученныхъ имъ ста тысячъ львиная доля пошла на образованіе оборотнаго капитала для продолженія газеты, а другая часть пошла на уплату тѣхъ долговъ по газетѣ, которые надо было покрыть, чтобы не лишиться необходимаго кредита. Такимъ образомъ, въ карманъ самого Трубникова попали лишь крохи, которыми онъ ухитрился издержать въ короткое время. Слѣдовательно, ему уйти было не съ чѣмъ. Полетика же былъ заинтересованъ въ томъ, чтобы удалить Трубникова, потому что желалъ быть полновластнымъ хозяиномъ, т. е. писать то, что ему вздумается. Но онъ имѣлъ неосторожность при заключеніи условія согласиться на то, чтобы Трубниковъ оставался редакторомъ. Получилось такое положеніе, что Полетика не давалъ Трубникову денегъ, а Трубниковъ не пропускать особенно дорогихъ Полетикѣ статей.

И упорная борьба между двумя крупными дѣльцами все усиливалась. Полетика старался обмануть бдительность редактора, выдавая статьи, ему дорогія, за такія, которыя будто бы ему были безразличны, а Трубниковъ, въ свою очередь, обманывалъ Полетику фиктивными переводами на болѣе или менѣе крупныя суммы, которыя получались въ банкахъ на его имя. Кажется, именно эти переводы наконецъ убѣдили Полетику, что Трубникова изморомъ не возьмешь и что надо отъ него откупиться. Онъ и вступилъ съ нимъ въ переговоры. Трубниковъ сверхъ ожиданія оказался очень уступчивымъ. Онъ тотчасъ же согласился совсѣмъ уйти изъ газеты, если только Полетика уплатитъ его долги по газетѣ. Установить эти долги, однако, оказалось дѣломъ не легкимъ. Пришлось образовать своего рода конкурсное управленіе, членами котораго, подъ председательствомъ В. Н. Герарда, были приглашены лучшіе юристы того времени. Засѣдали они долго и наконецъ установили, что долги Трубникова составляютъ опять сумму въ сто тысячъ рублей. Тогда Трубниковъ въ присутствіи всего юридическаго ареопага спросилъ Полетику, согласенъ ли онъ уплатить этотъ долгъ съ тѣмъ, чтобы онъ, Трубниковъ, всегда ушелъ изъ газеты. Полетика согласился, и вотъ тутъ-то выяснилось, что дока Трубниковъ обошелъ доку Полетику.

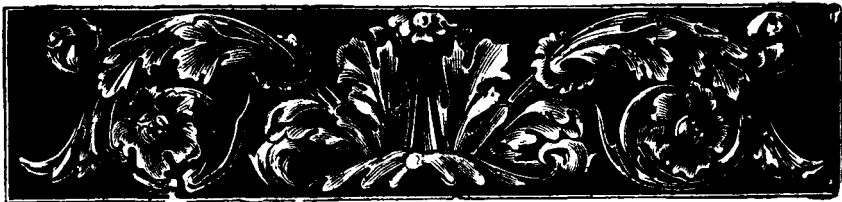
Передъ этимъ рѣшительнымъ засѣданіемъ Трубниковъ заѣхалъ къ главному своему кредитору, видному банкиру того времени Э. М. Мейеру и предложилъ ему тотчасъ же уплатить свой долгъ, если тотъ согласится на уступочку, т. е. скинетъ процентиковъ срокомъ. Мейеръ недолго думалъ (иначе онъ, конечно, не былъ бы даровитымъ финансистомъ) и согласился. Заручившись подписью Мейера, Трубниковъ уже зналъ, что дѣло выиграно. И дѣйствительно, всѣ остальные кредиторы, какъ только увидѣли подпись Мейера, тотчасъ же согласились на ту же уступку, — значитъ, иначе нельзя. Заручившись подписями всѣхъ своихъ кредиторовъ, Трубниковъ получилъ съ Полетики сто тысячъ рублей, уплатилъ имъ шестьдесятъ тысячъ, а себѣ въ карманъ положилъ сорокъ тысячъ. Понятно, то же могли продѣлать самъ Полетика и созданный имъ ареонагъ, и тогда Полетика сберегъ бы сорокъ тысячъ и не нажилъ бы серьезнаго конкурента, потому что Трубниковъ, получивъ съ Полетики деньги, тотчасъ же нанялъ на томъ же Литейномъ и притомъ насупротивъ квартиру и сталъ издавать конкурирующую газету, купленное у О. К. Нотовича «Новое Время».

Я разстался съ Трубниковымъ въ 1879 году. Онъ прожилъ послѣ этого еще двадцать пять лѣтъ, въ теченіе которыхъ я встрѣтилъ его два раза, и въ обѣ эти встрѣчи голова его была полна разныхъ плановъ и проектовъ, которые всѣ болѣе или менѣе оказались мертворожденными, за исключеніемъ развѣ издававшихся безъ году недѣлю «Отголосковъ» и завода для выдѣлки хорошаго лампаднаго масла (Вильмессанъ тотъ торговалъ галантерейнымъ товаромъ). Отъ литературы, хотя бы только газетной, до лампаднаго масла далеко. Но Трубниковъ, хотя и писалъ очень много и оставилъ послѣ себя не мало брошюръ и даже книгъ, въ сущности, былъ только предпринимателемъ, но предпринимателемъ съ большой инициативой, что у насъ, въ Россіи, встрѣчается рѣдко. Поэтому-то онъ могъ, не имѣя лично ни гроша, создать много газетъ, изъ которыхъ одна пользовалась въ свое время крупнымъ успѣхомъ и послужила образцомъ для другихъ. Во всякомъ случаѣ Трубниковъ былъ однимъ изъ пионеровъ широко поставленнаго газетнаго дѣла въ Россіи.

Р. И. Сементновскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

СРЕДИ ОТОШЕДШИХЪ ¹⁾.

ХІІ.

А. П. Чебышевъ-Дмитріевъ и его разсказъ о «дѣлахъ житейскихъ», — Какъ меня удивилъ М. Н. Катковъ и научилъ ничему не удивляться.— Два слова о неисчерпаемой сокровищницѣ противорѣчій.

ОГДА я началъ работать въ трубниковскомъ «Новомъ Времени», я и понятія не имѣлъ, какъ создалась эта газета. Я зналъ только, что товарищами моими будутъ Безобразовъ, Чебышевъ-Дмитріевъ, Андреевскій, Вреденъ, словомъ, по большей части университетскіе мои профессора. Къ тому же я съ первыхъ шаговъ убѣдился, что буду пользоваться полною самостоятельностью, что никто меня въ моей публицистической дѣятельности стѣснять не будетъ. Такимъ образомъ я, казалось, достигъ въ своихъ скитаніяхъ довольно привлекательнаго этапнаго пункта.

Съ Безобразовымъ и Чебышевымъ-Дмитріевымъ, двумя главными дѣятелями газеты, у меня сложились прекрасныя отношенія.

Собственно, главнымъ совѣтникомъ Трубникова былъ Чебышевъ-Дмитріевъ. Онъ уже раньше въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» составлялъ видную редакціонную силу. Я его засталъ въ «Новомъ Времени» живущимъ въ редакціи (онъ съ семьею не жилъ ссылаясь на то, что она ему мѣшаетъ работать) и находившимся въ постоянномъ общеніи съ Трубниковымъ. Каково было это общеніе, не знаю. Оно ни въ чемъ въ самой газетѣ не проявлялось.

¹⁾ Продолженіе. См. «Истор. Вѣсти.», т. CXLVIII, стр. 143.

Оба они занимались каждый своимъ дѣломъ: Трубниковъ—издательскимъ, Чебышевъ-Дмитріевъ—составленіемъ публицистическихъ фельетоновъ, въ которыхъ онъ касался явленій текущей русской литературы. Но вліяніе его не могло быть сильнымъ. Всѣ сотрудники: и Безобразовъ, и Нотовичъ, и Василевскій-Буква, и Н. Максимовъ, и проф. Скабалановичъ, и я вели каждый свой отдѣлъ самостоятельно. Помню, у меня только однажды произошла маленькая размолвка съ Чебышевымъ-Дмитріевымъ по поводу задуманнаго мною новаго отдѣла въ газетѣ, который теперь извѣстенъ подъ названіемъ: «Русская печать», «Среди газетъ и журналовъ» и т. д. Этотъ отдѣлъ тогда еще нигдѣ не существовалъ, былъ чѣмъ-то совершенно новымъ, и Чебышевъ-Дмитріевъ взглянулъ на него съ точки зрѣнія газетной конкуренціи: нельзя же брать однѣ несообразности и глупости, надо будетъ брать и дѣльныя или остроумныя мысли, а это можетъ повредить собственной газетѣ,—дескать, другіе пишутъ лучше. Я возсталъ противъ этой мысли, доказывая, что газета должна знакомить читателя со всѣмъ выдающимся въ области мысли и жизни, и что если мы, сотрудники, располагая всѣми столбцами, не можемъ повліять на читателя въ достаточной мѣрѣ, чтобы удержать его, то все равно наше дѣло погибнетъ и не о чемъ хлопотать. Чебышевъ-Дмитріевъ выслушалъ мою горячую тираду и тотчасъ же со мною согласился, а вмѣстѣ съ нимъ согласился и Трубниковъ, и новый отдѣлъ былъ введенъ. Словомъ, Чебышевъ-Дмитріевъ не былъ борцомъ-практикомъ, хотя съ другой стороны онъ несомнѣнно былъ идейнымъ борцомъ, и это уже сказывалось въ псевдонимахъ («Эксъ», «Самъ-по-себѣ»), которыми онъ подписывалъ свои фельетоны, къ сожалѣнію, канувшіе съ газетныхъ столбцовъ прямо въ Лету. Да и въ самомъ дѣлѣ, кому какое дѣло до писаній одного изъ лучшихъ нашихъ криминалистовъ, взиравшаго въ то же время съ высоты недюжиннаго ума на причудливые зигзаги, описываемые нашею общественною мыслью: всякому собственныя писанія, какъ бы они ни были бездарны, дороже.

Въ жизни Чебышевъ-Дмитріевъ былъ человѣкъ тихій, уступчивый, скромный, даже какъ будто робкій, и никто, не зная его, не предположилъ бы въ немъ виднаго дѣятеля. Только иногда вспыхивало у него ироническое отношеніе къ людямъ, но опять-таки въ формѣ мягкой, какъ будто ему неловко было выступать съ чѣмъ-нибудь отъ собственнаго лица. До нашего знакомства онъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ издавалъ «Судебный Вѣстникъ», въ которомъ нѣтъ-нѣтъ да и позволялъ себѣ ту или другую вольность. Такъ, онъ призналъ въ одной изъ своихъ статей недопустимымъ съ юридической стороны примѣненіе тюремнаго заключенія, административной высылки и другихъ наказаній или предупредительныхъ мѣръ въ точно имъ перечисленныхъ случаяхъ, какъ будто

не имѣвшихъ непосредственнаго отношенія къ политикѣ. И вотъ, помню, онъ по этому поводу рассказывалъ, какая предупредительная мѣра постигла его самого на другой день по напечатаніи статьи. Разсказъ его въ простой передачѣ сводится къ слѣдующему. Вслѣдъ за напечатаніемъ статьи онъ получаетъ приглашеніе явиться къ управляющему III Отдѣленіемъ и шефу жандармовъ, которымъ тогда состоялъ графъ Петръ Андреевичъ Шуваловъ (позднѣйшій нашъ представитель на берлинскомъ конгрессѣ). Чебышевъ-Дмитріевъ облачается въ свой потертый профессорскій вицмундиръ и труситъ на жалкомъ ванькѣ къ Цѣпному мосту. Входитъ онъ въ апартаменты III Отдѣленія. Ужъ одинъ видъ жандармовъ приводитъ его въ трепетъ. А тутъ онъ видитъ передъ собою длинную амфиладу комнатъ съ выложенными паркетными полами, и надо, надо во что бы то ни стало пройти по всѣмъ этимъ комнатамъ, чтобы добраться до кабинета Петра IV, какъ тогда называли гр. П. А. Шувалова наши радикальствующіе зоицы. И хоть бы провожатый, на котораго можно было бы опереться. Нѣтъ, его, несчастнаго, пустили одного: ступай, молъ, самъ найдешь. И вотъ бѣдный нашъ Александръ Павловичъ пробирается въ полномъ одиночествѣ по паркетамъ медленно, какъ цапля, къ кабинету страшнаго сановника, строго избѣгая ступить на квадраты и тщательно выбирая полоски между ними. Такъ онъ идетъ, и путь ему кажется безконечнымъ. Ноги у него подкашиваются, дыханіе захватываетъ, сердце неистово бьется: вотъ-вотъ онъ провалится, и тогда... Но нѣтъ, онъ благополучно добирается до кабинета. Входитъ. Графъ его встрѣчаетъ, стоя передъ своимъ письменнымъ столомъ, и обращается къ нему, улыбаясь, со слѣдующими словами:

— Вы—професоръ Чебышевъ-Дмитріевъ?

— Да, я-съ, я-съ...

— Успокойтесь, пожалуйста... Вы выразили въ вашемъ журналѣ неудовольствіе по поводу нѣкоторыхъ мѣропріятій. Такъ вотъ я хотѣлъ вамъ сообщить, что, въ случаѣ если это повторится, къ вамъ примѣнена будетъ одна изъ мѣръ, которыя вы порицаете. Честь имѣю кланяться.

Выслушавъ эту краткую рѣчь, Чебышевъ-Дмитріевъ дѣлаетъ налѣво кругомъ и обращается вспять. Но никакого облегченія еще не испытываетъ: страхъ его по-прежнему одолеваетъ. Вѣдь предстоитъ опять пройти длинную амфиладу комнатъ съ ихъ гнусными паркетами, каждый квадратъ которыхъ грозитъ ему ужасомъ, заставляющимъ стынуть кровь въ его тщедушномъ профессорскомъ тѣлѣ. Но еще одно, только еще одно послѣднее усиліе, и часъ избавленія настанетъ. Вотъ онъ насталъ, и Александръ Павловичъ чуть-ли не бросился въ объятія вытянувшагося въ струнку у входной двери жандарма, котораго онъ готовъ приѣтствовать, какъ своего избавителя отъ смертельной опасности.

Такъ рассказывалъ Александръ Павловичъ, и мы его хорошо понимали и хохотали до слезъ. Но современный читатель врядъ-ли пойметъ, въ чемъ собственно дѣло. А дѣло въ томъ, что держался слухъ, будто бы въ залахъ III Отдѣленія, какъ въ театрѣ, существуютъ люки, и что при неосторожномъ наступленіи на квадратъ человѣкъ проваливается въ нижній этажъ, гдѣ его подхватываютъ и, совершивъ надъ нимъ манипуляцію съ мокрыми полотенцами, отпускаютъ съ миромъ. Вотъ этой-то манипуляціи и опасался Чебышевъ-Дмитріевъ, и въ его рассказѣ чувствовалась такая насмѣшка надъ зоилами, распространявшими побасенки и не замѣчавшими серьезной стороны вопроса, что получалось впечатлѣніе кошмара, въ которомъ трудно было разобраться.

Чебышевъ-Дмитріевъ представлялъ поразительный контрастъ съ Безобразовымъ. Былъ у Трубникова въ то время санъ-бернаръ, длинношерстый, исполинскаго роста, не собака, а настоящій левъ. Этотъ песъ-монстръ состоялъ неотлучно при редакціи, такъ какъ дома держать такое громадное животное было неудобно. Онъ привязался къ Чебышеву-Дмитріеву и ненавидѣлъ Безобразова. Стоило ему только позвонить, какъ песъ издавалъ свирѣпое ворчаніе, переходившее въ страшный лай. Его приходилось поскорѣе убрать, чтобы избѣжать какой-нибудь непріятной исторіи. Между тѣмъ песъ былъ добродушнѣйшею тварью, а Безобразовъ отличался также душевною добротою. Оба они врядъ ли могли кого-нибудь обидѣть, между тѣмъ возненавидѣли другъ друга. Это было вызвано тою стремительностью Безобразова, о которой я уже упомянулъ. Когда онъ входилъ въ редакцію, она моментально оглашалась звуками громогласнаго разговора, непрерывныхъ возгласовъ, смѣха, хохота. Особенно онъ любилъ почему-то наступать на тихаго Чебышева-Дмитріева, то и дѣло припираемаго имъ къ стѣнѣ, при чемъ Безобразовъ продолжалъ жестикулировать, точно избивалъ бѣднаго Александра Павловича. За это вѣроятно песъ и возненавидѣлъ Безобразова. Онъ весь былъ стремительность, натискъ, жилъ, дышалъ данною минутою, добивался немедленнаго успѣха, бралъ такъ сказать судьбу за горло. Приемы его могли быть разнообразны, но сущность оставалась та же, съ кѣмъ бы онъ ни имѣлъ дѣло, а кругъ людей, съ которыми онъ находился въ общеніи, былъ огромный. Кто только не бывалъ у него въ кабинетѣ, на Васильевскомъ: и скромные писатели или ученые, и знаменитости, и Высочайшія особы. Кстати расскажу здѣсь о моей встрѣчѣ съ М. Н. Катковымъ.

Его слава гремѣла уже тогда, хотя, казалось, клонилась въ ту минуту къ упадку. Онъ уже не отказывался принимать предостереженія, а напротивъ, принималъ ихъ со смиреніемъ, сознавался передъ властями въ своихъ ошибкахъ и даже временно пересталъ помѣщать «горячія» статьи. Но все же онъ былъ очень

на виду. Мнѣ, молодому публицисту, конечно, было интересно взглянуть на старшаго своего собрата, начавшаго обсуждать государственные вопросы только на пятомъ десяткѣ и тѣмъ не мѣнѣе стяжавшаго если не заслуженные, то очень шумные лавры.

Но для ясности надо предпослать два слова. Это было время, когда Катковъ давно уже отрекся отъ головнинскихъ традицій, примкнулъ тѣломъ и душой къ гр. Д. А. Толстому, основалъ свой лицей, на который С. С. Поляковъ пожертвовалъ огромный капиталъ (400.000 р.), когда всѣ помнили о покушеніяхъ Каракозова и Березовскаго, когда еще не былъ забытъ обращенный къ императору Александру II возгласъ французскаго радикала Флокэ: «Vive la Pologne, monsieur»—возгласъ, который онъ потомъ отмаливалъ въ теченіе 20 лѣтъ, пока его не назначили префектомъ и министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Я зашелъ къ Владиміру Павловичу случайно. Катковъ долженъ былъ заѣхать нѣсколько позже; но мы только-что начали разговоръ, какъ доложили о пріѣздѣ Михаила Никифоровича. Я остался, чтобы не подать виду, что бѣгу. Вошелъ человѣкъ на видъ скромный и не рѣчистый, даже, какъ мнѣ показалось, нѣсколько косноязычный. Послѣ взаимныхъ привѣтствій Безобразовъ пояснилъ, что я работаю вмѣстѣ съ нимъ въ «Новомъ Времени». Катковъ полюбопытствовалъ узнать, какого направленія держится газета въ гимназическомъ вопросѣ и проямлилъ нѣсколько словъ въ защиту устава 1871 г., положившаго конецъ «увлеченіямъ Александра Васильевича (т. е. Головнина) и лицъ, его поддерживающихъ» (это былъ очевидно намекъ на в. к. Константина Николаевича). Слова эти меня тогда, помню, поразили, потому что я, читая «Московскія Вѣдомости» (вслухъ моему опекуну) еще на гимназической скамьѣ, помнилъ, что онѣ называли уставъ 1864 г. однимъ изъ «плодотворнѣйшихъ дѣлъ», «славою» царствованія императора Александра II. Затѣмъ Катковъ спросилъ, въ какомъ духѣ ведется внѣшняя политика «Новаго Времени» и торжественно изрекъ, какъ великую истину, слѣдующую фразу: «Трехимператорскій союзъ—лучшая гарантія спокойствія Европы и огражденія интересовъ Россіи». Тутъ я не утерпѣлъ и недипломатично, съ молодымъ увлеченіемъ, указалъ Каткову, что онъ недавно еще, во время посѣщенія Парижа государемъ по случаю всемірной выставки, горячо высказывался за дружбу съ Франціей. Онъ взглянулъ на меня пристально своимъ тяжелымъ взглядомъ и спросилъ меня, при чемъ меня поразила чистота его нѣмецкаго произношенія, помню ли я Хайнэ (а не Гейне, какъ обыкновенно у насъ называютъ германскаго поэта): «Другія времена—другія птицы; другія птицы—другія пѣсни». Я отвѣтилъ, что прекрасно помню, но Катковъ поспѣшилъ заговорить о другомъ, а я поспѣшилъ проститься съ хозяиномъ и съ нимъ, но воз-

вращаясь домой, не могъ въ достаточной мѣрѣ надвинуться происшедшему разговору и тяжелому испытанію, которому подверглось мое понятіе о томъ, чѣмъ долженъ быть публицистъ. Неужели все дѣло сводится къ гейневскому: «Другія времена—другія пѣсни?»—спрашивалъ я себя. Потомъ я многое понялъ,—понялъ, что публицистъ можетъ сегодня подлаживаться къ Головнину, а завтра къ гр. Толстому, можетъ въ гимназическомъ вопросѣ сегодня быть ярымъ реалистомъ, а завтра столь-же яримъ классикомъ, что онъ сегодня можетъ быть ревностнымъ фритредеромъ, отводить Молинару широкое мѣсто въ газетѣ, а завтра—столь же ревностнымъ протекціонистомъ, сегодня требовать во что бы то ни стало уменьшенія количества денежныхъ знаковъ, быть горячимъ контракціонистомъ, а завтра для поощренія отечественной промышленности—столь же страстнымъ инфляціонистомъ, сегодня быть сторонникомъ широкаго мѣстнаго самоуправленія, а завтра другомъ сильной губернаторской власти и подавленія желѣзной рукой всякихъ стремленій къ «selfgovernment»'у, сегодня требовать свободы печати и суда присяжныхъ, а завтра считать то и другое зломъ, сегодня утверждать, что Бисмаркъ—нашъ «лучшій другъ» и «понимаетъ интересы Россіи лучше насъ самихъ», а завтра провозглашать, что тотъ же Бисмаркъ—нашъ злѣйшій врагъ и идти по стопамъ «государственныхъ воровъ», какъ онъ называлъ сотрудниковъ газеты, въ которой я доказывалъ, что спасеніе Россіи именно въ союзѣ съ Франціей, сегодня быть убѣжденнымъ конституціоналистомъ, а завтра не менѣе убѣжденнымъ врагомъ и Сената, «чувствующаго особую лѣзвность ко всякимъ прерогативамъ земскаго самоуправления», и Государственнаго Совѣта съ его «игрою въ парламентъ», и даже самого монарха («еще нѣсколько мѣсяцевъ.. быть можетъ, недѣль прежняго режима—и крушеніе было бы неизбежно»), что мнѣять можно убѣжденія сколько угодно, если только обуздывать инородцевъ, за исключеніемъ евреевъ, которыхъ всегда и во всемъ надо защищать. Все это я понялъ впоследствии, читая «Московскія Вѣдомости», понялъ и латинское изреченіе: «nil admirari», но тогда, когда я встрѣтился единственный разъ въ жизни съ Катковымъ, московскій публицистъ меня несказанно удивилъ.

XIII.

Два типа русскихъ ученыхъ.—И. Д. Бѣловъ.—Гр. Д. А. Толстой и И. Б. Штейнманъ.—Кто истинный виновникъ гимназическаго устава 1871 г.?

Однако вернемся къ Чебышеву-Дмитріеву. Въ противоположность Безобразову, который всюду бывалъ и всѣхъ видѣлъ, Чебышевъ-Дмитріевъ велъ уединенный образъ жизни въ редакціонномъ помѣщеніи. Это былъ типичный представитель русскаго

высоко-интеллигентнаго человѣка. Безобразовъ производилъ на меня впечатлѣніе человѣка будущаго, Чебышевъ-Дмитріевъ—быть можетъ, милаго, но отживающаго прошлаго. Безобразовъ бралъ жизнь приступомъ, прокладывалъ себѣ дорогу локтями, выйдя изъ ничего, добрался до высотъ государственной и общественной жизни, онъ понималъ, что миндальничать нельзя, что фельдмаршальскій жезлъ лежитъ и въ ранцѣ простого рядового, что надо поставить себѣ ясную, опредѣленную цѣль и стремиться къ ней всѣми силами души, съ расходованіемъ всей своей энергіи. У Чебышева-Дмитріева фельдмаршальскій жезлъ былъ какъ бы уже въ рукахъ: на 25 году жизни онъ уже представилъ работу, обратившую на него вниманіе научнаго міра, въ 28 лѣтъ составилъ трудъ, доставившій ему степень магистра и признанный богатымъ вкладомъ въ науку уголовного права; успѣхъ продолжалъ ему сопутствовать во всѣхъ его начинаніяхъ,—успѣхъ солидный, не допускавшій сомнѣнія, что рождается выдающаяся научная сила. Но постепенно счастье начинаетъ ему измѣнять. Я живо помню его, какъ профессора вслѣдъ за защитой имъ докторской диссертации: «О покушеніи». Въ немъ чувствовался человѣкъ, чѣмъ-то надломленный, вяло относящійся къ наукѣ, какъ будто занятый чѣмъ-то другимъ болѣе важнымъ, болѣе существеннымъ, чего-то ищущій и не находящій, обуреваемый сомнѣніями, стремящійся къ чему-то далекому, а пока исполняющій свое жизненное дѣло, какъ ему повелѣваетъ совѣсть честнаго человѣка, но безъ внутреннего огня, зажигаемаго сознаніемъ святости избранной профессіи, неувѣренный, робкій, но крайне симпатичный, не лукавящій, не притворяющійся, что онъ вѣритъ въ то, во что онъ на самомъ дѣлѣ не вѣритъ. Большинство моихъ профессоровъ были карьеристы, но между ними были и люди, искренно преданные научнымъ интересамъ. Чебышевъ-Дмитріевъ не принадлежалъ ни къ той, ни къ другой категоріи. Карьеристомъ мѣшала ему быть элементарная честность, ну, а любить науку онъ могъ только наполовину, потому что ему мерещилось что-то высшее, болѣе значительное, какъ будто находившее выраженіе въ его фельетонахъ, но въ сущности такъ и оставшееся невыясненнымъ. Что-же это было? Какой-то смутный порывъ, стремленіе къ высокому идеалу. Выяснить этотъ порывъ, это стремленіе надо было во что бы то ни стало: вѣдь ему приносилась въ жертву такая святыня, какъ наука. А выяснить ихъ не могли ни Чебышевъ-Дмитріевъ, ни многіе другіе русскіе люди, жертвовавшіе для нихъ и здоровьемъ, безъ котораго высокое такъ часто недостижимо, и талантомъ, и святымъ призваніемъ писателя или ученаго.

Чебышевъ-Дмитріевъ очень любилъ въ своихъ лекціяхъ упоминать о знаменитомъ итальянскомъ криминалистѣ Беккарія. Видно, душа его лежала къ нему, къ этому вдохновенному за-

щитнику гуманных началъ въ области наказаній. Но Чебышевъ-Дмитріевъ произносилъ его имя скорѣе нѣжно, съ отбѣнкомъ грусти, чѣмъ съ скрытымъ пафосомъ, котораго особенно въ то время заслуживалъ этотъ народный трибунъ, этотъ сильный защитникъ слабыхъ. И тутъ въ Чебышевъ-Дмитріевъ чувствовалась какая-то надломанность, какой-то недостатокъ вѣры въ себя и другихъ. Соломоновская «суета суетъ», ничтожество всего земного, чelовѣческое безсиліе передъ рокомъ и природою,—все это ослабляло его душу въ борьбѣ со зломъ, ослабляло его энергію, подрѣзывало ему крылья для смѣлаго полета. И онъ собственно не жилъ настоящею жизнью, а шелъ ощупью, бродилъ, слабо увлекаемый то самою жизнью, то наукою, то чѣмъ-то высшимъ, чего онъ самъ ясно не понималъ. Но и это высшее не имѣло рѣшительной власти надъ нимъ,—и въ общемъ получалось прозябаніе. Господи, сколько хорошихъ, великолѣпныхъ русскихъ людей раздѣляли и раздѣляютъ участь бѣднаго, симпатичнаго Александра Павловича!

Вотъ и одинъ изъ моихъ учителей, столь извѣстный педагогъ—И. Д. Бѣловъ.

Простой учитель народной школы на Уралѣ, съ калмыцкимъ лицомъ, онъ постепенно добрался до вершинъ педагогической дѣятельности и славы. Нелегко подвести итогъ его педагогическимъ статьямъ въ лучшихъ нашихъ повременныхъ изданіяхъ, въ томъ числѣ и въ «Историческомъ Вѣстникѣ», гдѣ онъ около пяти лѣтъ, до самой своей смерти, состоялъ сотрудникомъ; очень многочисленны и отдѣльныя его изданія, изъ которыхъ его «Путевыя записки», «Педагогическія письма» и его «Руководство для сельскихъ учителей» обратили на себя всеобщее вниманіе. Все это свидѣтельствуетъ о недюжинной его энергіи, не говоря уже о талантѣ. Но и въ Бѣловѣ было что-то подтачивавшее его полезную дѣятельность, ослаблявшее энергію, подрѣзывавшее ему крылья. Казалось бы, смѣшно это говорить по отношенію къ такому дѣятельному чelовѣку, какъ Бѣловъ. И дѣйствительно, когда онъ учительствовалъ на Уралѣ или въ Сибири или инспектировалъ округа Воспитательнаго дома, энергія его была просто изумительна; онъ возрождался и когда попадалъ въ Швейцарію или въ Германію и докладывалъ русскому читателю о своихъ впечатлѣніяхъ, подчасъ прямо восторженныхъ для такого трезваго на видъ ума. Но въ Петербургѣ онъ какъ-то «герялъ себя» или, по крайней мѣрѣ, не «находилъ себя» въ той мѣрѣ, какъ это было ему свойственно въ провинціи или заграницею. Чѣмъ-же это объяснялось?

Я былъ его ученикомъ по петропавловской школѣ, гдѣ онъ въ 60-хъ годахъ преподавалъ русскій языкъ, русскую словесность, русскую исторію. Онъ меня сразу заинтересовалъ, но не своимъ

преподаваніемъ (слишкомъ оно было для меня элементарно), а чѣмъ-то другимъ, въ чемъ я никакъ не могъ дать себѣ отчета. Я все къ нему внимательно присматривался, сравнивая его съ другими учителями. Въ тѣхъ все было ясно: учили, преподавали, сердились, когда ученикъ шалилъ или не зналъ урока, одобрительно кивали головой, когда онъ хорошо отвѣчалъ. Но Бѣловъ, особенно, по мѣрѣ того, какъ мы подростали и изъ мальчиковъ превращались въ юношей, искалъ въ насъ чего-то другого, повидимому не имѣвшаго отношенія къ предмету преподаванія; онъ ожидалъ чего-то особеннаго и притомъ не отъ всѣхъ учениковъ, а только отъ нѣкоторыхъ, на примѣръ, отъ меня. Но я никакъ не могъ понять, чего онъ собственно хочетъ. Я сталъ особенно тщательно готовиться къ его урокамъ, но изъ этого ничего не вышло, потому что онъ совсѣмъ меня пересталъ спрашивать или, если спрашивалъ, то тотчасъ же прерывалъ мой отвѣтъ словами: «Ну да, вы конечно знаете урокъ превосходно; васъ и спрашивать нечего». Однажды онъ еще шутя добавилъ: «Это меня даже удивляетъ со стороны такого барченка, какъ вы». Я спросилъ себя, почему онъ меня называетъ «барченкомъ», и объяснилъ себѣ это тѣмъ, что я одѣваюсь очень тщательно, а онъ никакъ не могъ, на примѣръ, справиться съ своимъ галстукомъ, вѣчно принимавшимъ у него какое-нибудь фантастическое положеніе. Отъ одного товарища, особенно любимаго Бѣловымъ и бывавшимъ у него на дому, я узналъ, что его жена ходитъ въ юбкахъ, у которыхъ какъ бы умышленно разорванъ подолъ или же красуется пятно на самомъ видномъ мѣстѣ, что она, хотя и образованная, но содержала яичную торговлю и прогорѣла. Все это приводило меня въ смущеніе, потому что я въ то время еще не встрѣчался съ представителями или представительницами 60-хъ годовъ. Изъ уроковъ Бѣлова я убѣдился, что онъ питаетъ особенное пристрастіе къ Костомарову. Разъ онъ даже на урокъ съ торжествомъ заявилъ, что хотя университетъ и закрытъ, но что Костомаровъ тѣмъ не менѣе будетъ читать въ Думѣ, и что онъ попроситъ директора, чтобы и актовъ залъ петропавловской школы былъ открытъ для чтенія университетскихъ лекцій. Это дѣйствительно и состоялось, благодаря настойчивости и вліянію директора, И. Б. Штейнмана, о которомъ не мѣшаетъ сказать здѣсь нѣсколько словъ.

Я думаю, что Штейнмана можно признать если не истиннымъ виновникомъ, то протагонистомъ двухъ крупныхъ государственно-общественныхъ явленій: гимназическаго устава 1871 г. и петроградскаго историко-филологическаго института. Иванъ Богдановичъ, человѣкъ очень скромный, какъ большинство людей съ серьезнымъ цензомъ, работалъ въ тѣни; его специальность мало интересовала широкую публику, такъ что его имя почти не встрѣчалось на страницахъ нашихъ газетъ и журналовъ. А между тѣмъ

это былъ человѣкъ во многихъ отношеніяхъ замѣчательный. Не могу судить объ его заслугахъ, какъ филолога (онъ былъ профессоромъ греческой словесности въ петроградскомъ университетѣ). Думаю, что онъ были не особенно существенны, т. е. что онъ ничѣмъ не выдѣлялся изъ общаго уровня профессоровъ-филологовъ того времени, но несомнѣнно былъ на виду. На это ясно указываютъ факты. Такъ, когда извѣстный професоръ Ф. К. Лоренцъ, столь памятный въ исторіи русскаго просвѣщенія тѣмъ, что вытѣснилъ изъ нашей средней школы своимъ учебникомъ по всеобщей исторіи устарѣвшія книги Кайданова и Смарагдова, оставилъ въ 1857 г. постъ директора петропавловской школы, вмѣсто него былъ избранъ именно Штейнманъ, остававшійся директоромъ этой школы въ теченіе десяти лѣтъ, т. е. до назначенія своего директоромъ историко-филологическаго института. Но еще болѣе подтверждается значеніе, пріобрѣтенное Штейнманомъ, слѣдующимъ фактомъ.

Въ 1866 г. министромъ народнаго просвѣщенія былъ назначенъ столь всѣмъ памятный гр. Д. А. Толстой. Чѣмъ въ точности было вызвано это назначеніе, я не знаю, но, несомнѣнно, гр. Толстой былъ мало склоненъ специализироваться на какой-нибудь опредѣленной отрасли управленія. Онъ началъ свою карьеру въ департаментѣ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій и въ то же время писалъ исторію русскихъ финансовыхъ учреждений. Затѣмъ онъ бросаетъ и то и другое, чувствуетъ влеченіе къ морскимъ дѣламъ и посвящаетъ себя службѣ въ морскомъ министерствѣ. Но и эту службу онъ скоро бросаетъ и опредѣляется на службу въ министерство народнаго просвѣщенія, гдѣ уже занимаетъ постъ директора департамента, но въ то же время пишетъ извѣстную свою книгу о католицизмѣ въ Россіи, которая доставляетъ ему постъ оберъ-прокурора св. Синода, а въ слѣдующемъ году онъ уже соединяетъ эту должность съ должностью министра народнаго просвѣщенія. Затѣмъ, послѣ нѣкотораго отдыха, онъ назначается министромъ внутреннихъ дѣлъ и шефомъ жандармовъ и сохраняетъ этотъ постъ уже до самой смерти.

Изъ всего этого можно вывести заключеніе, что до занятія поста министра народнаго просвѣщенія гр. Толстой былъ подготовленъ къ административной службѣ, т. е. хорошо ознакомился съ нашими бюрократическими порядками, но не имѣлъ опредѣленной специальности. Онъ съ одиноковымъ рвеніемъ изучалъ и морское дѣло, и финансы, и католицизмъ. Все это однако упрочило за нимъ репутацію человѣка ученаго среди администраторовъ, и этой репутаціи онъ вѣроятно и былъ обязанъ назначеніемъ его министромъ народнаго просвѣщенія и президентомъ академіи наукъ.

Какъ эта репутація была въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ преувеличена, показываетъ примѣръ его одесской рѣчи, въ которой онъ

блеснулъ слѣдующей фразой: «Nul n'est prophète dans son pays!» какъ говорятъ французы». Но надо отдать ему справедливость: занявъ постъ министра народнаго просвѣщенія, онъ понималъ, что мало знакомъ съ довѣреннымъ ему дѣломъ. Недавно наши государственные люди охотно сознавались въ своей некомпетентности и при вступленіи въ должность прямо заявляютъ объ этомъ своимъ подчиненнымъ. Но тогда это еще не вошло въ моду. Назначенныя на новый постъ лица стѣснялись заявлять о своей некомпетентности и выходили иначе изъ затрудненія, т. е. окружали себя компетентными помощниками.

Такимъ помощникомъ избралъ себя гр. Толстой И. Б. Штейнмана. Толстой то и дѣло посылалъ его за границу для изученія устройства учебныхъ заведеній въ другихъ странахъ, поручалъ ему давать разъясненія членамъ Государственнаго Совѣта, защищать въ немъ дѣло преобразованія нашей средней школы, принялъ его проектъ созданія въ Петербургѣ высшаго учебнаго заведенія для подготовки гимназическихъ учителей (Историко-филологическаго института), по его совѣту разрѣшилъ и другому специалисту по этой части, широкообразованному П. М. Леонтьеву открыть такое же учебное заведеніе въ Москвѣ (Лицей въ память цесаревича Николая). На Васильевскомъ, въ кабинетѣ Штейнмана, создавался гимназическій уставъ 1871 г. Тамъ можно было почти ежедневно видѣть, какъ пролетка гр. Толстого иногда часами стояла у подъѣзда историко-филологическаго института, гдѣ жилъ, въ качествѣ его директора, Штейнманъ. Легенда о томъ, что главнымъ вдохновителемъ этого гимназическаго устава былъ Катковъ, лишена основанія, какъ многія легенды. Катковъ въ то время мало интересовался вопросами гимназическаго образованія или интересовался ими развѣ настолько, насколько ими интересовался его другъ, Леонтьевъ, задумавшій при помощи субсидій и частныхъ пожертвованій создать лицей, который теперь называется катковскимъ, но который гораздо вѣрнѣе и приличнѣе было бы назвать леонтьевскимъ или, пожалуй, поляковскимъ въ виду огромной суммы, пожертвованной этимъ евреемъ-капиталистомъ.

XIV.

Студенческіе беспорядки 60-хъ годовъ и петропавловское училище. — «Учитель» и «гражданинъ». — Г. И. Архангельскій и Н. А. Грифцовъ. — Моя классификація общественныхъ дѣятелей.

Но я подъ наплывомъ разныхъ воспоминаній уклонился отъ основной моей темы. Я говорилъ о томъ, что Штейнманъ выхлопоталъ у властей разрѣшеніе читать въ актовомъ залѣ петропавловской школы лекціи для студентовъ университета во время уни-

верситетских безпорядковъ начала 60-хъ годовъ, и что объ этомъ усиленно хлопоталъ Бѣловъ. Тутъ однако выяснилось одно неудобство. Лекціи болѣе или менѣе совпадали съ классными уроками. Во время перерывовъ студенты выходили курить въ корридоры, наполняя ихъ дымомъ, проникавшимъ и въ классныя комнаты. Воспитанники пользовались этимъ обстоятельствомъ и съ своей стороны отчаянно курили, что конечно сильно нарушало дисциплину. При такихъ обстоятельствахъ директоръ попросилъ Бѣлова, какъ человѣка, особенно усердно заботившагося о томъ, чтобы актовъ залъ былъ предоставленъ студентамъ, и пользовавшагося нѣкоторою популярностью среди нихъ, наблюдать за тѣмъ, чтобы они въ корридорѣ не курили. Штейнманъ тѣмъ болѣе дорожилъ этимъ, что его отношенія къ школьному совѣту, въ которомъ заседали лютеранскіе священники, были не особенно хороши. Онъ былъ врагъ всякаго святошества и любилъ говорить пасторамъ: «Я цѣню не столько мундиръ или рясу, сколько то, что подъ ними скрыто», — и указывалъ на мѣсто, гдѣ находится сердце. Вообще онъ былъ человѣкъ прямой, здравомыслящій, рѣшительный въ сужденіяхъ и дѣйствіяхъ, честный, искренній, а такіе люди, какъ извѣстно, всегда имѣютъ враговъ, но онъ умѣлъ имъ импонировать почтеніемъ, которое внушалъ, какъ директоръ, какъ профессоръ и какъ лицо, вліятельное въ администраціи. Надо было однако быть осторожнымъ и не давать ненужнаго повода къ нареканіямъ. Онъ былъ увѣренъ, что увѣщанія Бѣлова возымѣютъ свое дѣйствіе и что куреніе студентовъ прекратится. Но не такъ-то вышло на самомъ дѣлѣ. Какъ ни упрашивалъ Бѣловъ студентовъ, они не обращали вниманія на него или даже отвѣчали ему рѣзко: дескать, можете запрещать гимназистамъ, а насъ оставьте въ покоѣ. Наконецъ Бѣловъ вышелъ изъ терпѣнія и попросилъ директора не давать повода къ этой курительной «вакханаліи», т. е. прекратить чтеніе лекцій. Я, проходя по корридору, ушамъ своимъ не вѣрилъ, слушая рѣзкую филиппику Бѣлова противъ студентовъ. Но дѣло обошлось. Штейнманъ съ свойственнымъ ему тактомъ во время лекціи разъяснилъ студентамъ всю неумѣстность ихъ поведенія, и куреніе въ корридорахъ прекратилось, а самыя лекціи прекратились уже по другой причинѣ.

Многіе годы спустя, когда я ближе сошелся съ Бѣловымъ, я какъ-то въ удобную минуту напомнилъ ему этотъ эпизодъ, который для меня такъ-таки и остался загадкой. Я никакъ не могъ уяснить себѣ, какъ Бѣловъ, человѣкъ передовой по понятіямъ того времени, могъ потерять душевное равновѣсіе по такому пустому поводу и даже требовать такой «реакціонной» мѣры, какъ лишеніе студентовъ мѣста, гдѣ они могли слушать своихъ профессоровъ. Онъ мнѣ ничего толкомъ не объяснилъ, но, смущенно посмѣиваясь, повелъ бесѣду, изъ которой я понималъ, въ чемъ собственно дѣло.

Бѣловъ только и жилъ что вопросами, волновавшими его какъ педагога. Каждый воспитанникъ былъ ему дорогъ, каждый классъ поглощалъ его вниманіе и требовалъ отъ него большой затраты душевныхъ силъ. Онъ принималъ къ сердцу все, что касалось интеллектуальнаго и нравственнаго развитія воспитанниковъ. Но когда онъ переселился въ столицу въ разгаръ 60-хъ годовъ, его въ то же время охватила другая волна.

Учителемъ ты *можешь* быть,
Но гражданиномъ быть *обязанъ*,

переназначивалъ онъ стихъ Некрасова, и эта волна его до того охватила, что онъ сталъ подчинять свою педагогическую дѣятельность гражданскому долгу въ томъ условномъ смыслѣ, какой придавали ему 60-ые годы. Это и ставило его, какъ педагога, въ трудное, иногда прямо безвыходное положеніе. Подчиняться властямъ, которыя онъ, какъ «гражданинъ», осуждалъ, слѣдовать ихъ указаніямъ, непріемлемымъ съ точки зрѣнія «гражданина» — какъ это лицемерно и ужасно даже съ личной точки зрѣнія, и какъ это возмутительно съ точки зрѣнія педагога, которому довѣрены души малыхъ сихъ, который отвѣчаетъ за нихъ передъ своею собственною совѣстью, передъ родителями, передъ Богомъ! Это соображеніе дѣлало Бѣлова нервнымъ, и всякій разъ, когда два противоположныхъ требованія — требованія педагога и «гражданина» — сталкивались, онъ терялъ душевное равновѣсіе. Онъ всей душой стоялъ за студентовъ, и въ то же время эти же студенты не понимали, что, если университетъ — своего рода соборъ, то вся гимназія — маленькій храмъ, куда нельзя входить, не снимая шапки передъ его святынею, передъ тѣмъ, чему въ немъ поклоняются. Что студенты этого не понимали, что они не могли на короткое время воздержаться отъ дурной привычки и не нарушать этимъ согласія между преподавателями и воспитанниками, возмущало его до глубины души. Штейнманъ, проще смотрѣвшій на вещи, не ставившій студентовъ на пьедесталъ, справлялся съ ними легче.

Къ счастью для многочисленныхъ воспитанниковъ Бѣлова въ разныхъ гимназіяхъ и въ павловской учительской семинаріи, гдѣ смерть разлучила его съ любимымъ дѣломъ, педагогъ бралъ въ немъ верхъ надъ гражданиномъ, и онъ воспиталъ много умѣлыхъ работниковъ и честныхъ людей, столь необходимыхъ въ жизни вообще и особенно въ нашей русской жизни. Но самъ онъ поминутно страдалъ отъ невозможности примирить въ себѣ «учителя» и «гражданина» и нерѣдко былъ близокъ въ тому, чтобы совершенно отказаться отъ «учительства» и съ головой уйти въ исполненіе обязанностей «гражданина». Душевное скитаніе охва-

тывало его, и онъ тогда былъ истиннымъ мученикомъ, живо мнѣ напоминая бѣднаго Чебышева-Дмитріева, всю жизнь томившагося отъ неумѣнья примирить борьбу за насущный хлѣбъ, служеніе наукѣ и удовлетвореніе высшихъ запросовъ души.

По этому поводу я не могу не вспомнить и университетскаго моего товарища Н. А. Грифцова, профессора полицейскаго и финансоваго права въ Александровскомъ лицѣ. Мы съ нимъ скоро сошлись, и это сближеніе превратилось въ дружбу. Не проходило недѣли, чтобы мы не провели вечера вмѣстѣ. Къ намъ очень часто присоединялся Г. И. Архангельскій, уже тогда написавшій свое знаменитое изслѣдованіе о холерѣ, занимавшій видный постъ въ медицинскомъ департаментѣ и бывшій редакторомъ 4 официальныхъ медицинскихъ изданій. Онъ былъ лѣтъ на десять старше насъ, но охотно проводилъ съ нами вечера и прислушивался къ нашимъ молодымъ спорамъ, вращавшимся преимущественно около науки административнаго права. Мы собирались обыкновенно утомленные отъ дневнаго труда, садились за партію преферанса (винтъ тогда еще не былъ въ ходу), т. е. оставляли мозгъ подъ паромъ, а затѣмъ уже за ужиномъ велась бесѣда иногда до пѣтуховъ. Хорошіе это были часы, вѣчно для меня памятные. Нѣтъ—нѣтъ, да и пахнетъ на меня Варшавою, Саратовымъ, Клараномъ. Мы забывали о себѣ, думали только о другихъ, объ обществѣ, о государствѣ, о томъ, что имъ полезно, что двигаетъ ихъ прогрессъ. Я, отъ природы всегда нервный, болѣе всего увлекался, горячился, такъ что иногда увлекалъ и болѣе спокойныхъ, уравновѣшенныхъ товарищей, даже «старика», какъ мы его называли, Григорія Ивановича, хотя ему было тогда всего подлѣ 40 лѣтъ.

Надо замѣтить, что Архангельскій, по окончаніи курса въ медико-хирургической академіи, долго служилъ полковымъ врачомъ въ глухой провинціи—въ Ставрополѣ, Керчи, Нарвѣ. Но душа дѣльнаго изслѣдователя и человѣка, отзывчиваго къ страданіямъ ближняго, въ немъ не заглохла. Уже изъ провинціи онъ посылаетъ въ Петербургъ изслѣдованіе о болѣзни, мало обращавшей на себя вниманіе медицинскаго міра (возвратная горячка), а когда онъ попалъ въ столицу, у него одно дѣльное изслѣдованіе смѣнялось другимъ, и всѣ они въ совокупности обезпечили за нимъ почетное имя не только въ Россіи, но и въ западной Европѣ.

Я съ нимъ познакомился въ тотъ періодъ его жизни, когда онъ задумывалъ свои замѣчательные труды, посвященные Петербургу и улучшенію его санитарнаго состоянія: порайонной системѣ оказанія помощи бѣднымъ, организаціи института думскихъ врачей, родильныхъ пріютовъ, примѣненію труда женщинъ-врачей къ городской общественной службѣ и т. д. Занятый всѣми этими

реформами и нововведеніями, онъ интересовался административнымъ правомъ. Такимъ образомъ сложилась почва для нескончаемыхъ бесѣдъ и споровъ. Грифцовъ былъ горячимъ сторонникомъ самоуправленія во всѣхъ его видахъ; я доказывалъ, что отъ самоуправления можно ожидать значительныхъ результатовъ только въ странахъ съ высокою культурою и что чѣмъ некультурнѣе страна, тѣмъ важнѣе энергическая дѣятельность администраціи. Приводили мы примѣры изъ жизни всѣхъ странъ, и сколько воодушевленія, сколько огня мы влагали въ это дѣло! Случалось даже, что мы, люди очень занятые, готовились къ слѣдующей бесѣдѣ, какъ къ лекціи. И часто, когда мы расходились, Григорій Ивановичъ пожималъ намъ руки, благодаря за что-то, за что,—мы сами тогда не понимали, думая, что дѣло сводится къ пріятно-проведенному вечеру. Иногда только мы инстинктивно чувствовали, что дѣло идетъ о чемъ-то болѣе значительномъ, болѣе важномъ, о томъ, чѣмъ собственно живъ человѣкъ въ истинномъ значеніи этого слова.

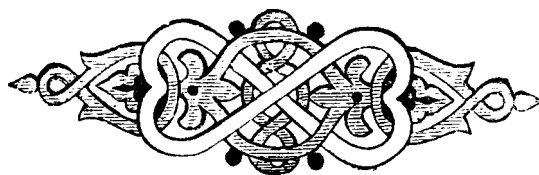
Такъ прошло нѣсколько лѣтъ, и вдругъ я сталъ замѣчать, что Грифцовъ какъ-то чуждается нашихъ бесѣдъ, уклоняется отъ нихъ, даже избѣгаетъ насъ. Я рѣшительно не понималъ, въ чемъ дѣло, но многочисленные факты убѣдили меня, что я не ошибаюсь, что онъ избѣгаетъ насъ и не хочетъ сказать, почему онъ наноситъ намъ незаслуженную обиду. Очень это было мнѣ тяжело, тяжело до физической боли, но всѣ мои попытки объясниться ни къ чему не приводили: Грифцовъ только отмалчивался, прибѣгая къ своимъ шуточкамъ, которыя ему часто удавались и скрашивали его некрасивое, но симпатичное лицо. Пришлось съ тяжелымъ сердцемъ признать вѣрность поговорки, что насильно милъ не будешь... и разстаться. Только гораздо позже до меня дошли слухи, что онъ пишетъ исторію русскаго социализма или русскаго революціоннаго движенія и что ему широко открыты архивы III Отдѣленія, тогда уже преобразованнаго въ департаментъ полиціи. Сообщаю объ этомъ слухъ, потому что Грифцовъ былъ человѣкъ дѣльный и научно-образованный. Если онъ дѣйствительно писалъ исторію социалистическаго движенія Россіи, то было бы жалъ дать этой работѣ затеряться. Грифцовъ вскорѣ умеръ: уже на студенческой скамѣ онъ производилъ впечатлѣніе чахоточнаго.

Повидимому, мало общаго между такими дѣятелями, какъ Чебышевъ-Дмитріевъ, Безобразовъ, Бѣловъ, Катковъ, Штейнманъ, Архангельскій, Грифцовъ? А между тѣмъ, я не могъ не обобщать ихъ съ извѣстной точки зрѣнія, т. е. не раздѣлять ихъ на людей, умѣвшихъ примирить борьбу за насущный хлѣбъ съ честнымъ исполненіемъ своего призванія и съ высшими запросами души, примирявшихъ ихъ только наполовину или вовсе не умѣвшихъ ихъ примирить. Къ послѣдней категоріи принадлежали

Катковъ и Грифцовъ; ко второй—Чебышевъ-Дмитріевъ и Бѣловъ, которымъ неясность идеаловъ мѣшала исполнить въ полной мѣрѣ обязанности своего призванія (эта категорія была наиболѣе многочисленна у насъ въ 70-е годы); наконецъ къ первой категоріи принадлежали Безобразовъ, Штейнманъ и Архангельскій, хотя мнѣ все хотѣлось отнести Григорію Ивановичу, по болѣе гармоничному сочетанію трехъ элементовъ, особенно почетное мѣсто среди перечисленныхъ общественныхъ дѣятелей.

Р. И. Сементковскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

СРЕДИ ОТОШЕДШИХ¹⁾.

(Изъ моихъ воспоминаній).

XV.

Почему я не увлекся народничествомъ?—Флейтистъ и его Мишель.—Интеллигенты въ роли слесарей, машинистовъ, мастеровыхъ: князя В. В. Вяземскій и М. И. Хилковъ, гр. Л. Н. Толстой и Н. Д. Лапчинскій. — «Баронская» дорога и вендрихиада. — Паника въ Сестрорѣцкѣ въ 1905 г.—Какъ люди остаются честными.

Въ 70-хъ годахъ у насъ, какъ извѣстно, возникло и получило развитіе такъ называемое народничество. Меня оно интересовало, какъ одно изъ проявленій умственной жизни нашей интеллигенціи; само по себѣ оно представляло для меня мало интереса. Я вообще предпочиталъ оригиналъ копіи, а наши партійные лозунги составляли не болѣе какъ перефразировку или приспособленіе иностранныхъ, преимущественно нѣмецко-еврейскихъ образцовъ. Такъ было и съ народничествомъ—перелицовкою на русскій ладъ нѣмецкой народной партіи, если не возникшей, то окончательно установившейся во второй половинѣ 60-хъ годовъ; такъ было и съ позднѣйшимъ марксизмомъ. Къ тому же я не могъ въ точности себѣ уяснить, что собственно подразумѣвалось подъ народничествомъ. Любить народъ насъ уже гораздо раньше учили и Жоржъ-Сандъ, и Ауэрбахъ, и Тургеневъ, и Мельниковъ; изучать народъ насъ тоже гораздо раньше учили и Григоровичъ, и тотъ-же Тургеневъ,

¹⁾ Продолженіе см. «Истор. Вѣстн.», т. CXLVIII, стр. 382.

и Якушкинъ, и Максимовъ; учиться у народа, конечно, можно, только нѣсколько зная его, а то вѣдь не извѣстно, стоитъ-ли еще у него учиться. Оставалось понимать подъ народничествомъ, что мы сами хотимъ учить народъ, но чему? Не тому-ли, чему соби-рался его учить Неждановъ въ «Нови», или тому, что впослѣд-ствіи вызвало, къ счастью, въ маломъ размѣрѣ повтореніе пре-лестей пугачевского бунта? Ни то, ни другое не представляло для меня ничего привлекательнаго.

Но если народничество меня не соблазняло, то другое движеніе меня сильно интересовало. Оно до сихъ поръ не получило названія и все еще проявляется слабо. И тѣмъ не менѣе оно представлялось мнѣ въ тысячу разъ болѣе существеннымъ, чѣмъ народничество или вообще тѣ многообразныя модныя теоріи иностраннаго про-исхожденія, черезъ которыя прошла скитальческая душа русскаго интеллигента и которыя смѣняются съ поразительной быстротой, не оставляя послѣ себя сколько-нибудь замѣтнаго слѣда, кромѣ развѣ духа протеста, который въ насъ уже и такъ силенъ.

Однако, падо-же какъ нибудь обозначить движеніе, охватив-шее меня и другихъ въ 70-хъ годахъ. Его можно обозначить слѣ-дующимъ образомъ: какъ послѣ отмѣны крѣпостного права при новыхъ экономическихъ условіяхъ оставаться... честнымъ.

Это можетъ показаться неяснымъ или даже наивнымъ: честный-де человѣкъ при всякихъ условіяхъ будетъ честенъ, и тутъ ника-кого вопроса, а тѣмъ болѣе движенія быть не можетъ. Однако, я на первыхъ же порахъ убѣдился, что большинство людей не остается честными при новыхъ условіяхъ. Чего стоили въ этомъ отношеніи нѣкоторые мои профессора, говорившіе эзоповскимъ, т. е. нечестнымъ языкомъ, юлившіе и передъ начальствомъ, и пе-редъ нами, безусой молодежью? Обломову и «го прообразу Тѣн-тѣтникову, разсуждалъ я, легко было сохранить кристальной чист-стоты душу: вѣдь они получали изъ своихъ имѣній болѣе или менѣе значительные доходы и могли морщить носъ или выходить въ от-ставку, когда замѣчали, что ихъ начальники въ «разговорахъ съ высшими превращались въ какой-то приторный сахаръ», а въ обращеніи съ подчиненными въ «уксусъ». Теперь не то, говорилъ я себѣ, теперь не выйдешь въ отставку и, не желая остаться безъ куска хлѣба и обречь семью на горькую нужду, по-неволѣ бу-дешь терпѣть несправедливость, произволъ начальства, обществен-наго или правительственнаго, вступать въ компромиссы съ совѣ-стью, кривить душой, словомъ, нарушать правила элементарной честности.

Это былъ для меня вопросъ безконечно важный. Я разстался съ ученой карьерой, не желая кривить душой. Рѣшивъ сдѣлаться публицистомъ, я избѣгалъ самыхъ вліятельныхъ и обезпечен-ныхъ органовъ, чтобы не быть вынужденнымъ писать то, что хотъ

малѣйшимъ образомъ противорѣчило моимъ взглядамъ, не мирившимся ни съ ходячимъ консерватизмомъ, ни съ ходячимъ либерализмомъ. Полная необезпеченность, если не нужда и нищета, стучались ко мнѣ въ дверь. Надо было, во что бы то ни стало, выйти изъ этого положенія, но какъ?

Я сталъ жадно присматриваться къ тѣмъ, кого я привыкъ уважать, кто оставался честенъ и не погибалъ съ голоду. Какъ, напримеръ, устроился Г. И. Архангельскій? Онъ около десяти лѣтъ по окончаніи курса въ медико-хирургической академіи состоялъ простымъ полковымъ врачомъ въ глухой провинціи, но достигъ всероссійской и даже европейской извѣстности, принесъ такую пользу родинѣ, какъ рѣдкій гигиенистъ. Какъ же онъ принялся за дѣло: лебезилъ передъ начальствомъ, заискивалъ у власть имущихъ, вступалъ въ сдѣлки съ совѣстью? Нѣтъ, стоило только взглянуть на Григорія Ивановича, чтобы понять, что ему не только совершить нечестный поступокъ, но и промолвить нечестное слово было такъ же противно, какъ проглотить что-нибудь смрадное, въ родѣ асафетиды. Чѣмъ-же онъ взялъ? Написалъ статейку объ «этіологіи возвратной горячки», причемъ открылъ медицинскому міру глаза на просмотрѣнную болѣзнь, писалъ о «Thrombosis spontanea артеріи сильвіевой бороздки», о «возстановленіи хрящевой ткани при ранахъ», о «міазматическихъ болѣзняхъ въ лейбъ-гв. московскомъ полку». Это—начало его дѣятельности, а конецъ всѣмъ извѣстенъ: бѣдный людъ Петрограда и не только Петрограда, но и всѣхъ нашихъ центровъ безконечно много ему обязанъ, такъ какъ по его плану въ столицѣ организована медицинская помощь съ привлеченіемъ женскаго труда. Другими словами, избравъ спеціальнѣйшій вопросъ, Архангельскій изучилъ его такъ основательно, что сдѣлался какъ-бы своего рода законодателемъ, въ которомъ нуждались, безъ котораго обойтись было трудно. Такіе люди не заискиваютъ: въ нихъ заискиваютъ.

Когда я былъ студентомъ, ко мнѣ одно время часто закахивалъ гвардейскій офицеръ, страстно любившій флейту. Я ему аккомпанировалъ, иногда перекладывалъ ему любимыя имъ вещи въ виду бѣдности литературы для его инструмента. Я смутно помню и его фамилію, и его наружность. Помню только, что онъ былъ малъ ростомъ, склоненъ къ тучности, что фамилія его напоминала что-то русско-ветхозавѣтное, въ родѣ Авраамова, Исаева, Моисеева, и что когда онъ игралъ, онъ мнѣ нестерпимо дулъ въ затылокъ, такъ что ветхозавѣтныя фамиліи до сихъ поръ иногда вызываютъ у меня ощущеніе холода въ затылкѣ. И вотъ что я еще объ этомъ офицерѣ помню. Уставъ играть, онъ садился, начиналъ бесѣдовать, и изъ его вопросовъ (онъ очень любилъ спрашивать) мнѣ особенно вѣдался въ памяти вопросъ: «Да почему Мишель вышелъ въ отставку? Кончить курсъ въ пажескомъ корпусѣ, носить громкую фамилію

и удрать, Богъ знаетъ зачѣмъ, въ Америку—это ни съ чѣмъ несообразно». И флейтистъ недоумѣвалъ. Въ отвѣтъ я ему предлагалъ вопросъ, не аболіціонистъ-ли его товарищъ? Это заставляло его ужъ совершенно дико выпучить глаза, а я спрашивалъ его объ этомъ потому, что слышалъ о бѣгствѣ нѣкоторыхъ русскихъ въ Америку, чтобы тамъ сражаться за освобожденіе рабовъ.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Флейтисту падоуло играть на флейтѣ или мнѣ акомпанировать, но мы совсѣмъ разошлись. Вдругъ я его какъ-то встрѣчаю въ театрѣ. Мы привѣтствовали другъ друга, какъ старые друзья. «Ахъ, наши вечера!—проговорилъ онъ съ искреннимъ сожалѣніемъ.—Представьте себѣ, я флейту забросилъ. Но вотъ что удивительно: Мишель опять удралъ за границу, и знаете... нѣтъ это просто невѣроятно. Онъ тамъ служитъ простымъ рабочимъ, слесаремъ, что-ли, *dites, est-ce congruent!*». И онъ широко развелъ руками. И дался ему этотъ Мишель, котораго я не только никогда не видалъ, но и совершенно не знаю,—подумалъ я, хотя и меня поразило, что гвардейскій офицеръ мечется, видимо не зная, что съ собой дѣлать. Я подумалъ еще тогда, что скитальчество крѣпко засѣло въ душѣ русскаго человѣка, если ему покорны даже богатые аристократы; я вспомнилъ кн. В. В. Вяземскаго—этотъ прототипъ гр. Л. Н. Толстого, какъ моралиста,—кн. Вяземскаго мастерового, съ ремешкомъ на головѣ, кн. Вяземскаго мужичка и пустынника на берегу Нары.

Не знаю, что сказалъ мой флейтистъ, когда узналъ въ послѣдствіи, что на его Мишеля, т. е. кн. М. И. Хилкова, обратилъ особенное вниманіе такой предприимчивый дѣятель, какъ генералъ Анненковъ, что Хилковъ потомъ сдѣлался министромъ общественныхъ работъ въ Болгаріи, назначенъ былъ начальникомъ многихъ нашихъ дорогъ и наконецъ русскимъ министромъ путей сообщенія. Не могу я въ точности сказать, чѣмъ были вызваны не совсѣмъ обычныя метаморфозы съ самимъ кн. Хилковымъ. Но съ однороднымъ дѣятелемъ я смолodu былъ друженъ и хорошо знаю, что того побудило продѣлать почти буквально то же самое, что продѣлалъ кн. Хилковъ. Я говорю о Н. Д. Лапчинскомъ, промѣнявшемъ обезпеченное положеніе на мѣсто желѣзнодорожнаго машиниста съ тѣмъ, чтобы дослужиться въ послѣдствіи до такого отвѣтственнаго поста, какъ постъ правительственнаго директора одной изъ крупнѣйшихъ нашихъ желѣзнодорожныхъ артерій.

Началъ онъ свою общественную службу совершенно заурядно, какъ приблизительно всѣ путейцы, т. е. кончилъ курсъ въ институтѣ инженеровъ путей сообщенія, получилъ мѣсто начальника дистанціи въ Красномъ Селѣ и укрѣплялъ путь противъ разливовъ тамошнихъ озеръ. Но ему сразу повезло. «Бароны» (балтійская дорога была тогда предпріятіемъ частнымъ и всецѣло находилась въ рукахъ мѣстныхъ помѣщиковъ, остзейскихъ бароновъ, почему

ее обыкновенно и называли «баронской») обратили на него благосклонное вниманіе и предложили ему мѣсто завѣдующаго матеріальной частью съ очень приличнымъ содержаніемъ. Можно себѣ представить радость недавняго студента: не было ни гроша, и вдруг алтынъ. Онъ не заставилъ себя долго упрашивать и вмигъ отправился въ Ревель, свою новую резиденцію, а я его съ торжествомъ проводилъ. Но не прошло и трехъ мѣсяцевъ, какъ я получаю отъ него письмо съ приглашеніемъ явиться въ Ревель для совѣщанія. Буду, и въ вечеръ моего пріѣзда узнаю слѣдующее. Началось дѣло хорошо. Мой другъ тотчасъ же принялся водворять порядки, учитывать служащихъ, смотрѣть людямъ на руки, даже уволилъ кое-кого, назначеннаго не имъ, и пользовавшагося баронскимъ благоволеніемъ; дѣйствовалъ онъ однако по возможности осторожно, не мирясь только съ явными злоупотребленіями или хищеніями. Но главному «барону» онъ не угодилъ. Пригласивъ его къ себѣ, тотъ обратился къ нему съ пространной рѣчью, краткій смыслъ которой былъ слѣдующій. Есть-де три сорта людей: одни сами живутъ и другимъ даютъ жить; другіе сами не живутъ, но даютъ другимъ жить; наконецъ, третьи сами не живутъ и другимъ жить не даютъ, и этотъ третій сортъ самый несносный. Выслушавъ эту рѣчь, мой другъ откланялся, на другой день подалъ въ отставку и настоялъ на ней. И вотъ тутъ началась для него такая же трагедія, какъ и для меня. Гдѣ ручательство, что, принявъ другое мѣсто, онъ не встрѣтится съ тою же философіей о полной непригодности людей, которые и сами не живутъ и другимъ жить не даютъ? А кушать надо. Какъ же быть? Не стану приводить соображеній моего друга, но кончилось дѣло тѣмъ, что онъ оказался помощникомъ машиниста, а потомъ и машинистомъ на маршанско-сызранской дорогѣ. Накатавшись вдоволь по этой дорогѣ въ 30^ю морозы, въ бурю и вьюгу, и въ хорошую погоду, т. е. изучивъ до основанія и паровозъ въ дѣйствиіи, и службу машиниста, онъ занялъ постъ помощника начальника, а потомъ и начальника депо, другими словами, изучилъ на практикѣ самымъ основательнымъ образомъ всю службу тяги, а затѣмъ пересталъ опасаться, что для хлѣба насущнаго и для обезпеченія семьи надо будетъ поддаться искушенію кривить душой, могъ даже вступить въ открытую и рѣшительную борьбу съ такимъ всесильнымъ дѣятелемъ, какъ пресловутый полковникъ фонъ-Вендрихъ, разоблачить всю бессмыслицу такъ называемой вендрихиады во время голода 1891—92 гг., вступаться за желѣзнодорожную мелкоту, улучшить во многихъ отношеніяхъ трудное ея положеніе, сдѣлать много полезныхъ нововведеній и, подобно Г. И. Архангельскому, ни въ комъ не заискивать, потому что въ немъ нуждались, цѣня его опытъ и знанія, которыми сами не располагали.

Помню, меня очень поразило одно его замѣчаніе, относящееся

къ тому времени, когда онъ состоялъ начальникомъ тяги на курско-харьково-азовской дорогѣ. Я выразилъ удивленіе, что среди его подчиненныхъ такъ мало путейцевъ, т. е. лицъ, окончившихъ курсъ какъ онъ, въ институтѣ путей сообщеній. «Не люблю я моихъ однокашниковъ, — отвѣтилъ онъ. — Они вѣчно въ погонѣ за большими окладами, но не за работой, соответствующей этимъ окладамъ. Многого желаютъ, а я мало добра отъ нихъ вижу: всезнайки рѣдко знаютъ свое непосредственное дѣло». Это замѣчаніе относится къ 80-мъ годамъ. Вѣроятно, теперь дѣло измѣнилось къ лучшему, но оно мѣтко характеризуетъ подготовку и повадки нашего служащаго люда.

Самъ Н. Д. Лапчинскій былъ практикъ въ лучшемъ значеніи этого слова, т. е. не въ смыслѣ загребанія кушей, какъ у насъ обыкновенно понимаютъ это слово, а въ смыслѣ улучшенія и облагораженія того дѣла, которое ему было довѣрено. Это былъ человѣкъ рѣшительный, мужественный (онъ, не пикнувъ и безъ наркоза перенесъ страшную операцію удаленія раковой опухоли подъ языкомъ). Помню, какъ мы съ нимъ въ 1905 г. обѣдали въ сестро-рѣцкомъ курортѣ, собираясь потомъ послушать музыку. После обѣда мы отправились въ сосѣднее зданіе, чтобъ осмотрѣть тамъ лечебныя ванны и бассейны съ проточной водой, но только что успѣли дойти, какъ видимъ, публика бурнымъ потокомъ ринулась изъ курзала къ намъ. Лица у всѣхъ были искажены, блѣдны, мужчины чуть-ли не тащили на рукахъ женщинъ, впадавшихъ въ истерику, рыдавшихъ или стонавшихъ. Вся эта людская волна хлынула къ намъ, спасаясь отъ какой-то страшной опасности. Говорили, что рабочіе бросали камни въ поѣздъ, выбили окна въ курзалѣ, стрѣляли изъ револьверовъ, что движеніе на желѣзной дорогѣ пріостановлено, что можно ожидать серьезныхъ беспорядковъ, что полиція отсутствуетъ, рабочіе грозятся избить и изувѣчить всѣхъ подлыхъ капиталистовъ и буржуевъ. Чго тутъ было дѣлать? Я самъ недоумѣвалъ и подчинялся общему психозу. Мой другъ тѣмъ временемъ, даже не прислушиваясь къ тому, что говорятъ, обращается къ моей женѣ со словами: «Лидія Павловна, пожалуйте вашу ручку» и открываетъ шествіе прямо на вокзалъ; я слѣдую за нимъ съ моей крестницей. Публика удивлена, съ секунду колеблется, но затѣмъ робко идетъ за нами, и мы всѣ черезъ три минуты сидимъ въ поѣздѣ и спокойно ѣдемъ въ Петербургъ. Такъ что-же это было? — спрашиваютъ себя со всѣхъ сторонъ. «А было то, — отвѣчаетъ мой другъ — что людямъ... робкимъ лучше въ такое время сидѣть дома и не ѣздить на музыку».

Съ тѣмъ же спокойствіемъ онъ исполнялъ свои обязанности въ это смутное время въ Варшавѣ, когда ему то и дѣло грозили смертью за добросовѣстное ихъ исполненіе, когда одинъ изъ его товарищей дѣйствительно заплатилъ жизнью. Чѣмъ труднѣе

исполненіе долга, тѣмъ честнѣе и строже надо его исполнять,— таково было его правило.

Вотъ эти три лица: Г. А. Архангельскій, кн. М. И. Хилковъ и мой другъ Н. Д. Лапчинскій и научили меня, что предпринять, когда я очутился въ безвыходномъ положеніи послѣ крушенія трубниковскихъ изданій. Примѣромъ своимъ они мнѣ подали мысль, какъ устроиться, чтобы при сложившихся новыхъ соціальныхъ и экономическихъ условіяхъ оставаться... честнымъ.

Уже тогда у насъ существовало множество политическихъ направленій, вѣяній, партій, теченій,—назвать ихъ можно какъ угодно, сущность отъ этого не измѣнится. Назывались-ли они либерализмомъ, или консерватизмомъ, или народничествомъ, въ основѣ ихъ лежалъ протестъ противъ власти, противъ существующаго политическаго, экономическаго и соціальнаго строя. Вотъ эта-то основа и была жизненна въ міросозерцаніи или, скромнѣе выражаясь, въ настроеніи нашего общества. Протестовали и либералы, и консерваторы, и народники, ибо всѣ они были въ самомъ дѣлѣ или, чтобы угодить обществу, прикидывались недовольными; на этой почвѣ всѣ сходились, что однако нисколько имъ не мѣшало страстно враждовать другъ съ другомъ изъ за своихъ заимствованныхъ лозунговъ. Катковъ могъ быть сегодня фритредеромъ, завтра протекціонистомъ, сегодня конституціоналистомъ, завтра абсолютистомъ, радикалы могли быть сегодня народниками, завтра марксистами. Это все было заимствовано, иногда даже внѣ всякой преемственности и послѣдовательности. Сущность же заключалась въ томъ, что всѣ были недовольны. Это уже вытекало изъ хода нашего политическаго развитія, т. е. вытекало изъ вынужденнаго политическаго бездѣйствія, вызвавшаго постепенно въ нашемъ обществѣ почти фанатическую потребность принять участіе въ государственной жизни, а эта потребность въ свою очередь сильно поддерживалась убѣжденіемъ, что отдѣльное лицо совершенно безсильно передъ «условіями», что измѣнить ихъ подъ силу только правительству, и что поэтому вся задача заключается въ томъ, чтобы подчинить правительство своимъ видамъ.

Я не раздѣлялъ этого взгляда, т. е. не приписывалъ всей вины правительству, не вѣрилъ, что въ немъ одномъ сила и что условія могутъ быть измѣнены только при помощи той или другой организціи правительства. Но отрицать все это значило сдѣлаться чело-вѣкомъ невозможнымъ въ тогдашней повременной печати, на всѣ лады доказывавшей, что основная задача въ борьбѣ съ правительствомъ, что его надо вразумлять, наставлять, стыдить, учить, подрывать и т. д. Высказываться въ противоположномъ смыслѣ было одинаково невозможно какъ въ консервативной, такъ и въ либеральной печати. А между тѣмъ именно въ высказываніи взглядовъ, хотя бы не соотвѣтствовавшихъ общераспространеннымъ,

по соотвѣтствовавшихъ внутреннему моему убѣжденію, я и усматривалъ основную мою задачу. А этого я не могъ. Повидимому мнѣ оставалось только отказаться отъ публицистической дѣятельности и избрать другую карьеру. Но какъ мнѣ это было трудно! Послѣ университетской кафедры приходилось отказаться и отъ кафедры публициста, признать себя окончательно побѣжденнымъ. Я чувствовалъ, что мнѣ есть что сказать и обществу, и правительству, чего другіе не скажутъ, душа моя рвалась занять мѣсто среди другихъ русскихъ публицистовъ, среди людей, знакомыхъ съ государственной наукой и подготовленныхъ къ обсужденію государственныхъ вопросовъ, и я этого сдѣлать не могъ. Я переживалъ тяжелый кризисъ.

Но по мѣрѣ того, какъ я присматривался къ дѣятельности Г. И. Архангельскаго и Н. Д. Лапчинскаго, я началъ успокаиваться: она мнѣ указывала выходъ, она меня убѣждала, что публицистическая дѣятельность для меня все-таки возможна. Вѣдь и для нихъ вопросъ заключался въ томъ, чтобы не кривить душой, чтобы оставаться честными въ средѣ, въ которой имъ приходилось вращаться и жить. Оба они для этого отказались отъ проторенныхъ путей, свернули съ широкаго наѣзженнаго пути, выбрали никому невѣдомыя тропинки, повидимому далеко уклонявшіяся отъ заманчивой для подавляющаго большинства цѣли, ведшія въ непроходимую чащу или въ вязкое болото, въ которомъ они неизбежно должны были погрязнуть. А между тѣмъ они, какъ и кн. Хилковъ, не только не погрязли въ болотѣ, а напротивъ уцѣлѣли и служатъ даже другимъ путеводной звѣздой. Я рѣшился послѣдовать ихъ примѣру, сдѣлать, какъ публицистъ, то, что они сдѣлали, какъ медики или инженеры.

XVI.

Г. П. Данилевскій, какъ чиновникъ и какъ писатель. — Закрытіе «Собесѣдника» по высочайшему повелѣнію и Ю. М. Богусевичъ. — Его антиподъ, «дантистъ нигилизма», А. С. Героглифовъ. — Польскій вопросъ. — Сенкевичъ, Оржешко, Прусъ, Свентоховскій.

Не сразу однако для меня выяснили вопросъ, какъ въ точности быть и что предпринять. Начало моей публицистической и редакторской дѣятельности было настолько успѣшно, что я сталъ получать съ разныхъ сторонъ предложенія. Это свело меня между прочимъ съ Ю. М. Богусевичемъ и съ А. С. Героглифовымъ, журналистами и издателями діаметрально противоположнаго направленія.

Ю. М. Богусевичъ, извѣстный издатель «Литературной Библіотеки», вздумалъ послѣ десятилѣтняго перерыва вновь попытать счастья и издавать газету «Собесѣдникъ». Подбирая сотрудин-

ковъ, онъ остановился между прочимъ и на мнѣ, и я, не зная, что онъ собственно затѣваетъ, бывалъ нѣсколько разъ на такъ-называемыхъ учредительныхъ его собраніяхъ. Тутъ были и другіе литераторы, изъ которыхъ я помню Г. П. Данилевскаго и В. П. Ключникова.

Данилевскій меня сразу поразилъ своимъ умѣніемъ интересно рассказывать. Когда онъ начиналъ говорить, всѣ затихали. Любилъ онъ предаваться воспоминаніямъ о поѣздкахъ по южной Россіи, объ общественной и земской службѣ въ харьковской губерніи. Но меня вскорѣ поразилъ слѣдующій фактъ. Одинъ изъ его рассказовъ меня живо заинтересовалъ: личности въ немъ выступали точно живыя, и я нисколько не сомнѣвался, что онъ списываетъ съ натуры; въ общемъ получалась картина довольно благопріятная для нашихъ земскихъ дѣятелей. Прошелъ мѣсяцъ или два. Мы опять собрались у Богушевича, но при нѣсколько измѣненномъ составѣ собесѣдниковъ. Разговоръ коснулся однородной темы, и Данилевскій, по забывчивости, весьма понятной при его склонности часто бывать въ обществѣ, повторилъ свой рассказъ, при чемъ я былъ пораженъ тѣмъ обстоятельствомъ, что рассказъ этотъ на меня произвелъ совершенно другое впечатлѣніе. Факты оставались приблизительно тѣ же, хотя и они подверглись нѣкоторому измѣненію, но въ первый разъ рассказъ оказывался благопріятнымъ для земскихъ дѣятелей, а во второй разъ неблагопріятнымъ для нихъ. Я задался вопросомъ: откуда сіе? Я не могъ и подумать, что Данилевскій преслѣдуетъ какія-нибудь своекорыстныя цѣли: собравшіеся люди были не настолько вліятельны. Но составъ собесѣдниковъ во второмъ случаѣ былъ болѣе консервативенъ, чѣмъ въ первомъ, и рассказъ Данилевскаго соотвѣтственно измѣнился. Позже, когда я ближе съ нимъ познакомился, мнѣ все это стало совершенно ясно, и я получилъ новую яркую иллюстрацію того, какъ у насъ люди устраивались, чтобы благополучно рѣшать такъ сильно занимавшій меня вопросъ.

Собственно существовалъ не одинъ Г. П. Данилевскій—ихъ было два: одинъ жилъ для того, что любилъ, другой жилъ для того, чтобы жить, т. е. пріобрѣтать необходимыя ему средства къ жизни. Одинъ Данилевскій умѣлъ всѣмъ угождать: онъ въ началѣ своей карьеры былъ что называется душа общества: и пѣвецъ, и актеръ, и занимательный рассказчикъ, умѣлъ исполнять ловко какія угодно порученія и начальства, и его супруги, ѣздить для нея по модисткамъ и магазинамъ, «искусно выбирать тряпки, пахучіе и блистательные фрукты» или составлять докладныя записки, когда и о чемъ угодно,—словомъ, былъ человѣкъ, для котораго, какъ и для молодого Каткова, «максимумъ амбиціи» было «попасть къ какому-нибудь тузу или тузику въ особыя порученія». Отмѣчу между прочимъ, что этимъ тузомъ былъ, какъ для Каткова, такъ

и для Данилевскаго, министр народнаго просвѣщенія А. С. Норовъ, съ той разницей, что Катковъ въ чиновники особыхъ порученій къ нему не попалъ, а Данилевскій очень быстро угодилъ, какъ онъ самъ выразился, въ «его адъютанты», состоя въ то же время и «адъютантомъ» его супруги и племянницы. Тотъ же Данилевскій служилъ образцово, получалъ всевозможныя командировки по изученію историческихъ памятниковъ, архивовъ, бытовыхъ сторонъ разныхъ русскихъ и инородческихъ народностей, служилъ по земству, былъ и мировымъ судьей, и присяжнымъ повѣреннымъ, и членомъ совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати, и помощникомъ редактора, а затѣмъ и редакторомъ «Правительственнаго Вѣстника», въ каковой должности благополучно и завершилъ свои дни.

Но рядомъ съ этимъ Данилевскимъ, бойкимъ служакой, существовалъ еще и другой Данилевскій,—тотъ, который рѣшительно заявлялъ, что «литераторъ тотъ-же честный чиновникъ великаго Божьяго государства, но его поприще выше всякаго другого» Этотъ другой Данилевскій бросаетъ на 12 лѣтъ службу, чтобы оставаться лѣто, весну, осень въ провинціи, присматриваться, прислушиваться, собирать наблюденія, работать въ тишинѣ и крѣпнуть вдали отъ свѣта. Этотъ другой Данилевскій жаждетъ отдаться литературѣ: «одной, безраздѣльно и навѣки»... «иначе жизнь его въ собственныхъ глазахъ будетъ безчестна». Этотъ другой Данилевскій то и дѣло возится съ литераторами, не устаетъ посѣщать всякаго рода литературныя вечеринки и собранія, въ качествѣ редактора официальной газеты помѣщаетъ въ ней замѣтки, статьи и рецензіи, превозноситъ книги, которыя съ правительственной точки зрѣнія врядъ-ли этого заслуживаютъ, все свое свободное время посвящаетъ литературной работѣ, помѣщаетъ свои произведенія въ либеральныхъ органахъ и пользуется уваженіемъ литераторовъ, признающихъ въ немъ достойнаго своего собрата.

Какъ тутъ не признать, что въ Данилевскомъ совмѣщались два лица? Если онъ такъ высоко ставилъ литературу, то зачѣмъ ему было служить; если же онъ такъ высоко ставилъ службу, что посвятилъ ей почти всю жизнь, то зачѣмъ ему было такъ страстно увлекаться литературой; если же онъ одинаково ставилъ высоко и службу, и литературу, то, будучи практикомъ, какъ могъ онъ не сообразить, что, погнавшись за двумя зайцами, рискуешь ни одного не поймать? Нѣтъ, въ Данилевскомъ было два человѣка, и вѣроятно онъ иногда вмѣстѣ съ Расиномъ горестно восклицалъ:

Mon Dieu, quelle guerre cruelle!
Je trouve deux hommes en moi.

Но было-ли это рѣшеніемъ занимавшаго меня вопроса? Конечно, нѣтъ. Не писалъ-ли самъ Данилевскій, что онъ жаждетъ отдаться

литературѣ, «одной, безраздѣльно и навѣки», и что иначе жизнь въ его собственныхъ глазахъ будетъ «безчестна». Дѣйствительно, желая служить чему нибудь добросовѣстно, желая сдѣлать въ данной области все, что можно, чтобы не упрекать себя впослѣдствіи въ поверхностномъ отношеніи къ дѣлу, нельзя раздвигаться, какъ раздвигался Данилевскій. Сколько у него уходило времени на службу! Въ сущности Данилевскій оставался только дилетантомъ, и если онъ чего-нибудь достигъ въ литературѣ, то только благодаря своимъ значительнымъ способностямъ и необычайной усидчивости.

А Богушевичъ, а Героглифовъ!

Богушевичъ былъ ярый консерваторъ, черносотенецъ, какъ теперь выражаются, но газета его была тотчасъ-же закрыта по Высочайшему повелѣнію. Это можетъ показаться страннымъ. Что-же онъ проповѣдывалъ, чтобы заслужить такую экстраординарную кару?

Существовалъ тогда на свѣтѣ польско-еврейско-французскій публицистъ Юліанъ Клячко, мечтавшій, какъ все поляки, о восстановленіи Польши. Въ отличіе отъ нѣкоторыхъ другихъ поляковъ онъ возлагалъ свои надежды на союзъ Франціи и Австріи, который и долженъ былъ осуществить его мечту. Поэтому онъ и служилъ этимъ двумъ государствамъ, какъ только могъ: Австріи—въ качествѣ чиновника, Франціи—въ качествѣ публициста; Россію же и Пруссію онъ отъ души ненавидѣлъ, какъ государства, мѣшавшія осуществленію его завѣтной мечты. Между прочимъ онъ написалъ въ этомъ духѣ нашумѣвшую въ Европѣ книгу: «Два канцлера», посвященную разоблаченію князей Бисмарка и Горчакова.

Легко себѣ представить, какъ этимъ двумъ государственнымъ дѣятелямъ досталось отъ фантазера-публициста, особенно кн. А. М. Горчакову, давшему въ своихъ дипломатическихъ нотахъ во время повстанія 1863 г. такое блестящее выраженіе нашему національному чувству. Тутъ Ю. Клячко дошелъ въ своей злобѣ прямо до изобрѣтенія никогда не существовавшихъ фактовъ, до совершенно очевидныхъ сплетенъ. Не требовалось особенной проныцательности, чтобы понять, что этотъ пасквиль встрѣтитъ сочувствіе не только во враждебно намъ настроенной Европѣ, но и въ той части русскаго общества, которую, вопреки пословицѣ, что соловья баснями не кормятъ, смѣло можно кормить ими, если только онѣ касаются правительственныхъ дѣятелей. Сообразилъ это и Ю. М. Богушевичъ и до того увлекся желаніемъ сразу обезпечить успѣхъ своему «Собесѣднику», что послѣшилъ начать печатаніе «Двухъ канцлеровъ», совершенно забывъ, что онъ—консерваторъ. Газета его была закрыта по Высочайшему повелѣнію, но это ему послужило на пользу, ибо убѣдило его, что угождать публикѣ сенсационными статьями не всегда удобно, а вмѣстѣ съ

тѣмъ и не такъ-то легко издавать газету и что. благо разумнѣе избрать «благую часть», которая имъ и была найдена: онъ вскорѣ получилъ мѣсто дѣлопроизводителя главнаго управленія по дѣламъ печати, а затѣмъ и редактора «Сельскаго Вѣстника».

А. С. Героглифовъ, его политическій антиподъ, тотъ, кажется сразу послѣ кратковременнаго пребыванія въ тогдашней медико-хирургической академіи сдѣлался чиновникомъ министерства финансовъ и продолжалъ неизмѣнно служить въ этомъ министерствѣ до самой смерти, послѣдовавшей въ 1901 г.; но это однако не мѣшало ему издавать двѣ газеты («Русскій Миръ» и «Гласность»), одинъ журналъ («Пчелу», прославившуюся, благодаря М. О. Микѣшину, бывшему соиздателю Героглифова) и быть сотрудникомъ почти всѣхъ либеральныхъ журналовъ и газетъ 50—70 гг.: «Отечественныхъ Записокъ», «Русскаго Слова», «Голоса» и т. д. Когда я познакомился во второй половинѣ 70-хъ годовъ съ Героглифовымъ (онъ тогда былъ неразлученъ съ Терпигоревымъ, котораго еще юношей, кажется, пригрѣлъ въ своемъ «Русскомъ Мирѣ», воспринявъ его отъ литературной купели), я все тщетно старался уяснить себѣ его духовный обликъ. Онъ несомнѣнно владѣлъ перомъ, былъ, что называется, зубастъ и могъ человѣка такъ отдѣлать, что ему не поздоровится. Но мнѣ по крайней мѣрѣ всегда становилось жаль того человѣка, котораго онъ отдѣлывалъ: въ этомъ отдѣлываніи чувствовалось что-то напускное, такъ что я рѣшительно не могъ пользоваться въ «Телеграфѣ», который я тогда фактически редактировалъ, услугами Героглифова даже для полемическихъ цѣлей въ то время, какъ я постоянно пользовался услугами Терпигорева, который принималъ дѣятельное участіе въ газетѣ, вопреки заявленію его біографовъ, что онъ въ 70-хъ годахъ въ литературѣ не принималъ участія, а занимался совсѣмъ другими дѣлами.

Съ прелестями полемическихъ приемовъ «дантистовъ нигилизма», какъ ихъ называлъ Герценъ, я былъ знакомъ и не могъ не видѣть въ Героглифовѣ одного изъ ихъ представителей. Онъ возбуждалъ во мнѣ живой интересъ. Другихъ «дантистовъ» я на своемъ вѣку не встрѣчалъ, и мнѣ все хотѣлось добраться до истиннаго источника озлобленія, съ какимъ онъ относился къ своимъ противникамъ. Съ другой стороны мнѣ это нужно было, такъ какъ онъ хотѣлъ непремѣнно сдѣлать меня редакторомъ задуманной имъ газеты. Но сколько я его ни выпрашивалъ, я вразумительнаго отвѣта отъ него добиться не могъ: за готовымъ запасомъ приемовъ и рѣзкихъ ругательствъ, какъ я все больше убѣждался, не скрывался источникъ обоснованнаго гнѣва или печали. Слова-то были громкія, но чувства и даже мысли—мелкія. Одно было для этихъ литературныхъ дѣятелей ясно: во-первыхъ, что надо критиковать, поносить, бранить, ругать, устраивать скандалы, такъ какъ это нравится публикѣ, и, во-вторыхъ, что объектомъ этой кри-

тики, брани, ругани должны быть власти. Я-же, по логическимъ и историческимъ основаніямъ, старался относиться къ властямъ съ тою-же объективностью, съ какой я относился къ обществу, распредѣляя между ними и добро и зло русской жизни, и понявъ въ концѣ концовъ, что Героглифовъ, будучи чиновникомъ, неистовствовалъ противъ властей по той-же причинѣ, по которой Богусевичъ сталъ печатать книгу о «Двухъ канцлерахъ», т. е. стремясь угодить публикѣ, отъ которой зависитъ успѣхъ журнала или газеты. Вмеѣстѣ съ тѣмъ участіе въ ихъ изданіяхъ стало для меня невозможнымъ.

Но пока я присматривался къ Героглифову, онъ дѣйствовалъ, и такимъ образомъ получился тотъ курьезъ, что я годъ спустя послѣ того, какъ съ нимъ разстался, вдругъ получаю официальное извѣщеніе, что я утвержденъ редакторомъ «Гласности», т. е. газеты, которую я никогда не редактировалъ и, сколько помнится, даже не видѣлъ. Впрочемъ, она просуществовала безъ году недѣлю и была послѣднею попыткой Героглифова создать себѣ или, вѣрнѣе говоря, тому настроенію, выразителемъ котораго онъ хотѣлъ быть, самостоятельный органъ. Потерпѣвъ и на этотъ разъ крушеніе, онъ до конца дней уже не покидалъ своего чиновничьяго кресла и не пытался уже снискать журнальных лавровъ и журнальных рублей.

Но все это моихъ дѣлъ не двигало, а только окончательно мнѣ выяснило, насколько я далекъ отъ своей цѣли.

Какъ разъ въ это время опять усиленно дебатировался въ русской печати польскій вопросъ, постоянно, какъ какая-нибудь хроническая болѣзнь, то обострившійся, то опять утихавшій. Я и рѣшилъ имъ воспользоваться и вступитъ на путь, указанный Архангельскимъ и Лапчинскимъ. Хотя я въ дѣтствѣ жилъ въ Варшавѣ и съ грѣхомъ пополамъ зналъ польскій разговорный языкъ, но въ сущности я болѣе или менѣе находился въ томъ-же положеніи, какъ и большинство русскихъ публицистовъ, т. е. имѣлъ довольно слабое представленіе о Польшѣ и полякахъ и могъ только руководствоваться въ своихъ статьяхъ общими принципами и благими пожеланіями на тему «самоопредѣленія», какъ теперь у насъ выражаются, или напротивъ «обрусѣнія», какъ выражались уже тогда. Но я все-таки рѣшился избрать именно польскій вопросъ для того, чтобы противопоставить общимъ принципамъ и благимъ пожеланіямъ строго проверенные факты, верховладыю—болѣе глубокое знаніе. Я окружилъ себя новѣйшими польскими книгами, журналами, газетами и весь погрузился въ нихъ, забывая и ѣсть, и спать. Мой трудъ не пропалъ даромъ: я сразу набрелъ на искомое, на то, что мнѣ помогло зарабатывать хлѣбъ, ни на іоту не отказываясь отъ полной своей писательской самостоятельности.

Къ первому моему улову я сейчасъ вернусь, а теперь скажу только два слова о второмъ. Мои статьи по польскому вопросу находили широкій сбытъ: два журнала и двѣ газеты охотно ихъ помѣщали, нисколько не мѣшая мнѣ высказываться свободно. Спорить со мною было трудно, потому что меня сразу признали своего рода авторитетомъ. И не даромъ. Достаточно повторить здѣсь фактъ, мною уже отмѣченный въ печати, что мнѣ, напримѣръ, пришлось разъяснять такому образованному редактору, какъ М. Е. Салтыковъ, что народъ въ нашей Польшѣ вовсе не малороссы, а такіе-же поляки, какъ и образованные классы, и что онъ смѣшиваетъ Царство Польское съ Галиціей, гдѣ дѣйствительно такъ-называемые русины—малороссы. Само собою разумѣется, что при такомъ слабомъ знакомствѣ нашего образованнаго общества съ Польшей мнѣ легко было сойти за авторитетъ и пользоваться всѣми преимуществами такой репутаціи. Мнѣ лично было важно только одно изъ нихъ, именно свобода отъ стѣсненій, которыя наше общество по мѣнѣ властей склонно было налагать на печатное слово. И я ее получилъ, такъ что собранныя мною и впослѣдствіи изданныя «Польскія письма» вполне выражаютъ мое политическое сѣдо, во многихъ отношеніяхъ рѣзко расходящееся и съ консервативной, и съ либеральной программой.

Что-же касается перваго улова, то онъ состоялъ въ томъ, что я наткнулся на нѣсколькихъ польскихъ авторовъ, совершенно тогда у насъ неизвѣстныхъ, а между тѣмъ представлявшихъ несомнѣнный интересъ. То были Сенкевичъ, Оржешко, Свентоховскій, Прусь (Гловацкій). Разказомъ перваго («Эскизы углемъ») я и воспользовался, т. е. перевелъ его и рѣшилъ помѣстить въ распространенномъ органѣ, чтобы сразу обратить вниманіе читателя на тогдашнюю польскую литературу. Для этой цѣли я остановился на «Отечественныхъ Запискахъ».

Р. И. Сементковскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

